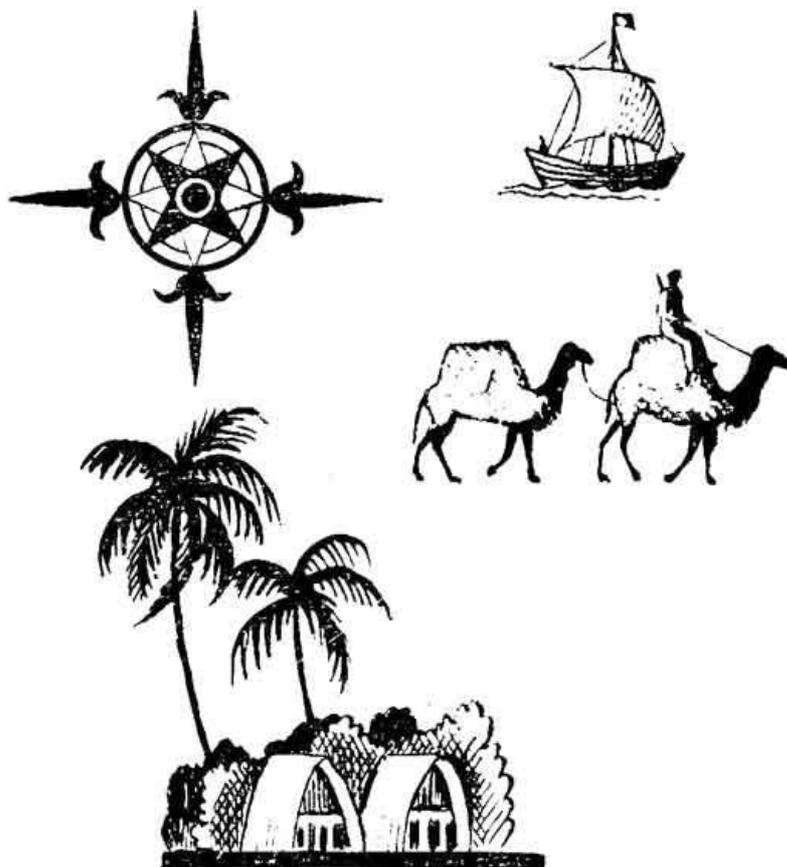

Сергей Марков

Тамо-рус Маклай

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

(О жизни и творчестве Сергея Маркова)

У Сергея Маркова есть стихотворение «Горячий ветер», датированное 1924 годом; заканчивается оно следующей строфой:

И разве может быть иначе? Так много ветра и огня, - Песнь будет шумной и горячей, Как ноздри рыжего коня...

Думал ли, написав эти строки, восемнадцатилетний юноша, что в них – его творческий манифест, что впереди у него и в самом деле много ветра и огня, что песнь его – своеобразная и упрямая – действительно будет шумной и горячей? Не знаю, но, во всяком случае, эту романтическую направленность таланта Сергея Маркова, с ярко выраженным влечением к красочному и неповторимому отображению действительности, первым уловил зоркий глаз Алексея Максимовича Горького, когда он прочитал в журнале «Сибирские огни» № 3 за 1928 год новеллу «Голубая ящерица», – молодого, почти никому не известного писателя. Она начиналась так:

«Откуда под кустом саксаула появилась ящерица, Чигирисов не знал. Он заметил ее внезапно, взглянув на узловатые бронзовые подножия мертвых кустов.

Камни от жары посинели и стали похожи на разбросанные в беспорядке куски мыла, которым цыгане моют лошадей. Даже шумная тень саксаула, истрепанная горячим ветром, была синей и неуловимой. Но ящерица была голубой, и только вдоль спины ее шла темно-синяя полоса, какая бывает на спине рыбы, если на нее смотреть сверху...»

Богатый образами рассказ о двух беспощадных встречах краскома Чигирисова и вожака белобандитов полковника Роя в песках Средней Азии так понравился Горькому, что летом 1929 года он разыскал Маркова и пригласил к себе в Машков переулок. При встрече Алексей Максимович просто и вместе с тем заинтересованно спросил, нажимая по-волжски на «о»: «Откуда происходить изволите?»

Сергей Марков «изволил происходить» из старинного посада Парфентьева, глухой костромской стороны. Обитателей его издревле прозвали парфянами, жители тамошние тоже «окали». Алексей Максимович тут же припомнил и другого «парфянина» – писателя и путешественника С. В. Максимова, и пошел у них легкий, душевный разговор.

«Мне показалось, – вспоминал впоследствии Марков, – что Горький сознает свое право на безграничную добрую власть над людьми. И я подчинился ей, поведав Горькому о себе все. Когда речь шла о самом страшном и тяжелом для меня, он хмурился и делал вид, что отыскивает на столе футляр для очков...»

А трудного в жизни этого молодого человека было немало. В конце 1919 года его отец, землеустроитель, выбранный после революции мировым судьей, умер в Акмолинске от сыпного тифа, на руках у матери осталось шестеро детей. Старшему из них – Сергею исполнилось едва тринадцать лет. Два года спустя скончалась и мать – от холеры. Осиротев, ребяташки разбрелись по приютам. А Сергей Марков уже с четырнадцати лет начал работать в редакции газеты «Красный вестник» – органе Акмолинского ревкома и Укрепрайона, там были напечатаны его первые стихи «Революция». Служил он и в Упродкоме, и в уездной прокуратуре, и в канцелярии народного следователя.

В 1925 году Марков перебирается в Петропавловск-Акмолинский, куда его пригласили сотрудником в газету «Мир труда».

Позже, во второй половине 20-х годов, уже в Новосибирске, был увлекательный период работы в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни», вокруг которого в ту пору объединились такие интересные прозаики и поэты, как В. Зазубрин, Л. Сейфуллина, Всеволод Иванов, Леонид Мартынов, Вивиан Итин, Александр Оленич-Гнененко и другие.

Очерки, фельетоны, рассказы и стихи Сергея Маркова, пробовавшего свои силы в различных жанрах, появляются не только в периодической печати Сибири, но и в Москве.

Казалось бы – чего лучше? Двери литературы гостеприимно отворялись перед ним. Но его манил к себе в не меньшей степени и черный хлеб репортера, – да, по правде сказать, всех нас тогда привлекала работа, открывающая доступ к несметным россыпям информации. Ведь это было преддверие романтичной эпохи первых пятилеток.

Беседуя с Марковым, Алексей Максимович увидел, что перед ним человек с богатым запасом жизненных впечатлений, которые и служат главной опорой в творчество каждого художника. Заканчивая долгий, сердечный разговор, Горький предложил начинающему писателю подготовить рукопись книги рассказов, пообещавхлопотать об ее издании.

И уже в конце 1929 года появилась первая книга Сергея Маркова – «Голубая ящерица», за ней последовали «Арабские часы» (1931) и «Соленый колодец» (1933).

Произведения, составившие эти три книги, были вызваны к жизни не кратковременными наездами командировочного писателя, а непосредственным кипучим участием в жизни и преобразовании бывшей глухой окраины Российской империи.

Рассказы «Голубая ящерица», «Немеркнувший полумесяц», «Подсолнухи в Париже», «Халат Десяти Светил» отображают события гражданской войны в Казахстане и Средней Азии. Годы становления советской власти, коренные изменения, которые происходили после Октябрьской революции в казахских степях, в жизни аулов, где в то время еще существовали полуфеодалы и баи, царили шаманизм и культ предков, запечатлены в таких рассказах, как «Враг», «Нищий в пустыне», «Соляной дом», «Камень Черного Калмыка». Внимание писателя было привлечено также к истории казахов и других народов Средней Азии, о чем свидетельствуют рассказы «Синие всадники», «Происхождение эпоса» и другие. Таким образом, Сергей Марков оказался среди русских советских писателей (Антон Сорокин, Всеволод Иванов, ранний Леонид Мартынов), которые первыми обратились к изображению жизни народов Средней Азии и Казахстана.

Таково было вступление Сергея Маркова в писательскую жизнь. Но впереди была еще

уйма трудностей и житейских сложностей – судьба готовила ему множество всяческих сюрпризов, приятных и неприятных. Пожалуй, он бы и сам не смог тогда сказать, что же станет главным в его творческой биографии – поэзия или проза. Да что говорить, он еще не решил для себя окончательно, какую профессию изберет: его интересовало и краеведение, влекли и геологические изыскания, манила и журналистика.

За всем этим были непрестанные скитания по родной стране: Акмолинск и Москва, Омск и Вологда, Караганда и Архангельск, Чимкент и Великий Устюг, Каргополь и Сольвычегодск – всего не счесть!

В газетах «Советская Сибирь» и позже в «Правде Севера» (Архангельск), в северном отделении телеграфного агентства РОСТА, а затем в редакции журнала «Наши достижения», куда Сергея Маркова порекомендовал Горький, ему поручали брать интервью у путешественников, геологов, гидрографов, этнографов, историков. Он встречался и с датским капитаном Ботведом, совершившим кругосветный перелет, и с членами немецкой воздушной экспедиции «Люфт-Ганза», и с советскими мореплавателями, прокладывавшими пути в неизведанных водах Ледовитого океана, и с бывшим воспитателем тринадцатого по счету далай ламы Тибета бурятом Агваном Доржиевым, и со знаменитым российским этнографом Львом Штернбергом.

Одним из первых Марков опубликовал собранные им уникальные сведения о деятельности выдающегося русского полярного исследователя Н. Бегичева. Довелось ему встречаться и с замечательным ученым, искателем Тунгусского метеорита Л. Куликом. При знакомстве разговор сначала у них не заладился, – Кулик недолюбливал газетчиков, – но потом лед был сломан, молодой журналист и солидный ученый, как выяснилось, в равной степени любили поэзию, и кончилось тем, что они до позднего вечера читали друг другу стихи. Когда же Кулик терпел бедствие в тайге, Сергей Марков со всем пылом, присущим ему, развернул в печати и по радио кампанию по организации помощи его экспедиции.

Молодой Марков брался за самые непредвиденные дела – энергия была в нем, что называется, через край. В 1930 году он по командировке редакции «Наших достижений» поехал в город своей юности – Акмолинск. В тот год строптивая река Нура, единственный источник водоснабжения всего Карагандинского угольного бассейна, образовала новое русло и ушла, оставив землю и людей без воды. Марков выступил в «Известиях» с проблемной статьей о водоснабжении Центрального Казахстана. Автора пригласили на заседание в Президиум Госплана СССР. Его предложения были одобрены. Правительство отпустило большие средства на борьбу с безводьем этого края.

Позже, уже в 1937 году, Сергей Марков в тех же «Известиях» выдвинул на обсуждение вопрос об использовании мощного пояса горючих сланцев, простирающегося от берегов костромской реки Унжи до Ухты на Севере. В итоге Топливная комиссия Совета Министров СССР включила эти сланцы в топливный баланс страны.

И все же главным содержанием и смыслом жизни этого человека всегда были поэзия и романтическая проза. Много публиковалось. Еще большее число произведений оставалось неопубликованным в ожидании своего часа. Но если поискать в литературной жизни Сергея Маркова момент, который определил главную тему его творчества, то вот он: 1934 год, Вологда – там в сторожке огородника Иванова местным краеведом Л. А. Андриевским был обнаружен архив Российской Американской компании, занимавшейся в XVIII-XIX веках освоением земель Аляски и Калифорнии.

История «Русской Америки», которую мы знали в те годы еще очень мало, интересовала Сергея Маркова давно. Северянин по рождению и воспитанию, он кровными узами был связан с Вологдой, Сольвычегодском, Тотьмой, где жили его предки. Еще в раннем детстве, живя в Вологде, он слышал предания о северных землепроходцах и мореходах, утвердивших русский флаг на Аляске и в Калифорнии. И уже в зрелом возрасте, вновь оказавшись на Севере, он первым из советских журналистов получил доступ к документам, считавшимся безнадежно утерянными. Среди них были бумаги М. М. Булдакова, «первенствующего директора Российско-Американской компании», выходца из Устюга Великого и родственника основателя этой Компании – морехода Григория Шелихова. (Именно Шелихов был основателем этой удивительной Компании. Напомню, что на его надгробии в Иркутске высечена эпитафия Гавриила Державина, которая начинается такими словами: «Колумб здесь Русский погребен...»)

Легко представить, с какой жадностью набросился Сергей Марков на эти документы. Читая их, он явственно видел перед собой предприимчивых и смелых, легких на подъем русских людей, терпеливо и упорно осваивавших заморский материк.

Когда царское правительство в 1867 году продало Аляску правительству Соединенных Штатов Америки, следы этого архива затерялись. И вдруг оказалось, что М. М. Булдаков – один из последних представителей компании на Аляске – сумел спасти значительную его часть.

Помню, с каким интересом мы, журналисты «Комсомольской правды», в 30-е годы начавшие уже проявлять интерес к судьбам «Колумбов Росских», восприняли переданное ТАСС из Архангельска сообщение об этой находке. Только несколько лет спустя мы узнали, что автором этого сообщения был Сергей Марков, а вскоре познакомились и с ним самим.

Он появился у нас в редакции как скромный, даже немного застенчивый гость. Незадолго до этого была опубликована в Госполитиздате моя книжечка «Граница», посвященная Дальнему Востоку, где я побывал в составе выездной редакции; мы провели у берегов Тихого океана несколько месяцев – присутствовали на маневрах военного флота, гостили у пограничников, выпускали листовки на стройке Комсомольска-на-Амуре. Все это было чрезвычайно интересно, и хотелось поделиться своими впечатлениями с читателями.

И вот, когда я готовил рукопись книги, попалась мне на глаза изданная в Санкт-Петербурге с разрешения цензора Фрейганга 25 мая 1856 года книжка московского купца А. Маркова «Русские на Восточном океане», в которой он описывал свое путешествие в Русскую Америку – на Аляску и в Калифорнию. Я не мог отказать себе в искушении привести из этой, казавшейся мне тогда экзотической, книжицы некоторые выдержки и попал, как говорится, впросак: московский купец, видимо, не поладил с правителем дел Российско-Американской компании в американских заселениях каргопольским купцом Александром Барановым и изобразил его в самом неприглядном свете, а я, по молодости лет, принял его писания на веру и сообщил советским читателям, что был-де оный Баранов «пьяницей и головорезом»...

«А зря вы его так-то обозвали, – сказал мне деликатно Сергей Марков. – Выпивать Баранов, возможно, и выпивал, без того в тех дальних краях не обходилось, и на руку подчас тяжел был – не зря, видать, себя он не без гордости именовал «российским Писсарро», но все ж таки роль его в Российской Америке по тем временам была совсем иная, чем обрисовал ее мой лихой московский однофамилец в своей книжице, что вы изволили процитировать...»

И он протянул мне пачку карточек, на которых черной тушью были выведены старинным, но разборчивым почерком аккуратно сделанные выписки из документов, найденных им в архиве М. М. Булдакова. Я услышал тогда многое об Александре Баранове и его удивительных делах, узнал:

что, отправляясь в Российскую Америку, он подписал обязательство перед правлением Компании: «Никаких обид не допускать, но изыскивать всевозможные и на человеколюбию основанные средства со всевозможным решением по взаимному доброму согласию, грубых же и в варварских жестокосердных обычаях заматеревших – остерегощать и приводить в познание»;

что под началом у Баранова «на матерой земле и на островах» Америки было около двухсот русских «промышленников» и тысячи креолов – людей, родившихся от смешанных браков с индианками, алеутками и эскимосками, и были среди этих подчиненных, конечно, и такие, что «в варварских жестокосердных обычаях заматерели», и приходилось их при случае «остерегощать и приводить в познание», но подавляющее большинство верой и правдой служило Родине;

что у истоков всего этого огромного замысла освоения девственных заокеанских земель стояли мужественные и благородные деятели – будущие декабристы: правителем канцелярии главного правления Российско-Американской компании был не то иной, как Кондратий Рылеев, в Российскую Америку в 1822 году ездил Михаил Кюхельбекер, живейшее участие в ее судьбах и делах принимали Николай Бестужев, Завалишин, Пестель, и не случайно царь Николай I, допрашивая участника восстания Ореста

Сомова, который тоже участвовал в делах Российско-Американской компании, желчно сказал: «То-то хороша у вас создалась там компания»;

что Александр Баранов, будучи высокообразованным по тем временам человеком, построил на Кадьяке здание библиотеки и туда из Санкт-Петербурга было доставлено много книг, журналов, картин, были там труды Михаила Ломоносова, басни Дмитриева, «Описание Камчатки» Крашенинникова, книги по истории Америки и Азии, «Жизнь Робинзона Крузо, природного англичанина», руководство по металлургии и горному делу, пособия по разным ремеслам, – посещавшие библиотеку эскимосы и алеуты разглядывали электрическую машину, портрет Суворова, картины Жана Батиста Грёза, подростков в школе там обучали не только русскому языку, но и французскому, и не только ремеслу, но и географии и математике;

что русские люди, перебравшиеся через океан, основательно обживали Новый Север, – в столицу Российской Америки Ново-Архангельск мореходы привезли плоды хлебного дерева из Океании, на Аляске звенело испанское серебро, женщины пекли хлеб из калифорнийской муки, мужчины пили ром и вино из Чили и Перу и курили табак из Вест-Индии; в Калифорнии красовался русский форт Росс, основанный Иваном Кусковым, и люди его ходили вверх по течению рек, впадавших в залив Святого Франциска, были установлены прочные связи даже с Гавайскими островами, и тамошний король Тамеамеа I подарил Баранову участок плодородной земли;

что Александром Барановым, который был душой всех этих затей и дел, живо интересовался Пушкин – его восхищал этот энергичный русский деятель, который завел в Российской Америке школы, возвел крепости, построил верфи и спускал на воду русские корабли, – якоря и оснастку для них везли на лошадях через всю Сибирь и потом на суденышках через Охотское море из немыслимо далекого по тем временам Кронштадта. И когда этот человек, у которого в жестокой николаевской России было много врагов, был устранен по клеветническому навету со своего поста, остался в нищете и на обратном пути в родной Каргополь скончался на корабле и был погребен в водной пучине Зондского пролива, Пушкин записал в своем дневнике: «Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека».

Разбирая найденную переписку этого честного гражданина и умного человека, копаясь в архиве Булдакова, отыскивая в Вологде, Устюге Великом, в фондах Северодвинского музея все новые и новые документы той поры, Сергей Марков был одержим невероятным творческим порывом. Отныне, думалось ему, все силы должны быть отданы этому делу; все остальное – даже милая его сердцу поэзия – отходило на второй план. Он задумал создать «Тихоокеанскую картотеку», которая была призвана стать фундаментом, основой его будущих книг.

С поразительным терпением и тщательностью он заполнял одну серию карточек за другой, записывая на плотных листках бумаги краткое содержание найденного документа, существо описанных в них событий, даты и имена. Так создавалась прочная цепь информации, воскрешавшей полузабытую эпоху великих открытий русских людей.

Мы, молодые сотрудники «Комсомольской правды», крепко подружились с Сергеем Марковым, – он, как говорится, пришелся ко двору в нашем веселом, шумном, дружном коллективе, нас всех роднило одухотворенное, романтическое видение событий первых пятилеток – освоение Арктики, дальние, рекордные перелеты, соревнование бетонщиков и каменщиков на стройках, сенсационные открытия советских ученых. И в этой «буче, боевой, кипучей», как выразился активно сотрудничавший еще до нас в «Комсомолке» Владимир Маяковский, нашел свое место и Марков со своей увлекательной и своеобразной исторической и географической тематикой.

Хорошо помню, как приносил он нам в редакцию лаконичные, всегда поэтичные и яркие сообщения о своих находках. Его глаза сияли: где-то в ветхой деревенской баньке либо в заброшенном архиве Сольвычегодска или Каргополя он только что обнаружил считавшиеся погибшими бумаги о «хождениях» русских мореходов за тридевять морей и тридесять земель; в редком альманахе XVIII века сыскал публикацию, вызвавшую сенсацию у историков; где-то обнаружил целую библиотеку старопечатных книг, содержащих уникальные сведения.

Во второй половине 30-х годов Сергей Марков начал реализовать свои замыслы – он пробует силы в жанре научно-художественной литературы.

Героем своего первого повествования – «Тамо-рус Маклай» – писатель избрал великого русского исследователя Новой Гвинеи и других областей Океании Н. Н. Миклухо-Маклая, проследил жизнь самоотверженного ученого и друга угнетенных народов.

Бесстрашному следопыту Н. М. Пржевальскому, описанию его удивительных походов и открытий на лиловых высотах Тибета посвящена «Повесть о Великом Охотнике».

Обе эти повести – «Тамо-рус Маклай» и «Повесть о Великом Охотнике» – составили книгу «Люди великой цели», вышедшую в свет в издательстве «Советский писатель» лишь в 1944 году.

Затем он приступает к работе над романом «Юконский ворон», одновременно трудится над «Летописью Аляски» и обдумывает повесть «Подвиг Семена Дежнева».

Роман «Юконский ворон» по достоинству открывает лежащий перед читателем двухтомник избранных произведений Сергея Маркова. Судьба рукописи романа и всей «Тихоокеанской картотеки», созданию которой писатель посвятил долгие годы жизни, поначалу складывалась трагически.

На последней странице «Юконского ворона» вы найдете авторскую датировку «1940-1941 гг. Москва – «Лебедь» – Можайск». Да, Марков завершил этот роман в начале 1941 года, жил и работал он тогда в Можайске. Принес рукопись в редакцию журнала «Знамя». Она была одобрена и принята к опубликованию. А затем... Затем грянула война, и вскоре Можайск уже горел от вражеского артиллерийского обстрела.

Семья Марковых эвакуировалась на восток. Сам он стал солдатом. Помнится, мы встретились с ним в редакции «Комсомольской правды». Он достал из кармана помятой шинели, которая сидела на нем не очень-то ловко, листок, на котором были написаны стихи о Козьме Минине, и попросил их опубликовать.

«Вот, думалось, напечатаю в «Знамени» роман о Российской Америке, – сказал он грустно, – да сейчас, видать, не до этой темы. Пишу опять стихи. Хочется все же думать, что когда-нибудь и роман увидит свет. Вот только сохранится ли рукопись? И где теперь моя картотека – не ведаю. Жена увезла ее с собой, но удастся ли ей под бомбежками уберечь ее?»

Опасения Сергея Маркова подтвердились. Эшелон, в котором ехала его семья, был разбит бомбами. В числе исковерканных вагонов был и тот, в котором находился ящик с «Тихоокеанской картотекой». Разбитая завалы обломков на путях, люди спешили очистить дорогу. И только чудом, в последний момент, жене Маркова удалось найти среди руин писательский архив и водворить его в уже тронувшийся на восток поезд.

Через некоторое время картотеку удалось переправить из Сеймы, где обосновалась семья писателя, в воинскую часть, в которой служил Марков. Но обстоятельства сложились так, что вскоре заболевшего писателя поместили в госпиталь, эвакуировали во Владимир, а затем – в Москву. Картотека была брошена на произвол судьбы.

Помню, как в редакции «Комсомолки» снова появился Марков, – его 33-я запасная стрелковая бригада размещалась неподалеку от нас. На нем, как говорится, лица не было: «Помогите, – тихо сказал он мне усталым голосом. – Помогите спасти мою картотеку...»

Мы знали, что речь идет о деле всей жизни писателя. И как это ни было трудно, – каждый человек был тогда на учете, – в часть командировали сотрудника с заданием – найти и привезти архив писателя в Москву.

И 1943 году Сергей Марков был демобилизован ввиду крайнего физического и нервного истощения. Он поселился в Москве на какой-то временной жилплощади и продолжал писать и приводить в порядок свою картотеку.

А вот рукопись «Юконского ворона», отданная им в начале 1941 года в редакцию «Знамени», как он и опасался, пропало. Но позже выяснилось, что один экземпляр рукописи почему-то оказался в отделе печати существовавшего тогда Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, и после войны она вернулась к автору. Наконец в апреле 1940 года «Юконский ворон» был напечатан в журнале «Сибирские

огни», а затем выпущен в свет отдельной книгой в издательстве Главсевморпути. Нынешняя публикация его – девятая по счету в СССР. Кроме того, «Юконский ворон» был издан в Польше, Чехословакии, Югославии, Румынии.

Я не буду сейчас говорить о литературных достоинствах романа. Скажу о другом: это романтическое повествование о героической, полной опасностей и необычайных приключениях жизни бывшего лейтенанта флота Лаврентия Загоскина, чье имя в годы его странствий по Аляске не раз было выжжено на огромных сосновых крестах, которые он ставил в качестве приметных знаков, – само по себе явилось еще одной яркой вехой в творческой биографии писателя. Роман продолжил серию повествований Сергея Маркова о людях сильной и благородной души.

И пусть роман о его главном любимце – Александре Баранове так и остался ненаписанным, – о нем Марков успел лишь бегло рассказать в своей «Летописи Аляски», но все же именно «Тихоокеанская картотека» побудила его на большой творческий подвиг – всю свою жизнь он трудился над созданием образов великих «Колумбов Росских» – первооткрывателей дальних земель.

Не раз возвращался писатель на свою «вторую родину» в просторы Казахстана и в Сибирь. Его привлекали Омск и Семипалатинск, бывший город Верный (Алма-Ата), где можно было отыскать свидетельства пребывания Федора Достоевского и Чокана Валиханова.

Там рождалась книга «Идущие к вершинам» (1963). Она рассказывает о дружбе ссыльного Достоевского с молодым Чоканом Валихановым, потомком казахских ханов, офицером русской армии, ставшим одним из замечательных ученых России.

Чокан совершил опасный поход в Кашгар, преодолев высочайшие перевалы Тянь-Шаня. Он создал ряд научных трудов по истории киргизов (так тогда называли казахов) и других тюрко-язычных народов.

В романе проходит вереница современников Чокана – Петра Семенова (в будущем – Тянь-Шанского), Егора Ковалевского, Григория Потанина, Александра Голубева, Михаила Венюкова и других подвижников русской науки.

Во всех своих работах Марков открывал огромные залежи зачастую неведомого даже специалистам фактического материала.

К тому же он обладал редкостным даром поистине стереоскопического художественного видения. Кажущаяся легкость в изображении пейзажа, облика людей, передача их речи не должны обманывать вас, – за каждой строкой здесь горы кропотливого изучения реальностей былого. И вдобавок к этому врожденная любовь к слову – ведь Сергей Марков не только художник романтической прозы, но и поэт.

Вот характерные для него строки из «Юконского ворона»: «Палисады редута трещали от мороза. В ночной тишине раздавались звуки выстрелов: это лопались листовенничные бревна. И хотя большая русская печь топилась круглые сутки, тепло недолго держалось в жилье. Игольчатый иней светился в углах комнаты и на косяках дверей. Он казался розовым от отблеска жаркого огня в печи...»

«Загоскин любил уходить на берег морской бухты, где, как громадный серебряный молот, стучал и гремел водопад. Маленькие радуги сияли в облаках водяной пыли... Было еще одно место на острове Баранова, куда любил уединяться Загоскин. Нужно было пройти двадцать миль к северу от Ново-Архангельска, чтобы увидеть высокие столбы пара, встающего над белым холмом. На склоне холма белели бревенчатые хижины, окруженные зелеными кустами и деревьями. Из земли били горячие ключи. Их тепло давало жизнь травам и деревьям; ранней весной, когда кругом еще лежал снег, здесь все было в цвету».

Какое острое, точное видение деталей – эти красочные детали и остановили в свое время взор Алексея Максимовича Горького на рассказах этого своеобразного писателя.

В последующих книгах Сергея Маркова – «Земной круг» (1966) и «Вечные следы» (1973),

которые не вошли в данный двухтомник, автор, так же как и в других своих произведениях, словно искусный рудознатец, отыскивает совершенно сенсационные факты нашей истории и описывает деяния соотечественников, действительно оставивших вечные следы на карте мира.

Например: знаете ли вы, что еще в XV веке псковитянин Михаил Мисюрь-Мунехин побывал в Каире и описал «Египет, град великий»?

Что уже в XVII веке русские люди познакомились с индонезийцами, а в 1705 году купец Николай Челобитчиков добрался до Малакки «для примечания ост-индской коммерции»?

Что в конце XIX века П. А. Тверской из Весьегонского уезда Тверской губернии основал один из первых городов во Флориде, дав ему имя «Санкт-Петербург Флоридский», построил там первую железную дорогу и сам водил паровоз по ней, а русский инженер Рагозин вместе с техниками и рабочими с Кавказа организовал добычу нефти на острове Суматра?

Каплю за каплей собирал этот неутомимый человек обширнейший и ярчайший фактический материал, который позволил ему по-новому взглянуть на историю великих географических открытий, ранее излагавшуюся во многом односторонне и несправедливо: весь мир знал о заслугах иностранных путешественников, ученых и дельцов, а великие подвиги русских первопроходцев и мореходов оставались в тени либо в полной безвестности.

Почему так было? Сергей Марков дает на это убедительный и хорошо документированный ответ: российские исследователи мира по большей части были выходцами из «низших слоев» общества, причем чаще всего они исповедовали прогрессивные взгляды. Если говорить, например, об исследовании и освоении Северной Америки, об этом было уже сказано выше, то в этом предприятии принимали участие многие декабристы.

«Добрый русский доктор», первый президент сената Гавайских островов Николай Судзиловский, отдавший много сил борьбе за независимость народа Гавайских островов, был революционером, – ему пришлось бежать из России от преследования царских жандармов в 1874 году. В 1905 году он перебрался в Японию – там он вел работу среди русских пленных, издавал для них газету и снабжал их революционной литературой. В числе его сотрудников был баталер с броненосца «Орел» А. С. Новиков, будущий автор «Цусимы».

Среди героев книги «Вечные следы» есть и такая колоритная фигура, как Василий Мамалыга из Бессарабии, – на парусном судне «Гордость океана» он доставлял порох и свинец боровшимся против голландских колонизаторов повстанцам острова Ломбок в Индонезии и помогал им советами. Колонизаторы захватили Мамалыгу в плен и приговорили его к смертной казни. Протесты голландской общественности вынудили суд заменить русскому моряку смертную казнь двадцатилетним тюремным заключением, впоследствии он был досрочно освобожден. Какой была его дальнейшая судьба – неизвестно. Марков установил, что в 1899 году Мамалыга вернулся в Россию.

Сколько их, безвестных российских людей, прошло по дальним тропам всех шести континентов земного шара, свершая великие географические открытия (лишь один Коцебу на своем «Рюрике» открыл в Тихом океане 399 островов), неся свет цивилизации, высоко держа флаг Родины!

Из книг Сергея Маркова вы узнаете и историю «Васькиного мыса», открытого русскими в глубине Африки на озере Рудольфа, и героическую эпопею защитников Албазина – русской крепости в Забайкалье, атакованной несметным китайским воинством, и многие, наверняка до этого вам неизвестные, детали пребывания русских в Бразилии и Индокитае, Индии и Новой Гвинее, на острове Святой Елены и в Афганистане.

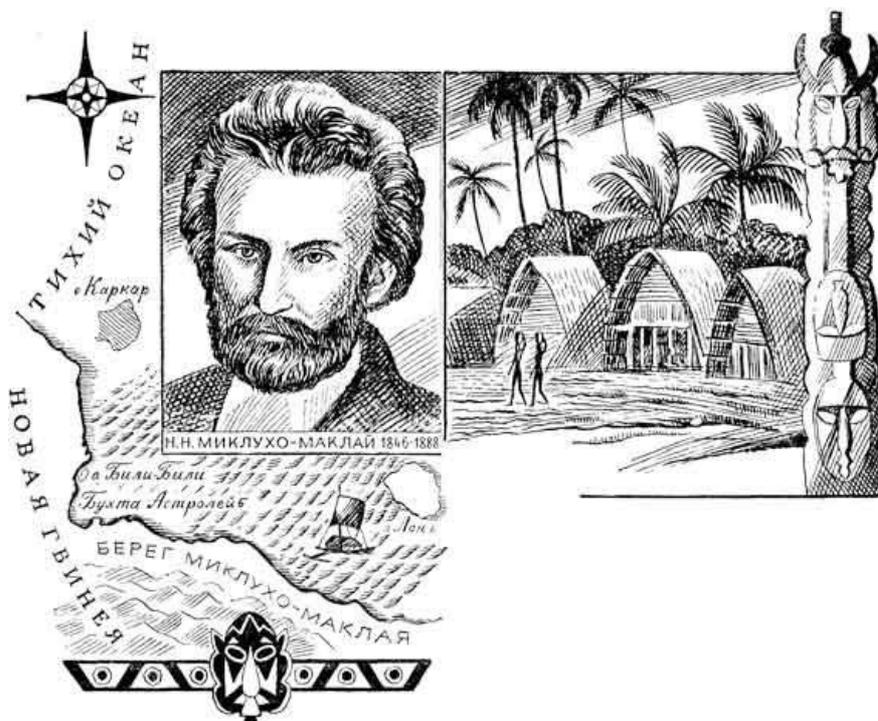
Нет на земле такой точки, которая не была бы овеяна российским флагом, «мерцание Южного Креста и величественный ледяной огонь северного сияния озаряли паруса русских людей», писал в присущей ему поэтической манере Сергей Марков.

Вечные следы, оставленные мужественными героями книг Маркова, были засыпаны

пылью веков, и нужен был величайший труд, чтобы вновь обнаружить их и представить на суд истории. Поиск этот и стал делом всей жизни Сергея Маркова.

Юрий Жуков.

НОВГОРОДСКАЯ РОДИНА

Родиной этого замечательного человека были новгородские края, обширные пространства Северной России с их светлыми зорями. Хвойные леса, мхи-зыбуны на темных болотах, холодные голубые озера, шершавые валуны, похожие на огромные коврижки черного хлеба, синеглазые льны, багровые ягоды клюквы, быстрые реки, бегущие к трем морям, валдайские холмы, сумрачные могилы древней веси, темные погосты – вот что видел путник на тихих новгородских просторах.

В этих просторах затерялся городок Боровичи. К северу от него, за областью холодных озер, стоит Тихвин, к юго-западу в своих горных владениях – славный город Валдай. Прямо на юг от Боровичей – Торжок, где девушки вышивают золотом шелка и бархат, дальше располагается озеро Селигер, на южном берегу которого стоит городок Осташков. Путь к востоку, от Боровичей приведет к Устюжне-Железнопольской, что на Мологе, – к городу древних кузнецов, в Весьегонск, где живут люди с соломенными волосами и глазами цвета голубицы. И кругом мхи, леса, поля, где в ломкой ржи кричит коростель, а ветер рябит воду озер от Тихвина до Кириллова.

Река Мста бежит по Боровичскому уезду, шумя на каменных порогах, в берегах, сложенных из каменноугольных глин. На Мсте боровичане строят суда, искусные кормщики из Боровичей проводят суда через гранитные гряды порогов. Боровичане хорошие гончары. Они также ткут белые холсты и выделывают пуговицы из меди. Город бойко торгует холстами и кожей. Боровичи славятся хорошим местным кирпичом.

На большой дороге в Устюжну брэнчат глухие валдайские колокольцы обозов. На рынке продают возами рожки, розовые пряники, радужные леденцы и снетки.

Но у малого простого городишки Боровичи необыкновенный герб. Щит разделен на два поля – серебряное и голубое. В голубом поле всходит золотое солнце, а в серебряном изображен корабельный руль, окованный железом. Снег, лазурь, солнце и эмблема странствий! И тишина лесной новгородской страны – только для тех, кто не может услышать за ней рокога светлых родников. Здесь, на севере, крепнет и мужает русский народ, тот, что еще ходил в ушкуйниках, раскроплял веслами дальние реки, плавал на утлых ладьях по чужим синим морям.

Боровичи дали миру великого русского землепроходца, и от Боровичей, от ржаных сулонов, начинается история странствий Миклухо-Маклая по земному шару.

...Он родился 5 июля 1846 года в селе Рождественском, что возле Боровичей. Отец будущего путешественника, инженер-капитан Н. И. Миклухо, по-видимому, жил в небольшом именье.

Новгородский архив не хранит в своих фондах никаких документов об отце Миклухо-Маклая, хотя архивисты просмотрели старые документы Новгорода и Боровичей.

Зато удалось установить другое. Из четырех сыновей инженер-капитана Миклухо трое связали свою судьбу с походами, странствованиями, изучением земли и морей.

Два младших сына инженер-капитана немало бродили по земле. Михаил Николаевич Миклухо был геологом. Он исследовал остров Валаам и озерные архипелаги, прилегающие к нему, составил геологический очерк Олонецкого уезда. Он изучал знаменитые кварциты Шокши, из которых был вытесан саркофаг Наполеона, - крепкие породы малинового, багрового и бледно-зеленого цвета. В Житомирском уезде Миклухо-Маклай - геолог проследил процесс перехода мощных слоев лесса в песок. Сверстник Александра Карпинского, Мушкетова, Толмачева, Барбота де Марни, геолог Миклухо сделал немало для познания недр страны. Самый младший из братьев, Владимир Миклухо-Маклай, был моряком. Еще находясь в морском училище, он вступил в революционную организацию «Общество китоловов», и его имя было внесено жандармами в тайные списки революционеров в русском флоте. Очевидно, Миклухо-моряк участвовал в кругосветных плаваниях русских кораблей. Эти плавания были обычны в то время. 15 мая 1905 года капитан первого ранга Миклухо-Маклай погиб в Цусимском проливе, командуя броненосцем «Адмирал Ушаков».

Во время боя «Адмирал Ушаков» оказался в тесном кольце неприятельского флота. Русские офицеры и матросы понимали, что они не смогут выйти из этого кольца и спасти свой корабль. И они приготовились к последнему, беспощадному бою. Японские суда приближались к «Адмиралу Ушакову», и с борта обреченного корабля был отчетливо виден сигнал с предложением о сдаче, поднятый на мачте крейсера «Иваге». По приказу В. Миклухо-Маклая артиллеристы «Адмирала Ушакова» стреляли до тех пор, пока их славный корабль не пошел ко дну.

Капитан первого ранга Миклухо-Маклай покинул корабль последним. Когда к нему подошла японская шлюпка, командир «Адмирала Ушакова», еще держась на волнах, успел указать врагам на гибнущего рядом с ним русского матроса.

Через несколько мгновений В. Миклухо-Маклай пошел ко дну, гордо отвергнув помощь врага.

Братья Маклай - и моряк, и геолог - были известны, как их брат, будущий знаменитый путешественник, под двойной фамилией. Это следует отметить особо, ибо биографы Н. Н. Миклухо-Маклая, в том числе и академик Анучин, утверждали, что великий путешественник прибавил вторую фамилию «Маклай» к основной «Миклухо» совершенно произвольно, в виде некоего экзотического псевдонима. Это утверждение неверно, так как в новых материалах оба брата упоминаются под двойной фамилией.

ПЕРВЫЕ СКИТАНИЯ

В боровичской стороне семья Маклаев жила недолго. Профессор Д. Н. Анучин свидетельствует, что инженер-капитан Миклухо-Маклай был начальником вокзала Николаевской железной дороги в Санкт-Петербурге. Остальные биографы Маклая повторяют вслед за Анучиным эту короткую справку и ничего больше об отце путешественника не пишут.

Теперь удалось установить, что инженер-капитан Миклухо был одним из видных строителей железной дороги между Петербургом и Москвой. Он работал в Северной дирекции; в 1844 году имя его упоминается в царском указе с выражением благодарности инженерам северных участков дороги. Миклухо строил железнодорожный путь от Петербурга на Чудово и Мсту – до границы Крестецкого и Валдайского уездов. Года через два после указа капитана Миклухо назначают помощником начальника опытного участка Петербург – Колпино с веткой к Александровскому заводу, где строились тогда паровозы. 7 мая 1847 года американец Уистлер по приказу Миклухо провел по новой линии первый паровоз. Первый пробный участок был длиной лишь в двадцать шесть верст. К 1849 году открыли второй опытный путь: Вышний Волочек – Тверь, в сто двадцать верст длиной. Когда Миклухо назначили начальником участка, он навлек на себя гнев Клейнмихеля. Дело в том, что Северная и Южная дирекции соперничали, ссорились между собой. «Северянин» Миклухо из-за чего-то крупно поспорил с «южанином» Крафтом, человеком, который был лицом так похож на Наполеона, что все этому изумлялись. Из-за ссоры с двойником Бонапарта капитана Миклухо уволили с участка. Года два подряд сидел он в боровичской усадьбе, где подрастал его четырехлетний сын Николай. 20 июня 1852 года из канцелярии Клейнмихеля вышел приказ № 116 – о разделении железной дороги на отделения и дистанции. Миклухо назначался начальником IV отделения и получал в свое ведение отрезок пути в сто пятьдесят две версты – между Спиоровской и Клином, с такой крупной станцией, как Тверь. Шестилетний Маклай мог помнить многие события на железной дороге – пробный перевоз пехотной дивизии из Петербурга в Москву, проезд царской семьи, осмотр линии грозным Клейнмихелем... Это были такие времена, когда свистки первых паровозов пугали тверских и валдайских лесей, рабочие ловили филинов и орлов недалеко от насыпи дороги.

В 1857 году капитан Миклухо умер. Будущий исследователь Океании после смерти отца поступил в «школу св. Анны» в Петербурге, но через год уже носил на фуражке серебряные гимназические веточки. Не закончив курса Санкт-Петербургской второй классической гимназии, Миклухо-Маклай определился в университет, на физико-математический факультет, по отделению естественных наук. В стенах университета Миклухо-Маклай пробыл недолго: в 1864 году юный Маклай был исключен из списков вольнослушателей, и обер-полицмейстер столицы предложил университетскому начальству выдать Маклаю обратно метрику, копию формулярного списка его отца и бумагу о дворянском достоинстве. Чем это было вызвано, неизвестно. В архивах сохранилась лишь справка о том, что Маклай «...неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц» (то есть для вольнослушателей)...

Возвратив Маклаю бумаги, университетское начальство взяло с него подписку в том, что он не будет больше посещать университет.

С этого времени и начинаются странствия Николая Миклухо-Маклая по земному шару.

Он уехал в Гейдельберг и поступил в знаменитый университет. Числясь на философском факультете, он также слушал лекции и других выдающихся профессоров Гейдельберга. Среди них был Герман Гельмгольц, медик и гениальный физик. В Гейдельберге читали лекции и знаменитый юрист Иоганн Блунчли, веривший в то, что со временем все человечество создаст единое всемирное государство, и великий физик Бунзен.

Два года прожил Миклухо-Маклай в Гейдельберге, потом он переселился в Лейпциг, где мы видим его на медицинском факультете. Но непоседливый юноша из Лейпцига переключался в Йену, где в то время читал лекции Эрнст Геккель, знаменитый естествоиспытатель. Геккель был погружен в изучение простейших беспозвоночных, губок, полипов, медуз, местом его работы были остров Гельголанд, Ницца, Мессина, Неаполь. Ему принадлежала идея изучения животных моря на морском берегу, и

Маклай, организуя впоследствии морские биологические станции, делал это, помня заветы Геккеля. Лучший знаток жизни лучистых, Эрнст Геккель был убежденным дарвинистом.

В 1866 году Геккель подарил миру «Общую морфологию организмов», сделавшую имя его бессмертным. И в том же году Николай Миклухо-Маклай был приглашен Геккелем в большое путешествие. Они побывали на острове Мадейра в Атлантическом океане, где Миклухо-Маклай впервые увидел апельсиновые рощи, драконовые деревья, уступы береговых скал и морские просторы. Волшебная нить странствий впервые привела Миклухо-Маклая на просторы океана. За Мадейрой следовал Тенерифе, где по выжженным солнцем дорогам шагали верблюды, где по светлому снежному шлему Тенерифского пика бежали тени от облаков и где ученому-путешественнику показывали дом, в котором жил творец «Космоса» Александр Гумбольдт.

Геккель со своими спутниками побывал на Гран-Канарии, четыре месяца прожил на острове Лансароте. Миклухо-Маклай анатомировал губки. С океанских островов Миклухо-Маклай устремился в Марокко, проехал в Испанию и через Францию вернулся в Йену. На следующий год мы видим Миклухо-Маклая уже в Мессине, где он работал с зоологом-дарвинистом доктором Антоном Дорном, изучал морские организмы непосредственно в связи со средой.

Но Миклухо-Маклая опять потянуло в другие страны. В 1869 году он появился на берегах Красного моря. Двадцатитрехлетний русский ученый очутился в незнакомой стране, среди враждебных арабских племен. О подвигах Миклухо-Маклая в Африке у нас знают меньше, чем об опасных походах хромого Вамбери, странствовавшего в наряде дервиша по золотым пескам Востока. А ведь юный Маклай прошел пешком через все Марокко. Еще отважнее были его путешествия по берегам Красного моря.

Миклухо-Маклай выбрил, как истый мусульманин, голову, выкрасил лицо, облачился в арабский бурнус. Его можно было видеть на коралловых рифах, где он рассматривал в микроскоп мельчайших обитателей красноморских глубин. Маклай хотел установить связь фауны Красного моря с Индийским океаном. В наряде араба он сидел на морском берегу и вел свои работы в то время, когда термометр показывал не менее тридцати пяти градусов в тени. Но ни голод, ни болезни, ни постоянные угрозы со стороны арабов не смогли сломить Миклухо-Маклая.

Скитания по берегам Красного моря были как бы преддверием к новогвинейской эпопее Маклая.

Убедившись в том, что он уже постиг некоторые тайны фауны Красного моря, изучил его берега, познакомился с бытом арабов, которые не раз, кстати, покушались на его – увы – пустой кошелек, Маклай тронулся в обратный путь. Он увидел Константинополь и скоро сошел с корабля на берег Одессы. Побыв недолго в Крыму и не успев восстановить расшатанное на Красном море здоровье, Миклухо устремился на Волгу. Здесь он, под несомненным влиянием Карла Бэра, стал работать над мозгом хрящевых рыб. Только выполнив эту работу, Маклай успокоился и приехал в Москву с пораженными цингой деснами и остатками тропической лихорадки. Но и тут он не отдыхал. Прямо из гостиничного номера он пошел на собравшийся в Москве Второй съезд русских естествоиспытателей и врачей. С трибуны съезда Маклай предложил проект создания сети зоологических научных станций на четырех российских морях и в Тихом океане.

Маклай рвался в Петербург. Уверенный в своих силах, он ждал там признания своих трудов от седых патриархов русской науки. Особенно он хотел увидеть Карла Бэра.

ЗАВЕТ КАРЛА БЭРА

В 1869 году Карлу Бэру было семьдесят семь лет. Величавая поэма его жизни близилась к концу.

Бэр помнил годы наполеоновского нашествия на Россию, когда он, будучи студентом в Дерпте, добровольно поехал спасать от тифа русских солдат рижского гарнизона. Бэр побывал под картечью, когда Ригу обстреливали орудия армии Макдональда.

В 1826 году Бэр в послании Санкт-Петербургской Академии наук обнародовал свое величайшее открытие в области эмбриологии «О происхождении яйца млекопитающих и человека». Через два года Бэр выпустил первый том «Истории развития животных».

Избранный в члены Санкт-Петербургской Академии наук, Бэр зимой 1829 года покинул Кенигсберг, посвятив с тех пор себя работе по изучению естественных богатств России. Ненадолго наведываясь в Кенигсберг, Бэр с 1834 года уже навсегда поселился в России, спасаясь от произвола прусских чиновников, мешавших его научным занятиям.

Карл Бэр принадлежал к тем ученым, вдохновение которых роднит науку с поэзией. Он рвался за Полярный круг, на Новую Землю, которую не посещал еще ни один ученый-естествоиспытатель. Бэр разыскал русского моряка, лейтенанта Цывольку, получил от него все сведения о Русском Севере и скоро на утлой шхуне летел под всеми парусами из Архангельска к берегам Новой Земли. Он изучил фауну и флору полярного острова, побывал затем на Кольском полуострове и островах Финского залива. Работая в Медико-хирургической академии, Бэр вместе с Пироговым основал Анатомический институт, впоследствии совершил поездки в Геную, Триест и Венецию, где исследовал низших морских животных.

Вслед за этим Бэр устремляется в Балтику и на берега Чудского озера для работ по исследованию рыбных промыслов России, а затем на Волгу, Каспий и Азовское море.

Вернувшись в Петербург, Карл Бэр начал работы по антропологии в Академии наук. Пытливый ум Бэра живо откликнулся на многие явления природы. Он посвящает себя изучению географии, зоологии и антропологии преимущественно с прикладной точки зрения, выдвигает проблему соединения каналом Каспийского и Азовского морей, делает описание Каспия, обосновывает «закон Бэра» - о причинах неравномерной высоты правого и левого берегов рек северного полушария, устанавливает систему измерения черепов, чем и прославляется как «Линней антропологии». Бэр открывает лабиринтовые постройки на островах Финского залива, пишет исследования о папуасах, делает изыскания по истории слова, пропагандирует разведение новых полезных растений и особенно выступает за освоение новых рыбных богатств в водоемах России. Всем известную «астраханскую селедку» до Бэра в России не ели, он доказал съедобность этой породы сельди.

Карл Бэр писал стихи и исследовал «Одиссею» Гомера с точки зрения географа. Сделав подробный разбор «Одиссеи», он утверждал, что Одиссей странствовал большей частью в Черном море, Сцилла и Харибда лежат в Босфоре, Балаклава не что иное, как бухта Листригонов. Его привлекала поэтичность легенды об умирающем лебеде, и Бэр научно обосновал эту легенду, доказав, что южноевропейский черноклювый лебедь-кликун действительно издает звуки, похожие на красивое пение, на что не способен лебедь красноклювый.

В годы, когда дряхлый Бэр допевал свою лебединую песню, юный Миклухо-Маклай искал встречи с этим великим человеком. У Маклая была рекомендация Геккеля. Молодой ученый воочию увидел светлые, широко открытые глаза сего академика, еще горящие юным огнем, его большой лоб и покрытое морщинами лицо.

Карл Бэр оказал большую честь Маклаю. Престарелый ученый поручил исследователю Красного моря начать изучение в Зоологическом музее собранных самим Бэром коллекций морских губок.

Так Маклай получил признание знаменитого старца и, ободренный пожатием его руки, стал описывать бэрвские находки.

Но только ли одни вопросы изучения морских губок влекли Маклая к Бэру? В те годы

виднейшие ученые мира страстно обсуждали проблему происхождения человеческого рода. Антропологи разделились на два лагеря: моногенисты стояли за единство происхождения всех народов мира, полигенисты утверждали обратное. Хотели этого или не хотели полигенисты, среди которых были и ученые с большим именем, но за их спиной стояли колониальные угнетатели, озлобленные прокламацией Авраама Линкольна об отмене рабства в Новом Свете. Еще в 40-х годах XIX века некий Хунт выступил с «теорией», утверждавшей близость низших рас к животным. Потом начались поиски живого «missing link» – недостающего звена между обезьяной и человеком. За признаки этого «вида» принимали и «шерстистость» волос у папуасов, и особую форму черепа, и цвет кожи, и отставленный в сторону большой палец на ноге дикаря, никогда не знавшего обуви. Но Дарвин, Геккель, Бэр, Кольман, Вирхов и другие решительно отстаивали единство происхождения человечества. Не разделяя целиком великой теории Дарвина, Бэр, однако, проявил себя убежденным моногенистом. В самый разгар войны Юга и Севера он писал: «Я ссылаюсь на опыт всех времен и стран: во всех случаях, когда народ несправедливо поступает по отношению к другому, он не преминет считать последний жалким и бездарным...»

Маклаю был понятен интерес Бэра к изучению первобытных племен, ему были известны работы Бэра об альфурах и папуасах. Разгадку происхождения человеческого рода можно найти там, на пальмовых островах Океании. Когда к первобытным племенам придет европейская цивилизация, простые дети природы утратят почти все, что их отличало от белого человека. А белый владыка принесет с собою алкоголь, непонятные для «дикого» человека молитвы, более совершенные орудия убийства, страшные болезни «цивилизованного» мира и рабство, пусть не утвержденное законом, но все же беспросветное и страшное.

Надо идти в Океанию, идти не для проповеди Евангелия, а для спокойного и вдумчивого изучения жизни младших чернокожих братьев, членов единой семьи человечества. Маклай был жадным исследователем. Он верил, что сможет в совершенстве изучить не только черные племена коралловых островов, но самые кораллы, птиц, рыб, медуз, растения и камни океанских стран.

Маклай думал, что первобытного человека следует изучать непосредственно в связи с его средой.

Радужие Карла Бэра окрылили Маклая. Но он нуждался еще в признании и праве на дальнейшее внимание адмирала Федора Литке, вице-председателя Императорского русского географического общества. Это общество в 1845 году создали славные ученые и мореходы – Бэр, Крузенштерн, Рикорд, Литке, Врангель. Общество прославилось в последствии подвигами Пржевальского, Потанина, Певцова, Семенова-Тян-Шанского, Грумм-Гржимайло, Федченко, Северцова и самого Миклухо-Маклая.

В 1869 году Маклай был молодым и совершенно не известным Географическому обществу ученым. Поэтому он, прежде чем идти в Географическое общество, достал письмо от замечательного путешественника – зоолога Н. А. Северцова. Это был храбрый и выносливый землепроходец.

Маклай знал работы этого замечательного путешественника, исследователя Тянь-Шаня и берегов Иссык-Куля, – его монографию об орлах и исследование по биологии красной рыбы.

С письмом от Северцова Маклай пришел к Литке. Но седой орел океанов встретил Миклухо-Маклая не так тепло, как Бэр. Географическое общество лишь разрешило Миклухе сделать сообщение о своих работах на берегах Красного моря.

Через месяц после доклада о Красном море, в октябре 1869 года, Миклухо подал в Совет Географического общества записку о своем желании отправиться на Тихий океан. За Маклая ходатайствовал академик Брандт. Он доказывал Литке, что Маклай уже известен работой над губками, плавательным пузырем акул, мозгом рыб. Но Литке и слышать не хотел ни о каком Тихом океане. Адмирал опасался, что планы молодого путешественника «завлекут общество слишком далеко».

Федор Литке долго не сдавался. С упорством, с каким он в дни молодости бомбардировал Данциг, адмирал отвергал идею Маклая. Адмирал даже не желал принять Маклая, морщась при одном упоминании имени самонадеянного исследователя. Но секретарь

Общества каким-то образом уговорил адмирала и столкнул его лицом к лицу с Маклаем. Обычно застенчивый и молчаливый, Миклухо искусно направил разговор на славное прошлое адмирала. Казалось, он сам был вместе с Литке на шлюпе «Камчатка» у Головнина в походе вокруг света. Маклай вспоминал плаванья Литке в Ледовитом океане, три похода вокруг света, открытие новых островов Каролинского архипелага. По мере рассказов Миклухо Литке видел картины своей прошлой жизни, слышал рев моржей у островов Прибылова, шелест пальм на коралловых островах, видел свечение волн у русских островов в Океании и венец полярного сиянья над Аляской. И старый, растроганный, суровый Литке, проводя высохшими пальцами по седым бакенбардам, сказал, что он будет хлопотать за Маклая.

Обрадованный Маклай начал приводить в порядок личные дела, поехал в Йену и вскоре вернулся оттуда в Россию. Он составлял программу своих научных работ на Тихом океане, включив в нее ответы на некоторые вопросы, поставленные Дарвином другим исследователям.

Маклая горячо поддерживал географ П. П. Семенов, помогали Бэр, Геккель и другие великаны науки.

К этому же времени относится встреча Маклая с Петром Кропоткиным, тогда уже известным своими путешествиями по Китаю, Маньчжурии и Сибири. Уволенный от военной службы, переименованный в титулярные советники, Кропоткин сидел в канцелярии Географического общества. Кропоткин описывает Маклая как «маленького нервного человека, постоянно страдавшего лихорадкой». Будущий друг Элизе Реклю с первых дней знакомства оценил всю незаурядность личности Маклая. Впоследствии о подвиге Маклая писали и он, и Элизе Реклю. Кропоткин называл маклаевские наблюдения драгоценными и сетовал на то, что Миклухо мало выступал в печати с рассказами о своей жизни и научной работе в Океании.

В 1870 году Маклай заявил, что он поедет в тропики и оттуда будет постепенно продвигаться на север Тихого океана – к Берингову и Охотскому морям. Это продвижение от Новой Гвинеи, – очевидно, к Гаваям и от Гаваев к Алеутским островам или через Индонезию, Филиппины, Формозу и Японский архипелаг и Сахалин, – к Охотскому морю должно было отнять семь-восемь лет.

Литке сдержал слово и стал хлопотать в морском ведомстве о том, чтобы Маклая взяли на военное судно. Путешественнику дали из средств Географического общества 1350 рублей.

Этой помощью российские географы и ограничились. Изучение Тихого океана их не волновало. Царская Россия, прекратив кругосветные походы, в то время перестала, с точки зрения многих, быть страной, которая могла себе позволить такую роскошь, как экспедиция в Океанию.

Литке как будто забыл о плаваниях Крузенштерна, Резанова и Лисянского, походах «Рюрика», о русском флаге, реявшем в южных морях, о трепете парусов «Востока» и «Мирного» у коралловых островов Океании и во льдах Антарктиды.

Так или иначе, Маклай должен был надеяться лишь на собственные силы. И он это прекрасно понимал.

В конце октября 1870 года с палубы корвета «Витязь» Маклай прощался с Россией. «Витязь» вышел из Кронштадта; командиру корабля было приказано доставить Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. Морские офицеры, выдавшие всякие виды, пророчили Маклаю, что его съедят папуасы, как некогда канаки съели Джемса Кука. Маклай отшучивался, поглаживая бороду, и уходил из кают-компании к себе. В своей каюте Маклай доставал заветную книгу и перечитывал по несколько раз запавшие ему в душу слова дряхлого Бэра:

«...Таким образом, является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи...»

Вот что внушил Маклаю знаменитый ученый. Но не были забыты и бэровские морские губки. Маклай их изучил, составил описание, и ко времени выхода «Витязя» из Кронштадта труд его был уже напечатан в «Мемуарах Академии наук».

ГОЛУБАЯ ПОЛИНЕЗИЯ

Корвет «Витязь» считался бывалым кораблем. За несколько лет до того, как на его палубу ступил Маклай, «Витязь» совершил вместе с «Алмазом», «Александром Невским», «Варягом», «Пересветом» и «Ослябей» прошумевший на весь мир поход.

В начале осени 1863 года две эскадры русских кораблей – атлантическая и тихоокеанская – ушли в поход. Весь мир был потрясен, когда в сентябре корабли России бросили якоря на рейдах Сан-Франциско и Нью-Йорка. Матросы с «Калевалы» и «Богатыря» расхаживали у калифорнийских Золотых Ворот. Атлантическая эскадра, в составе которой был «Витязь», после пребывания в Нью-Йорке показала русский флаг Балтиморе, Кубе, Гондурасу, Гаване, Ямайке...

Миклухо-Маклай очутился в обществе русских морских волков, которые – от командира Назимова до матросов из новгородских, двинских, костромских, вологодских крестьян – хорошо знали тропические моря.

Маклай договорился с командиром «Витязя» о времени и месте встречи и, выгадывая время, начал поездку по Европе. Он посетил Гамбург, Берлин, Амстердам, Лондон и другие города. Всюду он знакомился с учеными-этнографами, посещал музеи. В Лондоне он хотел увидеться с Чарлзом Дарвином, но эта встреча почему-то не состоялась. Зато он виделся с пламенным апостолом дарвинизма – Томасом Гексли, когда-то изучавшим Австралию и Новую Гвинею, и долго беседовал с ним. Затем Маклай поспешил на «Витязь».

Из Плимута «Витязь» взял курс на острова Зеленого Мыса. Для русских моряков здесь тоже не было ничего нового: те же португальские флаги над правительственными зданиями в Порто-Гранде, те же забытые негры, те же теплые ключи, струящиеся из вулканической почвы острова Винцента. В тропической части Атлантики Маклай по своему обычаю «заниматься не своим делом», как о нем говорили ученые педанты, принялся за измерение температуры океанских глубин. В одном случае он целых три часа измерял температуру океанской воды на глубине тысячи саженей термометром Миллер-Казелла. Эта работа была проделана Маклаем гораздо ранее известной экспедиции на «Челленджере».

В Рио-де-Жанейро Маклай сходил на берег, блуждал по огромной улице До Увидор, смотрел на светлый залив, покрытый островами. Обогнув Южную Америку, «Витязь» прибыл в Чили. В Вальпараисо наш очарованный странник не ограничился обычной прогулкой по городу и приморскому рынку и рассматриванием холмов, покрытых зарослями алоэ. Маклай из Вальпараисо проехал за сто шестьдесят верст – в Сантьяго, где, шагая по порфиловым тротуарам, оглядывал белые башни города, здание старинного университета, берега речек и видные из Сантьяго вершины Андов. Маклай съездил к горе Аконкагуа, и только краткость стоянки корабля в Вальпараисо удержала его от соблазна подняться на ее склоны, чтобы оглядеть океанские просторы. Из Вальпараисо Миклухо писал в Петербург, что и в Патагонии, и в Магеллановом проливе он тоже вел научные наблюдения.

Корабль заходил на сказочный остров Пасхи (Рапа-Нуи), где высились знаменитые древние статуи – огромные истуканы, вытесанные из базальтовых глыб. Идолы с плоскими затылками и теменем, с длинными носами на зловещих лицах, с подобием серег в каменных ушах стояли на уступах потухшего кратера. Мастера неизвестного народа ваяли этих идолов ножами и скребками из обсидиана. На острове идолов были видны остатки мостовых из плит посреди правильно разбитых насаждений, развалины загадочных дворцов, подземные дома...

Здесь Маклай впервые столкнулся с трагедией народов Океании, оказавшихся беззащитными перед лицом хищных плантаторов, видевших в туземцах только даровую рабочую силу. Он разговаривал с неким Борнье, агентом богатого плантатора Брандлера с острова Таити. Борнье производил «добровольный» наем рабочей силы для плантаций своего хозяина. Чтобы обеспечить успех вербовки, Борнье предал огню жилища островитян, вырубил пальмы, сровнял с землей плантации. После этого туземцам пришлось сдаться. Борнье передал двести будущих рабов Брандлера христианскому миссионеру, приказав ему везти жителей острова Пасхи на таитские плантации. Среди обитателей острова был один ученый жрец, «маори», по имени Меторо Тауауре.

Маклай был свидетелем гибели остатков целого народа. Жители острова каменных истуканов когда-то были сильным и отважным племенем. Они имели выборных военачальников. Предводителем воинов мог быть лишь самый храбрый. Островом Пасхи правили цари. Первым из них был, как гласит предание, Хоатуматуа. Он заселил остров. После него правили еще двадцать девять владык. При них развивалось здесь искусство ваяния исполинов из каменных глыб. Народная память сохранила имена некоторых скульпторов – Канано, Маранате, Готомаара. Династия первобытных художников создала здесь пятьсот пятьдесят каменных идолов в шапках из красного туфа. На острове Пасхи вырезывали неисчислимое количество идолов из редкостного красного дерева эдварзии, божков в виде людей и ящериц с глазами из агата и перламутра. Художники украшали каменные плиты изображениями морских птиц. Островитяне строили дома из камня и даже подземные каменные убежища. Но самым примечательным было то, что туземцы острова Пасхи имели свою очень своеобразную письменность. На скалах Тарахои стояли дома художников и ученых – «маори»; там жили они и там же создавали знаменитые «руа» – письма на досках из твердого красного дерева. Смуглый жрец осколком крепкого камня чертил на дереве изображения птиц, животных, растений, людей. На таких табличках рисовались также предметы, которых не было на самом острове Пасхи. Это подтверждало догадки некоторых исследователей, что рапануйцы действительно когда-то пришли на этот базальтовый остров из каких-то других стран. Ученые думали, что творцы исполинских идолов были потомками переселенцев из Центральной Азии, которые через Индию и Индонезию дошли до синих полинезийских просторов.

Мирные ваятели истуканов с ужасом встретили первых хищников. Это были перуанские торговцы рабами. В 1862 году появились их корабли в бухтах острова. Перуанцы под предлогом «найма» рабочих для добычи гуано на острове Чинча напали на рапануйцев. Пираты взяли в плен всех знатных островитян. Царь острова Пасхи Маурага выронил из рук длинный скипетр с изображением двуликой человеческой головы. Маурага был пленен вместе с учеными и ваятелями. Часть простого народа успела скрыться в пещерах и подземных жилищах.

Вслед за торговцами рабами на острове Пасхи появились миссионеры. Через два года после пленения туземцев перуанцами на остров прибыл из Вальпараисо член «Братства святого сердца», христоробивый Евгений Эйро. Фанатизм делал его бесстрашным. Эйро прожил на острове около года единственным европейцем среди доброй тысячи островитян, от которых нельзя было требовать любви к белым людям после событий 1862 года. Мужественно перенося лишения и опасности, чилийский монах вел на острове записки. Сам того не подозревая, Эйро высказывался в пользу моногенистов: он утверждал, что даже цветом кожи жители Рапа-Нуи не очень отличаются от европейцев и что лица островитян очень похожи на европейские.

«Когда я говорил о явлениях природы, все подходило ко мне и слушали, даже старики присоединялись к моим ученикам», – писал Евгений Эйро.

Но, не прожив и года на острове Пасхи, он сбежал оттуда с первым же кораблем, успев построить все-таки церковь у подножия базальтовых истуканов. Года через четыре на острове Пасхи высадился любознательный офицер Топаз. Он осмотрел мастерские ваятелей, размещенные внутри потухших кратеров, исследовал остатки каменных жилищ возле вулкана Терно-Хау и привез в Европу двух небольших истуканов. Их поставили в открытой галерее Британского музея. Десять тысяч лет – вот возраст некоторых памятников с острова Пасхи! Зловещий Борнье, известный еще и под фамилией Дютру-Борнье, появившись на острове, купил себе земельный участок за несколько аршин какой-то дешевой ткани. Отсюда началось его темное владычество на острове каменных великанов. Разорив туземцев, уничтожив их жилища, он стал разводить па острове тонкорунных овец. Дютру-Борнье не пощадил даже христианской миссии на острове – он занял дом миссии и церковь под склады шерсти.

...Маклай увидел переселенцев с острова Пасхи. Они не могли доехать до Таити, многие из них умерли в затхлом корабельном трюме. Даже миссионер, человек с железным сердцем, не выдержал вида страданий пленников и выпустил их на волю. Встретиться Маклаю с ними довелось на острове Мангарева. Он подробно исследовал рапануйцев, зарисовывал их, удивляясь худобе и забитому виду пленников Борнье. В дневниках Маклая нет никаких упоминаний о знаменательной встрече с ученым «маори» Меторо Тауауре, сыном Хетуки. А эта встреча должна была неминуемо состояться, ибо Меторо был в числе пленников рапануйского «овцевода». Жрец с острова великанов был

последним «маори», который умел читать знаки на дощечках из красного дерева. Вернее, он не читал, а пел, глядя на рисунки таблиц.

«Я дал одну из таблиц в руки Меторо... Он ее вертел и перевертывал, ища начала, и наконец запел написанное. Он пел нижнюю строчку слева направо; дойдя до конца строчки, он запел следующую, уже справа налево; третью строчку опять слева направо, четвертую – справа налево. Так правят волон на пашне. Дойдя до последней верхней строчки одной стороны таблицы, он перешел к ближайшей, т. е. к верхней, строчке обратной стороны и таким же образом спустился со строки на строку...

Я опять отдал табличку Меторо и записывал то, что он говорил, разделяя чертой то, что приходилось на каждый знак; таким образом, каждому написанному знаку соответствовало определенное количество слов. Я искал название такого рода письменности: она называется Бустрофедон (bous – вол, strepho – я поворачиваю), так как строчки начертаны попеременно – то слева направо, то справа налево, подобно следам плуга. Каждый знак более или менее близко изображает предмет, который обозначает. Если бы я дал весь текст, пропетый Меторо, в подстрочном переводе, образы, добавляемые во время пения, дали бы возможность заполнить более 200 страниц...» – так писал один из ученых, Герана Laussen, о тайне красных таблиц острова Пасхи. Маклай видел эти единственные образцы полинезийской письменности и должен был знать последнего во всем мире человека, умевшего выпевать поэмы, начертанные на гладком дереве.

Прошлое острова Питкэрн волновало Маклая. Когда-то, в конце XVIII века, девять мятежных матросов корабля «Bounty», взяв с собою шесть туземцев и двенадцать таитянок, высадились на пустынном острове Питкэрн. Прошло много лет, и много разных событий произошло на океанском островке. О беглецах уже успели забыть. Но в 1814 году капитан одного из английских кораблей нашел на Питкэрне целую колонию потомков мятежников от браков их с таитянками. Общиной на острове управлял седой первооселенец Джон Адамс. Все европейцы, посещавшие в XIX веке Питкэрн, в том числе и русские путешественники, – например, Кирилл Хлебников, следовавший из Аляски в Россию, – были поражены нравственной чистотой и физическим здоровьем колонистов Питкэрна. Маленькая община на одиноком острове жила в мире и согласии, молодежь была на редкость сильной и красивой. Количество рождений здесь брало верх над смертностью. Моногенисты учили, что от смешанных браков европейцев с представителями «цветных» племен нельзя ждать здорового поколения, что потомки белых и туземок неминуемо обречены на вымирание. Еще Карл Бэр высмеивал эту «теорию». Пример процветания питкэрновцев показывал, что все зависит от условий, в которые поставлены потомки белых и туземцев. Юноши и девушки росли здесь крепкими духом и телом. Это маленькое государство счастливых и свободных людей было воспето Байроном.

Не здесь ли в сознании Маклая впервые родилась его мечта о лазурной Океанской республике?

Мангарева, вулканический архипелаг, окруженный коралловым рифом, напомнил Маклаю о Чарлзе Дарвине. Именно здесь Дарвин открыл происхождение коралловых островов, связанное с опусканием дна океана. Большой коралловый риф, по мнению Дарвина, не что иное, как границы ушедшего под воду острова.

Широко раскрытые на мир глаза Маклая увидели и архипелаг Таити. Корабль остановился в гавани Папее, на главном острове архипелага. Путник видел гигантскую вершину горы «Земля богов», увенчанную прямыми, как свечи, базальтовыми столбами, на которую еще никогда не всходил человек. В Папее среди садов и пальмовых рощ бродили полинезийцы, люди замечательной красоты. Маклай думал о тайне происхождения племен на островах Океании, о загадке переселения этих людей на лазурные берега из каких-то иных областей.

Русские бывали и до Маклая на Таити. Так, под кровлями таитских хижин как лучший гость был встречен другой замечательный русский человек – будущий декабрист Д. Завалишин. Он писал, что русских принимали как самых лучших друзей и дворцы, и хижины Таити. Но в голубой Полинезии за кажущимся безмятежным счастьем Маклай разглядел и весь ужас бесправного положения островитян. Он видел во всей его отвратительной наготы институт рабства, прикрытый, как саваном, видимостью «добровольного» труда островитян. Маклай опять вторгся в «область, далекую от его

специальности». Строгая, показная чинность Императорской улицы в Папеэте не могла дать понятия о правах столицы архипелага. Стоило пройти немного в сторону – и путешественник увидел бы плоды капиталистической «цивилизации». Хорош вид хотя бы одной из немногочисленных площадей, которая носила название «Малой Польши»! Это – клоака Таити, где кабаки лепятся к другому кабаку, где совершенно открыто существует рынок разврата, где пьяные матросы и солдаты, горланя песни, расхаживают в обнимку с женщинами по грязной мостовой, покрытой скользкими апельсиновыми корками.

Далее на улицах цветущие ванильные деревья скрывают от взоров путника прочные здания, возле которых расхаживают часовые. Корпус жандармов, казарма, тюрьма, палата юстиции на улице св. Амелии – вот она, благословенная Полинезия! Таитянский «рай земной» существует лишь на пестро раскрашенных картинках – рекламах туристских фирм и пароходных компаний.

Первый король-христианин Помаре II дрался здесь с идолопоклонниками и даже бежал от них на остров Эймео, оставшийся верным его скипетру. Королю сопутствовал миссионер Нотт. Восставшие идолопоклонники разрушили типографию короля, перелили шрифты на пули, а христианские книги изорвали на ружейные пыжи. Король шесть лет пребывал в изгнании, шесть лет копил силы для мщения. В 1815 году он появился в родных местах и дал решительный бой идолопоклонникам. Победив врагов, Помаре II стал окружать себя миссионерами. В годы изгнания король успел перевести на таитянский язык Евангелие от Луки. Уже и тогда он был неравнодушен к рому. Миссионеры привезли из Европы новый типографский станок. Заслуга короля – первая таитянская азбука, которую он набирал сам. Потом он издал свое Евангелие от Луки – три тысячи книжек в переплетах из кожи диких кошек. Король-книжник воздвиг себе памятник – огромный собор с колоннами из стволов хлебного дерева. В 1821 году он умер от водянки. В последние годы жизни христианнейший король не расставался с Библией и бутылкой с ромом. Библию он переводил, подкрепляя себя огненной влагой. Королю Помаре II приписывают такие предсмертные слова: «О Помаре! Твоя свинья теперь разумнее тебя...» Утешенный этой мыслью, король сошел в могилу. Маклай видел мавзолей короля с коралловыми стенами. Помаре II по наивности своей хотел взять себе монополию на всетаитскую торговлю, не понимая того, что это никак не могло устроить его заокеанских друзей и просветителей. В 1824 году на Таити пришел русский корабль под командой Отто Коцебу. Миссионер Вильсон готовился в таитянском соборе к коронации Помаре III, которого королева-мать тогда еще носила на руках. Коцебу заказал корабельному сапожнику башмаки для будущего владыки таитянского, и Помаре III благосклонно принял этот дар, приуроченный к коронации. Король вступил на трон в русских башмаках... Моряки с корабля Коцебу тогда же сделали пробную съемку Матавайского залива и соседней бухты Матуау, определили широту таитянского мыса Венеры (Венюс).

Бельгиец Мёренгоут сыграл роковую роль в жизни Таити. Он как будто бы мирно и тихо жил там с 1829 года. Но в 1838 году в бухтах Таити появился французский фрегат «Венера». На нем прибыл офицер Дюпети Туар. Он очень настойчиво советовал королеве таитянской дать разрешение французам всех профессий и сословий селиться на Таити под покровительством консула Французской республики господина Мёренгоута... После этого Дюпети Туар пошел к Маркизским островам, чтобы высадить там двух католических миссионеров. Через четыре года Франция вынудила королеву Таити подписать договор, который давал Франции право управлять всеми иностранными делами на Таити, за королевой осталось лишь право на власть над своими подданными. Но властителем Таити сделался г. Мёренгоут, глава «временного правительства». Через год Дюпети Туар снова угрожал пушками со своей «Венеры» спокойствию таитянского парода. Королеве пришлось спасаться бегством на соседний остров, как бежал некогда от идолопоклонников Помаре II. И тогда на «счастливых» островах Полинезии грянула война таитян с войсками Луи-Филиппа. Судьба Таити решилась 17 декабря 1846 года, когда французы силою оружия заставили сдаться два отряда повстанцев в лагерях при Нунавиа и на горе Тагеваи. Таитяне дали присягу французскому протекторату...

Вскоре на Таити появились учреждения цивилизованных стран в виде корпуса жандармов, полицейских бюро, тюрьмы, кабаков и домов терпимости. Отсюда французские миссионеры и торговцы распространяли свое владычество и на другие острова Океании, – например, на Маркизские. Здесь подвизался такой прожженный делец от религии, как миссионер Крук, знакомый Океании с 1797 года. В 40-х годах XIX века Крук на Таити открыл нечто вроде школы туземных проповедников христианской

религии, он разъезжал с этими «таитскими учителями» по Полинезии.

Наконец нить чудесного странствования русского человека, уводя его на берег Новой Гвинеи, зацепилась за базальтовые скалы архипелага Самоа – сердца Океании. Здесь те же люди, что и на Таити. Они говорят на наречии, которое состоит почти из одних гласных.

«Витязь» зашел в главный порт и город архипелага – Аниа. Здесь Маклай увидел подневольный труд океанийцев на хлопковых и кофейных плантациях, жителей Меланезии, насильно привезенных сюда для отдачи в рабство европейцам.

Аниа была в то время поделена между Германией, Англией и Америкой, и консулы этих государств правили ею. Для приличия острова Самоа считались конституционным королевством Тау, но все дела вершились в Аниа тремя консулами.

На Самоа Маклай занялся важным делом. Он искал себе помощников и слуг для жизни в Новой Гвинее. И хотя Маклай хорошо знал людей, но в Аниа он совершил большую ошибку, наняв шведского матроса с китобойного корабля – Ульсена.

Ленивый, трусливый лежебока Ульсен принадлежал к тем матросам, которые поныне называются на всех морях мира «бичкомберами» – «чесателями берегов». Отправляясь в Новую Гвинею, Ульсен, очевидно, думал о жизни там как о веселом и обычном пребывании тихоокеанских китобоев на Гавайях, среди туземок. Неизвестно, какие мысли теснились в длинном черепе Ульсена при его сборах в Новую Гвинею, но Маклаю пришлось не раз потом свидетельствовать, что люди с меланезийской формой черепа оказались в тысячу раз благороднее, смелее и предприимчивей Ульсена. Маклай в своих дневниках не жалел чернил, чтобы очертить трусость, жадность и леность Ульсена.

Так или иначе, Маклай был рад тому, что нашел людей, согласившихся ехать с ним на далекий берег. Ульсену, очевидно, отставшему от судна или списанному с него, на первых порах было все равно.

Вторым спутником Маклая был Бой, полинезиец с острова Ниуэ близ королевства Тонга. Остров этот славился во всей Океании обилием плодов и свободолюбивыми людьми.

После Самоа русский корабль посетил остров Ротума, причисляемый к архипелагу Фиджи, хотя Ротума лежит километрах в пятистах от Фиджийских островов. Люди на Ротуме живут только на побережьях, у кольца пальмовых лесов, а внутри острова вряд ли кто отваживался бывать – там бродили огромные стада диких свиней. Ротумцы считались хорошими знатоками Океании, смелыми мореплавателями, и много морских дорог сходилась к их хижинам на берегах острова.

Корабль идет вперед, и вот с борта его Маклай жадно разглядывает острова Меланезии. На острове Томбара (Новая Ирландия), в порту Праслин, Маклай видит меланезийские села у подножья высоких гор, слышит рассказы о меловых статуях в общественных зданиях островитян и узнает, что жители Томбара похожи на обитателей Новой Гвинеи.

Маклай еще вернется сюда!

Он горит желанием скорее ступить на землю Новой Гвинеи, и в сентябре 1871 года взору очарованного странника наконец открывается закрытый наполовину облаками берег желанного острова.

ШКОЛА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В 1819 году молодой французский мореплаватель был послан исследовать берег и острова Эгейского моря. Во время стоянки фрегата у берегов острова Милос моряк случайно увидел грека-земледельца, склонившегося над выкопанной из земли прекрасной статуей древней богини. Потрясенный красотой мраморного тела, моряк сообщил о находке неизвестного грека.

Вскоре Венера Милосская явилась миру с палубы фрегата. Одного лишь этого открытия было бы достаточно для бессмертия Дюмона Дюрвилля. Но человек, нашедший Венеру Милосскую, преисполнился жаждой новых открытий.

В 1822-1825 годы Дюмон Дюрвилль совершил свой первый кругосветный поход и вскоре после него – второй. Дюрвилль решил идти к Южному полюсу. Знаменитый русский путешественник-мореплаватель Иван Крузенштерн горячо напутствовал его, и Дюрвилль устремился во льды Южного полушария. Но на 64° южной широты встретились айсберги, заставившие Дюрвилля вернуться в Чили. Во второй раз он доходил до 66°30' южной широты и водрузил французский флаг на земле Адели и берегу Клари. Он умер за три года до того, как родился Миклухо-Маклай.

Во время второго кругосветного похода Дюмон Дюрвилль, проходя на фрегате северо-восточный берег Новой Гвинеи, открыл бухту Астралейб. Не сходя на берег, он сделал съемку бухты с борта фрегата. К заливу Астралейб и пришел русский корабль «Витязь» после последней стоянки у острова Томбара.

Офицеры корвета осматривали через подзорные трубы зеленые берега залива, холмы, увенчанные столбами дыма. Маклай спокойно разглядывал места, где он будет жить. «Витязь» лежал в дрейфе посередине лазурной гавани. Командир корвета Назимов советовался с Маклаем, куда лучше высадить его, Ульсена и Бою. Вдруг один из офицеров корвета увидел бегущих папуасов. Они промчались по песчаному берегу и скрылись в густом лесу. Взгляд Маклая остановился на мысе, скрывавшем небольшую бухту. Он показал на нее Назимову, и корвет вскоре стал на якорь. И тут снова из леса вышли папуасы. Они несли в дар неведомым гостям кокосовые орехи. Маклай велел Ульсену и Бою собраться и первым спустился в шлюпку.

Целый день потратил Маклай на первые встречи с папуасами. Он храбро углубился в лес по неведомой тропинке, зашел в деревню и долго искал в ней присутствия какого-нибудь живого существа. В кустах возле деревни Маклай встретил своего будущего друга – Туя. Маклай взял за руку Туя, онемевшего от ужаса, и привел его в деревню. На деревенской площади вокруг Маклая и его спутников скоро собралось восемь папуасов с черепаховыми серьгами в ушах, каменными топорами в смуглых руках, увешанных плетеными браслетами. Маклай щедро одарил папуасов и к вечеру вернулся на корвет. В следующий раз, когда Маклай вновь съехал на берег, Туй вышел к нему навстречу. С этого момента Маклай решил прочно обосноваться в Новой Гвинее. Он выбрал место для постройки хижины возле ручья, близ самого моря.

Матросы и корабельные плотники с «Витязя» помогали Маклаю, Ульсену и Бою строить хижину из досок, заготовленных еще на острове Таити. Офицеры бродили по берегу и снимали карты берега, не ведомого европейцам.

Бухта с коралловыми берегами была названа портом Константина, мысы – в честь военных топографов, делавших эту съемку, а отражавшийся в голубой воде ближний остров получил имя «Витязь».

Между тем новый друг Маклая, пожилой семейный папуас Туй, стал предупреждать Маклая о том, что, как только корабль скроется из виду, папуасы придут и умертвят Маклая, Боя и Ульсена. Маклай сделал вид, что не понял Туя, и преподнес ему в подарок еще лишний гвоздь. Люди с «Витязя» обеспокоились рассказом Маклая, и артиллерист Чирков придумал хорошую меру «на всякий случай» – заложить мины вокруг хижины Маклая. Матросы корвета так и сделали – расчистили лес вокруг хижины и закопали мины.

27 сентября 1871 года «Витязь» снялся с якоря и покинул бухту Астралейб. Маклай остался под пальмовой кровлей хижины, над которой развевался русский флаг.

Так началась изумительная жизнь русского человека на острове среди папуасов. Грохотало коралловое море, шумел тропический лес, облака ползли над высокими горами. Но сокровенная жизнь Новой Гвинеи для Маклая была еще скрыта, как причудливые горы облаками.

Но мало-помалу завеса стала раздвигаться, лицо новой страны все явственней вставало перед Маклаем. Он уже записывал папуасские слова. Туй, шеголявший в шляпе китобоя Ульсена, помогал Маклаю в его познании папуасского наречия. С кучкой папуасов он подходил к хижине и оставлял Маклаю поросят и кокосовые орехи. Бой играл перед папуасами на губной гармошке и обучал новых знакомых этому искусству. Дружба завязалась уже с первого дня. Но не омрачится ли она?

Маклай долго думал: идти ли в папуасскую деревню с револьвером? Но после раздумья он оставил револьвер в хижине и сунул в карман лишь записную книжку и прихватил подарки для туземцев. Маклай пошел в деревню Горенду. Там папуасы стали пускать стрелы прямо над ухом Маклая, размахивая копьями перед его лицом. Что сделал Маклай? Он спокойно распустил шнурки башмаков и улегся спать на циновке. Таков был поединок копья и железной воли Маклая. Победила воля. Проснувшись, Маклай поднял голову и увидел, что папуасы мирно сидели вокруг него, жевали бетель, оружия в их руках не было. Папуасы зачарованно глядели, как Маклай зашнуровывает ботинки. Он ушел домой, сделав вид, что ничего не случилось.

Так Маклай «заговаривал» себя от копья, стрелы и ножа из казуаровой кости. Туй стал частым гостем хижины Маклая, он любил сидеть возле лестницы у входа в дом. Часто Туй присылал с сыновьями свинину, бананы, таро – все в свертках из листьев деревьев. Один раз кто-то прислал три свертка с провизией для Маклая, Боя и Ульсена. В свертках были бананы, плоды хлебного дерева и холодная вареная... человечина!

Папуасы уже звали Маклая по имени, приставка «тамо-рус» (русский человек) появилась впоследствии. Маклай, пряча добрую усмешку в каштановой бороде, смотрел на папуасов, пиликавших на его гармошках, смотревшихся в его зеркальца.

Маклай не раз показал презрение к смерти, и папуасы решили, что человек этот бессмертен. В этом они не ошиблись – имя Маклая действительно осталось бессмертным для науки.

Маклай завел строгий распорядок дня. Вставал он на рассвете и шел умываться к ясному ручью. Потом пил чай, – он любил этот терпкий, бодрящий напиток. После чая он делал наблюдения за приливной водой, ветром, измерял температуру воды и воздуха. Около полудня Маклай завтракал и шел на берег моря за водяными животными или в лес – ловить насекомых для коллекций. Вечером склонялся над дневниками.

Чудесное входило в быт. Маклай видит – вот идет Туй в ульсеновской шляпе и с каменным топором на плече. Он ведет за собой целую толпу гостей с острова Витязь. Гости увешаны раковинами, собачьими зубами и кабаньими клыками, вымазаны праздничной краской. Придется их встретить, одарить. Островитяне просидят до вечера, а потом уедут домой, освещая путь факелами из сухих листьев. Прощаясь, они знаками покажут, что Маклая они не убьют и не съедят – для этого найдутся другие...

И вот снова приходит Туй, преподаватель папуасского языка и топографии. Маклай уже знает, что мыс, на котором стоит его хижина, называется Гарагасси, деревня, в которую Маклай в первый день высадки привел за руку Туя, – Горенду. За ней лежат деревни Бонгу, Мале, Богатим, Горима, Гумбу, Карагум, Рай.

Туй, шурша своими браслетами, не раз даже поправлял наброски карты Маклая, несколько не удивляясь самому рисованию планов и карт. Маклай за время жителя в хижине под огромными деревьями выучил до трехсот пятидесяти слов. Он считал, что все богатство папуасского языка можно уложить в одной тысяче слов, – следовательно, «тамо-рус» Маклай прилично знал наречие папуасов. Он объяснялся теперь с новогвинейцами уже не только с помощью жестов.

Спутники Маклая часто болели, его самого била тропическая лихорадка. Ульсен распустился. Он жаловался на отсутствие дамского общества, невзлюбил Туя и вечно валялся на койке.

Ульсена лихорадит. В бреду он то бьет китов, то дарит таитянке шелковый шарф. Бедняга Бой еле движется, он весь опух и побелел. Папуасы не считают с Боем и Ульсеном, они их не уважают.

А с папуасами дружбой и лаской можно делать все. Вслед за людьми с острова Витязя является посольство с островка Ямбомбы. Оно застаёт Маклая на свежих грядках огорода, где он посеял бобы, кукурузу и тыквы с Таити. Послы с Ямбомбы с восторгом понесли домой гвозди – дары «тамо-руса».

Маклай вместе с Боем пристроил веранду к хижине, поставил стол из ящика. С веранды удобнее принимать гостей, не спускаясь на землю, – среди гостей могут быть и недобрые.

Туй настолько цивилизовался, что Маклай однажды не узнал приятеля – он сбрил бороду осколками бутылочного стекла. С тех пор папуасы стали щеголять с выскобленными подбородками и были наверху блаженства, когда Маклай или Ульсен дарили им стекла. Туй вечно сидел в кухне, устроенной в шалаше возле хижины.

Иногда Ульсен вставал с койки и играл на губной гармошке матросские песни, мечтал о прогулке в папуасские деревни, но сам, без Маклая, боялся и нос высунуть дальше огорода. Когда Ульсена начинает трясти, он охает, стонет, проклинает белый свет и грозит покончить с собой. Маклай с большим терпением переносит все фокусы китобоя. Раз папуасы прислали свинины и собачины, Маклай, зная прожорливость матроса, отдал ему свинину, а сам стал есть собачье мясо. Но Ульсена мало тронуло это. Он заботился лишь о собственном брюхе и покое.

Маклай не знал отдыха. Он ухаживал то за Боем, то за Ульсеном, готовил обед, добывал на море медуз, ракообразных – для исследований, ловил огромных пестрых бабочек. Ульсен совсем обезумел от подземных толчков, во время которых хижина ходила ходуном, проклинал Новую Гвинею, где человек не только может стать жертвой людоедов или лихорадки, но рискует еще и провалиться в преисподнюю за все свои матросские грехи.

В ноябре у Маклая был новый посол – от племени горцев из дальней деревни Марагум. Маклай одарил их, и они ушли обратно. И снова начинаются будни залива Астралейб. Маклай упорно трудится весь день, а ночью забирается в гамак и смотрит на звездное небо. На коралловых рифах гремит прибой, из деревень доносятся песни папуасов, грохот барабанов.

Маклай чтит обычаи папуасов. Он никогда сам не навязывается им. Они приходят к хижине и, оставив копы и ножи под присмотром кого-нибудь одного, идут беседовать с Маклаем. Бугай, поселянин из Горенду, первым пустил по всему берегу сказку, в которую все поверили: «тамо-рус» Маклай – человек с Луны. Россия – лунная страна. Разубедить папуасов в этом было невозможно, и великая страна в их представлении так и осталась на долгое время понятием астрономическим.

Антропологи всего мира создали про папуасов легенду о том, что у них волосы якобы растут пучками. Ошибку антропологов надо было опровергнуть. Маклай решил собрать коллекцию волос папуасов. Но даже Туй сначала боялся ножниц. Тогда Маклай придумал другое. Он отрезал волосы сначала у себя, а потом выменивал их на пучки волос у папуасов. Увлеченный этим занятием, Маклай не заметил, что он выстриг себе полголовы и стал похож на нерчинского каторжника. Потом он стал выстригать волосы равномерно...

С коллекциями бабочек случилось несчастье – их съели белые муравьи. Купаться в море можно было с опаской – у коралловых берегов часто бродили акулы. Раз Маклая сильно искусали осы. Как-то среди ночи Маклая разбудил Ульсен и, дрожа, заявил, что к хижине идет толпа дикарей с факелами в руках. Маклай спокойно вышел на веранду и сказал: «Гена» («Иди сюда»). И толпа папуасов с копьями и факелами ринулась к хижине. Каждый из папуасов держал в правой руке несколько рыб. Оказалось, что темнокожие друзья после богатого улова в первую очередь вспомнили о «тамо-русе» Маклае.

БЕРЕГ МАКЛАЯ

Но бывали и тревожные дни. У бедного маленького полинезийца Боя сделалось воспаление брюшины. Папуасы следили с особым вниманием за болезнью Боя: может он умереть или нет? Даже Туй показался в те дни соглядатаем, на чем всегда настаивал Ульсен. Кто знает, на что решатся папуасы, убедившись, что люди из Маклаевой хижины тоже смертны.

Когда Бой умер, Маклай приказал Ульсену помочь увезти тело Боя в залив и там тайно предать труп погребению. Китобой чуть не сошел с ума, когда Маклай, помня свое обещание послать Геккелю гортань полинезийца с языком, взрезал на берегу горло у трупа. Маклай торопился и только поэтому не мог вынуть мозг. Тело Боя в мешке с камнями пошло ко дну, разгоняя светящихся рыб залива Астралейб. Папуасы решили, что Бой отправился на родину «тамо-руса» – на Луну.

Слава «тамо-руса» росла. К нему пришли жители острова Каркар и гостили у хижины более двух часов. Они просили показать, как горит вода, умоляли Маклая «не сжигать всего моря», но Маклай берег спирт и жег его при гостях с расчетом. Маклая наперебой звали в гости и на Каркар, и в Рио, и на остров Витязь.

Маклай начал лечить своих гостей. Он вынимал личинки из гнойных ран папуасов, делал перевязки. «Тамо-рус», пользуясь расположением к нему гостей, знакомился с их оружием, орудиями труда, орнаментами.

Маклай с первых же дней пребывания на острове начал работу над записками о папуасах. В книжке его был длиннейший столбец с именами и «адресами» новых знакомцев. Тут и сын Туя Бонем, и Колле из Бонгу, мальчик Сирой, Дигу и другие приятели. Они водили Маклая в Бонгу, устраивали в честь его пиры, и Ульсен, ухмыляясь, едва успевал принимать приношения: бананы, сладкий картофель, рыбу, кокосовые орехи, сахарный тростник (когда вышел сахар, Маклай пил русский пономаревский чай с сахарным тростником).

Получив доступ в деревни, Маклай начал срисовывать хижины, статуи, типы жителей и приступил наконец к главной своей работе – охоте за папуасскими черепами. Папуасы черепа близких людей не особенно ценили, часто выбрасывали их в кусты возле хижин, но почему-то берегли нижнюю челюсть, подвешивая ее к потолку хижины. Маклай неустанно отыскивал целые черепа, но так и не находил их. Ульсен с ужасом смотрел на своего странного хозяина, срисовывавшего черепа. Постепенно для Маклая становились ясными некоторые особенности в строении черепа папуасов.

Заболел Туй. Маклай ходил врачевать своего друга. Исцеленный Туй устроил пир и захотел даже обменяться именем с Маклаем!

Неутомимый Маклай отправился па шлюпке к острову Витязь, его встретил один из самых почтенных островитян – Каин. Здесь Маклай знакомился с гончарами (остров славился среди окрестных деревень добротной глиняной посудой). Островитяне – мужчины, женщины, дети – все вышли на берег для встречи с «тамо-русом». Многие из них хотели дать своим детям имя Маклая, но скромный «тамо-рус» не дал на это своего согласия. Возвратившись домой, Маклай выгрузил со шлюпки подарки – полсотни кокосов, саго и огромную связку бананов.

Жизнь в хижине не нарушалась ничем. Такие мелкие события, как появление змеи на рабочем столе, слухи о том, что люди Марагум-Мана, дети гор, готовят нападение на хижину, в счет не шли. Туй водил Маклая к неизвестной реке, ловил для него рыбу в море. Ульсен пел перед молодыми рыбаками, помощниками Туя, шведскую песню.

Бесстрашный Маклай с сумкой за плечами как-то отправился в горную деревню Теньгум-Мана, где его очень радушно встретили, порывались подарить «тамо-русу» свинью. Когда Маклай пошел обратно, его сопровождал почетный конвой – целый отряд копыеносцев. Рядом с копыеносцами бежали носители огня, держа зажженные поленья. Маклай привык к этому обычаю и не удивлялся, что его друзья таскают за собой всюду дымящиеся головни. На пути из Теньгум-Мана Маклай нашел вырезанные на стволе дерева знаки, свидетельствовавшие о том, что и у папуасов уже жила мечта о письменности. Проводники Маклая, зная, что он собирает животных, старались поймать

для него ящерицу.

Довольный и счастливый, Маклай вернулся в хижину, где тосковал Ульсен, который вызывал к себе для ночевки Туя, чтобы не так страшно было одному. Ульсен обрадовался при виде живой свиньи, принесенной из Теньгум-Мана. Маклай немедленно послал половину свиного мяса в Боргу и Горенду, как только Ульсен успел освежевать свинью. Через день папуас из Боргу принес в ответ на подарок Маклая бамбуковую трубку.

Герой Новой Гвинеи был весел, бодр, несмотря на частые приступы лихорадки. Он шутил с Ульсеном, угощая его бульоном из мяса черного какаду, довольно улыбался, когда за один час охоты ему удавалось убить шесть крупных птиц, скакал от радости, найдя новые письма, вырезанные на деревьях. Он радовался, как ребенок, когда Туй со своим другом, односельчанином Лялу, пришли пригласить его на званый ужин, где будет подана тыква первого урожая (слово «тыква» они говорили по-русски). Первую тыкву на Берегу Маклая папуасы сварили, примешали к ней скобянку из мякоти кокосового ореха и съели в один присест.

Часто – и палящим днем, и звездной ночью – Маклай слышал мерные звуки. Это гремели исполинские барабаны папуасов – барумы, сделанные из стволов огромных деревьев. Значит, в деревне будет пир. Папуасы натрут тела краской, взобьют волосы, украсят лбы перьями и принесут тушу свиньи, покрытую алыми цветами... Маклай знал, что он может всегда, как желанный гость, прийти на звуки барума, но он каждый раз шел на пир, только чтобы не оскорбить своих друзей отказом. Его приглашали на праздники, на похороны и тризны; у золотых костров посланец мира и дружбы рассказывал папуасам об иных странах, о России. Но Россию по-прежнему считали Лунной.

«Человек с Луны» проводил ночи в гостеприимных хижинах, где стояли огромные телумы – статуи, а под потолком или над дверью висели кости казуара, черепа, свиней, собак, кожа ящериц и челюсти родственников. Женщины уже не боялись, как прежде, «тамо-руса», и некоторые деревни даже засылали к Маклаю сватов. Женщины Горенду как-то окружили Маклая и потребовали, чтобы он дал имя новорожденной. Подумав немного, «человек с Луны» назвал девочку Марией. Жители Били-Били хотели строить Маклаю хижину, звали его поселиться и в Боргу. Узнав об этом, папуасы Богати обиделись и решили Маклая переманить к себе. Богати послала к нему свата Кады-Боро. Он обещал Маклаю трех лучших девушек в жены, прекрасное жилище, лишь бы «тамо-рус» не переселялся на Били-Били или в Боргу. Маклай улыбался, благодарил свата и всю деревню Богати, а сам думал, как бы поскорей засесть за микроскоп и исследовать образцы папуасских волос.

Его звали на охоту за дикими свиньями, угощали напитком кеу, от которого у папуасов быстро соловели глаза.

Маклай делил горе и радость с людьми каменного века. Пусть только кто-нибудь осмелится бы поднять руку на друга смуглых людей – кремневый топор Туя, стрела Саула, которого спас Маклай на кабаньей охоте, уложили бы на месте любого врага.

«Слово Маклая крепко», – сложили новую поговорку папуасы.

Однажды Маклай сидел дома и писал заметки для Карла Бэра об антропологических особенностях папуасов. Увидев приближение гостей, Маклай отложил работу. Шла целая толпа – представители всех соседних сел. Они горячо стали просить чудесного русского никуда не уезжать, поселиться здесь навсегда и взять себе жен, сколько он пожелает. Оказалось, что деревни устраивали совещания, обсуждали на них все вопросы и наконец пришли. Что мог сказать «тамо-рус» в ответ на требование папуасского веча? Он сказал темнокожим друзьям, что если и уедет отсюда, то опять вернется. Насчет жен Маклай заметил, что женщины вообще много шумят, «тамо-рус» любит покой, – что же он будет делать, если все жены начнут шуметь? Деловой подход Маклая, его невозмутимость убедили сватов, и попытки женить «тамо-руса» на некоторое время были оставлены.

А вдоль всего Берега Маклая уже гремела папуасская песня, сложенная в честь русского человека. Он же неустанно ходил, записывал, рисовал, собирал коллекции; утешал плачущую женщину Кололь – она голосила о сдохшей свинье, которую кормила когда-то своей грудью, как это было принято в папуасских хозяйствах. Он вникал во все мелочи жизни папуасов.

Каин возил Маклая на пироге к острову Тиар. Они плыли мимо коралловых архипелагов, нашли огромную бухту, открыли устья рек и речушек. Достигнув цели, они были встречены тиарцами как лучшие друзья. Маклай вернулся, открыв тридцать островов и широкий пролив.

Вслед за этим он направился в Богати, где Кады-Боро, сват, устроил в честь гостя смотр невест. Маклай рассердился на Кады-Боро и пошел снимать панораму высоких зеленых гор.

Когда Маклай вернулся из Богати, страшный приступ лихорадки свалил его на жесткую постель. Ульсен причитал над Маклаем, как над покойником. Продукты шли к концу. Даже черные какаду куда-то исчезли из лесов.

20 сентября исполнился ровно год с того времени, как Маклай высадился здесь. Он записал в дневнике, что он за это время добился полного доверия туземцев и что сам уверился в них. «Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу», – так заканчивалась запись больного и голодного, но гордого своим успехом сына России, основавшего невиданную в истории школу человечности среди людоедов Океании.

А ведь это был еще молодой человек, двадцати шести лет, на вид юноша, хрупкий, болезненный, нервный, но негибачаемый, как сталь, в достижении поставленной перед собой цели.

Он наблюдал, открывал и даже к себе самому и своему здоровью относился как к предмету научного наблюдения.

12 октября он записывал в дневник:

«Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо больше, чем обыкновенно. Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо неблагоприятных причин, иногда в тот же самый день. Например, если утром ходил в воде по колено и оставался затем в мокрой обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, – в час или два пополудни непременно наступает пароксизм. Сегодня Ульсен мыл свое белье в продолжение трех часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на один или полтора градуса была ниже температуры воздуха, – в три часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров...»

Маклай строго-настрого запретил Ульсену пить сырую воду и иногда сам грел для него чай, однако китобой украдкой доставал сырую воду и через несколько часов валялся, стонал и каялся Маклаю во всех грехах. Благоразумие не покидало Ульсена только в определенных случаях жизни. Например, как красовался он на острове Тиар перед папуасскими дамами и девицами во время знаменитого смотра маклаевских невест!

12 декабря произошло знаменательное событие. Накануне «тамо-рус» пошел на папуасский праздник, и Саул упросил его остаться у него ночевать и уложил дорогого гостя в своей хижине. На рассвете Маклай крепко заснул, так как ночной сон много раз прерывался музыкой и криками пиршества. Но скоро его разбудили крики: «Биа! Биа!» (огонь). Маклай спросил, где люди Бонгу видят огонь. Ему ответили, что в стороне Каркара, то есть с моря. Толпа папуасов бежала к хижине, крича: «Маклай! Корвета-рус!»

Все еще не веря, Маклай пошел к морю и увидел дым парохода. «Тамо-Рус» помчался домой. Ульсен лежал на койке и стонал. Когда он услышал весть о судне, он впал в умоисступление и не смог даже выполнить приказ Маклая – у бедняги от радости отнялись руки!

Маклай сам рванул флаг-линь, и русское знамя развернулось. При виде его судно пошло прямо к мысу. Маклай сел в шлюпку и пошел навстречу. Перед ним был русский военный клипер «Изумруд», посланный на поиски Маклая.

С борта корабля узнали героя Новой Гвинеи, и командир в честь такой встречи дал команду матросам – Маклай был встречен троекратным «ура».

Наступили дни великой скорби на Берегу Маклая. Темнокожий народ понимал, что

корабль увезет друга их, «тамо-руса» Маклая.

В Бонгу, Горенду, Гумбу люди сидели у ночных костров и гадали: вернется ли чудесный русский снова сюда? Кто будет помогать поселянам, когда опустеет хижина на мысе Гарагасси? Папуасы вспоминали, как Маклай запретил военному союзу соседних селений начать войну с жителями Бонгу и Горенду. Они помнили, что женщины и дети их находили убежище от отрядов врагов у стен хижины «тамо-руса».

Живя среди папуасов, Маклай ни разу не только не употребил оружия, но даже ни разу не показал его. Папуасы сами не раз предлагали ему взять у них оружие для пользования, но Маклай отказывался.

Когда Маклай вернулся с корвета на берег, чтобы собрать вещи и попрощаться со своими друзьями, он увидел, как к хижине при свете факелов идут его друзья. Освещенные пылающими светочами из сухих листьев, из глубины леса выступали смуглые люди с копьями в крепких руках. Они брели, опустив головы, храня глубокое молчание. Здесь были Туй, Саул, Бугай; они вели к Маклаю поселян Бонгу, Гумбу, Горенду и гостей из Мале и Каликум-Мана. Здесь сошлись жители приморских долин и горцы, старые воины и молодежь с красными цветами в волосах. И они молили Маклая остаться здесь, обещая выстроить для него по одному дому в каждом селении. Они повели Маклая ночью, при свете факелов, сквозь заросли пальм и банановых деревьев в Гумбу. Там возле костров сидели жители остальных деревень. И все они умоляли Маклая не покидать их.

Маклай сказал своим друзьям, что он рано или поздно, но вернется сюда. «Тамо-рус» провел всю ночь в кругу островитян.

Друзья «тамо-руса» понесли его на своих плечах к мысу Гарагасси (это было кстати: ноги Маклая были покрыты ранами от неустанных походов по зарослям и горам Новой Гвинеи). На зеленом мысу матросы с «Изумруда» в это время открывали памятник в честь подвига русского человека в Океании: они прибывали к самому большому дереву на Гарагасси тяжелую доску из красного дерева с листом меди, на котором была вырезана надпись в честь Маклая и кораблей «Витязь» и «Изумруд».

И когда Маклай, простившись с народом, который стал ему близким, смотрел в бинокль на зеленые берега острова, он услышал грохот длинных папуасских барабанов. Они гремели по всему Берегу Маклая. «Тамо-рус» стоял на спардеке корабля долго, пока из его глаз не скрылся открытый им Архипелаг Довольных Людей, пока горизонт не поглотил порт Алексея и узкий пролив.

НОВЫЕ СТРАНСТВИЯ

Корабельный лекарь промыл и перевязал раны Маклая и хотел было уложить его в постель, прописав строгий покой. Но не таков был Маклай, чтобы валяться в постели без дела. Он сидел в каюте с карандашом в руке и правил рукопись «Антропологических заметок о папуасах Берега Маклая в Новой Гвинее». Это был его подарок Бэру. Заметки эти Маклай писал под кровлей хижины на мысе Гарагасси.

«Моим стремлением было, следуя совету К.-Э. Бэра, наблюдать людей по возможности без предвзятого мнения», – писал Маклай.

И в новогвинейской хижине, и в каюте корабля Маклая преследовала одна мысль. Он прожил на Берегу Маклая пятнадцать месяцев, изучил местный народ, но этого мало. Нельзя успокаиваться на достигнутом и радоваться тому, что взобрался на первую ступень высокой лестницы. Надо изучить других папуасов Новой Гвинеи, сравнить их с обитателями Берега Маклая. А когда все папуасы Новой Гвинеи будут изучены, Маклай исследует остальные земли Меланезии и меланезийцев сравнит с новогвинейцами. И тогда легче будет установить связь папуасов с племенем филиппинских негритосов, искать родственников папуасов на Малакке и вновь сравнить их с «чистыми» папуасами Новой Гвинеи. Тогда легче будет открыть тайну происхождения меланезийцев, доказать, когда они составили особенную племенную группу, отделившись от полинезийцев, насколько малайцы сохранили черты, присущие жителям Меланезии.

«Приглядимся к малайцам», – говорил он себе и, пользуясь заходом корабля в порты, сходил на берег и смешивался с пестрой толпой жителей побережий.

Некоторые исследователи гораздо позже Маклая стали утверждать, что на Северных Молуккских островах можно встретить папуасские племена. Так, Рафрай и Уэллес считали папуасским племя альфуру.

Маклай увидел Тидор – столицу одного из молуккских султанств на острове Хальмахера. В границы султанства входили западные побережья Новой Гвинеи, папуасские острова близ них. Малайцы Тидора торговали папуасами, обращали в рабство и другие меланезийские племена. Недаром столицу Тидора окружали цветущие поля, на которых работали невольники, и Маклай видел согбенные спины темнокожих людей, пленников малайских купцов. Только через четыре года после посещения Маклаем Молуккских островов там было уничтожено рабство...

Султан тидорский подарил Маклаю папуасского мальчика Ахмата, любимца матросов «Изумруда» и будущего спутника в скитаньях Маклая.

В порту Тернанте «тамо-рус» видел те же картины рабского труда, толпы китайских, малайских и арабских купцов, лавки, где продавали перья райских птиц, броню черепах и кору тропических деревьев. Все это было добыто руками рабов на островах Австралии, так же как и благоухающие плоды манго, которыми славился Тернанте. Здесь, на перекрестке дорог из Азии в Австралию и Океанию, Маклай искал законы смешения племен.

На половине пути между Австралией и Азией видны высокие вулканы острова Целебес. Маклай ходил по низменным берегам северного мыса острова. Ученый-странник видел целебесцев, очень похожих на папуасов. В глубине острова жили альфуры. О них говорили, что они проводят ночи на деревьях, ходят совершенно голыми, украшают хижины черепами врагов. Маклай, конечно, ринулся бы в леса Целебеса, но «Изумруду» надо было идти дальше – к Филиппинам. Там, в Маниле, «тамо-рус» расспросит, как лучше будет добраться до хижин негритосов.

И вот уже кормовой флаг «Изумруда» отражается в воде глубокой гавани, и на корабль надвигается берег Лусона. Манила красиво раскинулась на берегу бухты, встала на обоих берегах реки Пазиги. Рвы, крепостные стены, форты, выгнутый дугой Испанский мост. Огромный собор XVII века, прядильни, фабрики сигар, снастей. На улицах оборванные тагалы, речь пятидесяти племен малайцев...

Негритосы (их называют также азтасами) – маленькие ростом, приниженные и забытые люди. Некоторые из них не имеют жилищ, а носят с собой тростниковые щиты, под

которыми и укрываются от непогоды. Найти негритосов Маклаю было не так-то легко. Для этого пришлось переправиться на другой берег Манильской бухты, зайти в деревню Лимай, дать отдых ногам, на которых еще не закрылись новогвинейские раны, и на рассвете брести пешком в горы Маривелес.

Хорошо, что попался переводчик, при его помощи можно было объясняться с негритосами. Маклай пришел в табор бродячего племени и прожил в нем несколько дней, закрываясь на ночь щитом из листьев пальмы. У маленьких темнокожих людей нашлось почти папуасское слово «тай» – человек. Маклай был великаном по сравнению с этими людьми, рост которых не превышал 1 метра 44 сантиметра. «Тамо-рус» принялся измерять черепа негритосов, записывать слова, подмечать обычаи людей земли, которую когда-то открыл Магеллан.

На обратном пути в Лимайских горах Маклай нашел несомненно папуасское племя. У негритосов язык, обычаи – все напоминало папуасов.

Счастливый Маклай нес на корабль черепа негритосов, записи измерений, зарисовки. В каюте он достал свои бумаги и вынул драгоценное письмо своего учителя.

«Я советовал бы Вам, – писал Карл Бэр, – захватить на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить все возможное старание, чтобы привезти с собою несколько черепов. Мне кажется, что очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов – брахицефалы».

Маклай разрешил этот вопрос: «Да, Бэр не ошибается – у негритосов брахицефальный тип черепа. Но они папуасы. Размеры черепа дают важный, но не решающий признак для различия рас», – записал он. Короткоголовые негритосы были во всем похожи на длинноголовых папуасов.

Карл Бэр в это время в Петербурге заканчивал одну из своих последних работ – «О заслугах Петра Великого по части распространения географических познаний». Маклая тянуло на родину, но он думал о новых странствиях. Надо все же отдохнуть, прийти в себя, разобрать материалы и записки. Где удобнее это сделать – на Яве, в Австралии, в Сингапуре? Нужно жить поближе к великим морским дорогам.

В Гонконге Маклай сходит с борта корабля, пересаживается на торговое судно. Вот он уже любуется Сингапуром, а через несколько дней «тамо-руса» встречает Батавию. В городе лихорадок можно разыскать трактир, где когда-то, покрываясь предсмертным потом, лежал в бреду дряхлый, но все еще железный сердцем главный правитель Аляски Александр Баранов. Могила его в океанских пучинах – недалеко отсюда, у острова Принцев.

Но лихорадка как будто не трогает здешних купцов. В порту нагружаются корабли. В трюмы бережно опускают корзины с лучшими в мире яванскими ласточкиными гнездами – пищей прихотливых мандаринов. Китайцы привозят сюда на джонках чай, лакированные изделия, писчую бумагу. Вездесущие китайские купцы скупают здесь пряности. И снова картины беспроектного рабства. Честные, тихие и прямодушные яванцы в плену подневольного труда, не дешево дается им разведение гвоздики и муската. Надо оглядеть все – цитадель, главный квартал, зайти в музей, научное общество, редакцию «Естественноисторического журнала». Батавия почти пуста. Чиновники живут за городом, ездят в Батавию только по делам – лихорадка властвует здесь, как жестокий хозяин. Но чего бояться Маклаю? Он уютится в номере кирпичной гостиницы, разбирает свои бумаги и коллекции.

В Батавии Маклая ждала слава. О его приезде с далекого берега уже стало известно. О нем узнали колониальные газеты: яванский «Локомотив», «Мельбурнский вестник», «Сурабайская торговая газета», «Сингапурская газета», – иначе откуда бы узнал о его приезде господин генерал-губернатор Нидерландской Индии Джеймс Лаудон? Он зовет Маклая в прекрасный город Бейтензорг (Богор), поселиться у него, отдохнуть, поработать над дневниками.

Бейтензорг – жемчужина Явы. На высоком холме во дворце Лаудона Маклай прожил семь месяцев.

О, город без забот (так можно перевести название Бейтензорга)! После пыльной и душной Батавии с ее тлетворными болотными ветрами Бейтензорг кажется Маклау земным раем. Он сидит на скамье под густым анчаром. Это «смертоносное» дерево дает густую тень. Отсюда хорошо виден вулкан Салак с его пятью зубцами и темным ущельем на склоне. Прохладное утро, чистое небо, солнце, пригревающее листья индийских смоковниц... Бейтензорг живет утрами. После полудня начинается жара, а к двум-трем часам дня в Бейтензорг приходят гулкые ливни. Дождь, крепкий и чистый, льет здесь ежедневно. К закату солнца земля высыхает, и освеженные влагой деревья благоухают как бы вдвойне. Белый дворец губернатора стоит посреди ботанического сада, отражаясь в водах светлого пруда. В пруду живет цветущая виктория-регия, аллеи пальм протягиваются по саду. Калонг, летучая собака, переносясь с одного дерева па другое в поисках съедобных лепестков, опыляет огромные багровые и синие цветы. Здесь живет орхидея с четырьмя тысячами цветков на каждом кусте, в бейтензоргском саду изгибаются причудливые ротанги – пальмо-лианы с крючками на узких листьях.

Здесь все тянется к солнцу, растет вширь, расстилается по теплой, благодатной земле. Кто может здесь сосчитать все кусты и корни редчайших растений тропиков? Маклай видит, как в зарослях орхидей с большими ножницами в смуглых руках расхаживает молодой малаец Па-Идан, ученый знаток жизни здешних растений. К нему обычно обращаются за справками все путешественники. А вот мимо индийских смоковниц проходит сам основатель сада – молчаливый голландец Тейсманн. В саду тишина, за оградой его шумит веселый утренний город. Против главного входа в сад раскинулся китайский поселок, арабский квартал лежит за речкой Тидани. Где-то слышится скрип повозок – недалеко проходит Главная Явская дорога, берущая начало в Батавии. Вдоль садовой ограды тянется главная улица города – Диалан-Безаар. На набережной Тидани качаются под слабым ветром пальмы и шелестят деревья какао. Тидани мчится с вершины Салака, у подножья вулкана расстилаются кофейные плантации, а дальше синеют леса, где носороги продираются сквозь заросли пальмо-лиан, ломающих свои крючки о толстую кожу этих красноглазых чудовищ.

Яванцы называли Маклая «оран-бланда» – белым человеком...

Благоуханный ветер долин шевелил листы бумаги, строчки, написанные жирным карандашом, отливали на солнце. «Тамо-рус» думал о бухте Астралейб, о почтенном Туе, об Архипелаге Довольных Людей.

Прекрасные европейки Бейтензорга всячески старались понравиться «владыке папуасов», но Маклай сторонился общества голландских красавиц. Он был скромн и даже застенчив в светском обществе, когда дело касалось его личности, но требования великого дела, которому он посвятил себя, не мешали ему быть настойчивым, и тогда он смело стучался в любые двери...

Маклай понял, что ему теперь не откажут в содействии новому походу, и на Яве задумал проникнуть в Голландскую Новую Гвинею.

ОКЕАНСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

В декабре 1873 года Джеймс Лаудон провожал «владыку папуасов» в новое путешествие. На карту великих странствий Маклая мы нанесем сейчас небольшой остров Амбоина в Южном Молуккском архипелаге. Сюда Маклай приплыл из Батавии. На острове Амбоина водятся самые причудливые по своим размерам и строению крыльев гигантские мотыльки, а семьсот восемьдесят видов рыб в его водах; делают его самым богатым в мире заповедником морской фауны. Рыбы Амбоина отливают всеми цветами радуги. Маклай не мог быть равнодушным и к моллюскам амбоинских вод.

Остров Амбоина был первой европейской колонией на Молуккских островах. В 1564 году здесь появились португальцы. Они сумели продержаться до 1574 года, когда сюда пришли голландские купцы. С тех пор остров стал монопольным местом для разведения гвоздичных деревьев. Столица гвоздичного царства – белый город Амбоина – стоял на берегу большой бухты, блестя кровлями, выложенными пальмовыми листьями. Саговые пальмы росли вдоль улиц и каналов. Часовые стерегли старинную крепость; к воротам ее вела дорога, обсаженная мускатными деревьями. Люди в черных одеждах сновали по торговому кварталу города. К какой народности они принадлежали? На этот вопрос было трудно ответить. Альфуры – малайцы – голландцы – арабы – китайцы – амбоинцы. Такую, правда, грубую, формулу можно было приложить к местному населению.

Остров Амбоина стоял на торговых путях в Голландскую Новую Гвинею. Малайские обитатели его несколько веков наживались за счет папуасов, ходили в золоте и шелке. Но хищники из малайских стран боялись показываться на новогвинейском берегу Папуа-Ковиай, якобы населенном людоедами, которых малайцы называли оран-макан-оран.

Маклай, конечно, пожелал плыть именно к этому берегу Новой Гвинеи, где папуасы сохранились лучше, чем на других берегах, посещаемых малайцами.

В большой лодке – «урумбае» – с экипажем в шестнадцать человек и маленьким Ахматом Маклай отправился к берегам Новой Гвинеи. Вскоре им был открыт пролив Елены и значительно исправлена старая карта побережья. На берегу Папуа-Ковиай «тамо-рус» выстроил хижину у мыса Айва и начал изучение местных папуасов. Оказалось, что они ничем не отличаются от жителей Горенду, Бонгу. Маклаю иногда казалось даже, что он видит перед собой родных братьев Туя, – настолько папуасы Айвы были похожи на его друзей из залива Астралейб. «Тамо-рус» убедился, что и форма головы здесь такая же, как у жителей Берега Маклая.

Маклай узнал от новых приятелей, что в горах есть большое озеро. Он загорелся новым желанием – проникнуть в глубь страны и увидеть самому таинственные берега озера.

«Слово Маклая крепко», – гласила поговорка жителей залива Астралейб. Маклай сказал, – значит, сделал. Он смело углубился в неведомые места, поднялся на вершины гор высотой в тысячу двести футов и увидел внизу светлые воды загадочного озера. На языке папуасов оно называлось Камака-Валлар. У озера была одна особенность, приковавшая внимание Маклая: уровень его постепенно подымался, вода наступала на берег, и поэтому затопленные в разное время берега с густым лесом как бы опустились в озеро. Казалось, что деревья всегда росли со дна озера. Открывалась и такая подробность: капризное озеро могло вдруг то спадать, то через несколько часов бешено поднимать свои воды. Маклай нашел в озере новый вид губок и любопытные разновидности моллюсков. Нашел он поблизости и каменный уголь.

А люди? Ведь они составляли главный предмет неистощимых работ Маклая. У озера он открыл племя «ваусирау» – родичей береговых папуасов.

Но в Айве в это время разыгрались страшные события. Новый приятель Маклая, старый раджа, папуасский начальник острова Айдума, был предательски убит вместе с женой и ребенком. Двести папуасов из бухты Кируру, вымазав тела черной краской и украсив головы перьями райской птицы, пошли войной на Айву. Они напали на береговых папуасов, которые отступили к хижине Маклая. В хижине сидели пять спутников Маклая, оставленных для присмотра за вещами. Победители из Кируру, одолев береговых папуасов, устроили в хижине Маклая погром. Папуасы разграбили хижину и унесли одежду, бутылки с красным вином, анатомические ножи и ланцеты.

Происшествие это не испугало «тамо-руса». Он не хотел покидать берег Папуа-Ковиай и бросить свои работы.

Маклай отправился на остров Айдума и выстроил там новую хижину. Между тем второй отряд папуасом, человек в триста, спустился с гор и явился снова на мыс в Айву, чтобы убить Маклая. Но он был уже далеко.

Он знал, кто был его тайным недоброжелателем. Начальники папуасских сел на берегу Папуа-Ковиай получали от малайцев пышные звания раджи (радя), капитанов, майоров и т. д. «Майора» острова Мавары звали Саси. Это был отъявленный разбойник. Он встречался с Маклаем раньше. Саси тогда еще не понравился «тамо-русу». Огромного роста, с очень неприятным лицом, майор Мавары щеголял в малайском наряде и желтом арабском жилете, а угловатую голову свою обматывал белым платком. Смотрел Саси угрюмо, исподлобья, но прикидывался любезным и кротким. Он-то и устроил резню на Айве, подговорив папуасов напасть на Маклая и его людей.

Разграбив хижину Маклая на Айве, майор Саси не успокоился. Он стал подсылать своих разведчиков на Айдуму и наконец явился самолично к берегам острова на собственной пироге с целой шайкой разбойников.

Бесстрашный Маклай и на новом месте жил, как ему хотелось, – работал и спокойно спал под дырявым кровом своего убежища. Узнав о приходе разбойников, он утром спокойно напился кофе, взял револьвер и крепкую веревку и в сопровождении двух верных людей пошел к пироге негодяя. Майор, высадив свой десант на берег, уединился в каюте и, видимо, обдумывал план дальнейших действий. Маклай смело подошел к плавучему убежищу разбойников и велел Саси выйти. Майор не подавал признаков жизни. Тогда маленький худой «тамо-рус» сорвал тростниковую крышу пироги и увидел согнувшегося, дрожащего всем телом великана с Мавары. И тут случилось то, от чего обомлели папуасы, спутники майора. Маклай схватил за горло верзилу и приставил револьвер к его виску. Майор окаменел от ужаса, а верный Маклаю молодой папуас Майберит накрепко связал пленника веревкой. Спутники «тамо-руса» унесли Саси на «урумбай».

Какими новыми данными обогатил Маклай науку во время путешествия на Папуа-Ковиай? Он доказал, что долихоцефалия – длинноголовость – не может быть сочтена за основной и отличительный признак папуасов. Легенда о пучкообразных волосах папуасского племени была окончательно опровергнута. У жителей Берега Маклая, у негритосов Филиппин, у племени Папуа-Ковиай волосы растут так же, как у всех людей. Маклай вывез с Папуа-Ковиай ценные наблюдения над смешанными браками малайцев и папуасов.

Но смелый и благородный человек узнал и другое, о чем не мог молчать. Он поведал миру о страшных преступлениях малайских купцов и работорговцев. Малайцы, нападая на прибрежных папуасов, грабя и уводя их в плен, развратили мирный когда-то народ. Прибрежные папуасы стали охотиться на своих же соотечественников – горцев – и продавать их в рабство малайцам. Капитан Мавары Саси сам был жестоким охотником за рабами. Маклай открыл и такое явление, непосредственно связанное с работорговлей, – переход оседлых папуасов к кочевому образу жизни. Укрываясь от малайцев и своих внутренних врагов, папуасы превращались в водных кочевников, они жили на лодках, скитаясь вдоль побережий. Маклай, таким образом, снова взялся «не за свое дело» и составил записку на имя губернатора Нидерландской Индии, в которой гневно бичевал торговцев людьми.

Добравшись до Амбоина, Маклай тяжело заболел. Он слег в постель и потерял возможность двигаться. Лихорадка, острые невралгические боли настолько измучили его, что амбоинский врач не надеялся на выздоровление друга папуасов. Подвиги Маклая уже вызывали восхищение и преклонение океанических европейцев. Тревога о судьбе Маклая заставила, казалось бы, чужих, далеких и даже враждебных людей проявить заботу о русском человеке – носителе бесстрашия и прямоты. И когда от Маклая долгое время не было известий, капитану британского военного корабля «Василиск» Морсби было приказано разыскать путешественника, живого или мертвого, и, если он жив, оказать ему помощь. Британский моряк ринулся на поиски Маклая. Бросив якорь напротив форта Виктория, Морсби сошел с корабля и прямо направился к больному. Капитан невольно остановился посреди комнаты. На белых подушках лицо Маклая казалось особенно страшным. Заросший бородой, с ввалившимися щеками,

желтый и исхудавший, маленький человек, казалось, доживает последние часы. Морсби написал своему начальству, что он сделал все, чтобы разыскать Маклая, но вряд ли знаменитый русский теперь встанет с постели, настолько он болен.

Но воля и мужество «тамо-руса» и на этот раз победили. Он поправился настолько, что стал составлять план нового похода.

Из Амбоина Маклай направился в Тернанте, на остров Хальмахера, в город у подножья вулкана, некогда воспетого Камознсом. Здесь он собирал сведения о том, как племя альфуров смешивается с малайцами. Он дышал свежим, чистым воздухом садов города Манадо на Целебесе, у стен Новоамстердамского форта. Здесь, в одном из окраинных кварталов, жили чистейшие альфуры, не смешанные с малайцами и еще хранящие свои древние обычаи и язык. И Маклай снова вспоминал статью Бэра «О папуасах и альфурах».

Народы Океании разбросаны, как бусины разорванного ожерелья, но Маклай разыщет папуасов и на Филиппинах, и на Целебесе, и в джунглях какого-нибудь тропического полуострова, – он замкнет это ожерелье...

В СТРАНЕ ОРАНОВ

Мерно стучат колеса вагона, мчащего Маклая из Батавии в Бейтензорг. Эта первая железная дорога на Яве построена совсем недавно. Снова гостеприимный дворец Джеймса Лаудона, восхищение голландцев подвигом русского, бесконечные расспросы о скитаниях на берегу Папуа-Ковиай. И снова уединение в цветущем саду, шелест бумаги, чтение книг, которых так много в библиотеке Джеймса Лаудона. Теперь Маклая интересует исключительно Малайский полуостров. Но как проникнуть туда европейцу? Как сделать лучше, без промаха, наверняка? В дебрях Малакки, среди малайских племен, обитают неведомые оран-семанги и оран-сакаи. Кто они? Маклай несколько раз перечитал статью Логана в «Журнале Индийского архипелага», работы Ньюболта, Вайца, Ло и других исследователей. Никто из этих ученых не видел ни одного живого орана Малакки. Но тогда почему они пишут о таинственных народах и гадают о том, кто ораны – малайцы или негры? Гадать нечего! Он сам поедет на Малакку, углубится в леса и горы, найдет оранов, и только тогда можно будет говорить, кто они.

Маклай разворачивает тяжелый атлас. Вот она, цель нового странствия. С Азиатского материка в океан вылез, как длинный язык, узкий Малайский полуостров. Он уперся своим острым концом в Сингапур, протянувшись как некий мост из Индокитая в Австралию. Кто знает, может быть, полинезийские народы прошли когда-нибудь по этому мосту к голубым просторам океана и Азия – прародина океанийцев?

Маклай не раз расспрашивал малайцев о лесных людях Малакки, но не мог добиться никаких ценных сведений. Все повторяли одно – что ораны дики, нелюдимы, живут в глухих сырых лесах, ведут кочевой образ жизни. Рассказывали, что ораны ростом настолько малы, что их можно назвать карликами. Они поражают врагов отравленными стрелами...

Маклай твердо решил ехать в Сингапур, а оттуда на Малакку. Но где взять средства? Он писал в Петербург, просил Императорское русское географическое общество устроить ему заем, но ответа не получил. Тогда Маклай занял полтора фунта стерлингов и с этой небольшой суммой пустился в дорогу.

Сингапур – Львиный город – в те времена был только еще скромным фортом Каннинг на небольшом острове. На холме стоял красный дом губернатора «Колонии Проливов и острова Сингапур» с бронзовым слоном у входа. Вокруг тянулись кварталы города – европейский, индийский, китайский, малайский. Вездесущие китайские купцы – «оран-твина» – покупали и продавали бамбук, кожи, саго, перец. В портовых складах лежали товары Суматры, Борнео, Австралии, Филиппин. Сюда привозили русский керосин, английский каменный уголь, китайский чай.

Маклаю не раз в жизни приходилось смело стучаться в двери дворцов и требовать настойчивого внимания к своим работам. Поэтому, прибыв в Сингапур, он поднялся на Губернаторский холм и велел доложить о себе сэру Эндрью Кларку. Маклай добился у английских властей того, что было необходимо: обратно он шел с бумагой на имя магараджи страны Джогор.

В сингапурской гостинице была смертная тоска. Надоедливые москиты раздражали Маклая. Стоит только углубиться в чтение или письмо, как в дверь стучится китайский коробейник, предлагая купить на счастье талисман – брелок из тигрового когтя. Тигры в Сингапуре нередкие гости: они иногда забегают на окраины города и переходят узкий болотистый пролив, отделяющий остров от Малакки. Из-за москитов спать приходится, как ребенку в колыбели, под кисеей. Ночью вся гостиница полна шороха и легкого треска. Это сотни мелких ящериц гекко вышли на охоту за москитами. Гекко умеют быстро бегать не только по потолкам и стенам, но даже по тусклым гостиничным зеркалам в рамах из потемневшей бронзы. Шорох ящериц был похож на ход сотен часов...

Прохладным ранним утром Маклай выходит на прогулку. Он идет мимо длинных китайских вывесок, свешивающихся над кирпичными тротуарами, мимо харчевен и лавок, чинных европейских магазинов на Кафедральном проспекте. Смоковницы и хлебные деревья, кусты ярких китайских роз, араукарии на холмах... Маклай проходит угрюмым китайским кладбищем, вступает в болотистый лес – через него пролегла дорога к порту. Солнце начинает пригревать черепичные кровли города. Легкая

прохлада еще ощутима у моря. Здесь, в черте порта, над водой на тонких сваях поднимаются легкие жилища малайцев. Это пригородная деревня Тангонг-роо. Обитатели свайных построек вправе называть себя счастливыми: многие из туземцев не имеют и таких жилищ. Бездомные малайцы живут годами в крытых лодках. Плавучими убежищами покрыта вся гавань.

С морского берега, если встать лицом к югу, можно увидеть лазурные облака, поднимающиеся над проливом. Это не облака, а горы острова Суматры. Но не Суматра, знакомая по книгам с детства, сейчас влечет Маклая. Он думает о Малакке. Возвратившись с прогулки, он снова принимается за просмотр комплектов «Singaporeoos Chronical». Ему так нужны материалы о Малакке и Джохоре!

Джохор, или Иохор, был когда-то могущественным малаккским государством и владел не только многими землями на материке, но и морскими островами. Но и в 1874 году Джохор включал в свои владения огромные малоизвестные области на Малакке. И вот Маклай входит в джохорский город Джохор-Бару. Это скорее большая деревня, чем город. Но в этой деревне есть дворец магараджи, склады перца, каучука, камфары, слоновой кости.

Магараджа джохорский, уже пожилой человек, побывавший в Европе и стоявший па голову выше других малайских владетелей, принял посланца науки очень сердечно. Он распахнул для Маклая двери своих покоев, и Маклай проводил с магараджей время в расспросах о стране Джохор и ее людях. Обаяние Маклая было велико. Он горячо убеждал магараджу в необходимости исследования Джохора, и магараджа с грустью сознался Маклаю, что в его владениях нельзя найти ни одного человека, который мог бы сказать, что он прошел всю страну от края и до края. Маклай узнал, что у магараджи нет даже карты его страны. Это не огорчило Маклая. Он первым из европейцев исследовал Берег Маклая, первым проник в глубь Папуа-Ковиай, теперь русский впервые пересечет весь Джохор. Маклай пообещал магарадже составить первую карту страны, а за это владыка малаккских лесов должен оказать содействие русскому.

Магараджа вручил Маклаю указ всем старшинам Джохора - давать Маклаю проводников и носильщиков.

Маклай двинулся навстречу новым испытаниям и открытиям. Он поднялся на север и оттуда пошел по незнакомым дебрям - через тигровые джунгли. Караван Маклая вспугивал стада диких кабанов. Ночью над головами путников проносились огромные летучие мыши. Устья рек кишели крокодилами. Стоял декабрь - время разлива рек. Тропические леса возвышались в воде, низины были покрыты водой. Маклай семнадцать дней подряд брел по затопленным пространствам Джохора, вода доходила до груди, но он смотрел своими ясными, широкими глазами на природу Малакки - прекрасную сказку, увиденную наяву. Мир пышных растений превосходил здесь все виденное Маклаем, гранитные горы стояли в первозданном, диком величии, а в чащах слышались грубые звуки слонов и рев потроженных тигров. Так он брел не один день в густых малаккских лесах, пока путь не пересекло шумное устье реки Муар. Стуча зубами от лихорадки, дыша теплыми испарениями, Маклай плыл по Муару. С лодки он видел малайские деревни под сводами зеленых лесов, но страна оран-утанов была еще далека. Маклай думал о том, что мир даже и не знает о существовании этих людей и зовет оран-утанами огромных обезьян острова Борнео. Он скоро рассеет это заблуждение и расскажет о том, кто такие настоящие оран-утаны. Но долго ли еще плыть до них?

Муар катил свои волны навстречу лодке, и казалось, конца не будет этой реке, текущей среди лиан и лесов. И по второй реке пришлось плыть против течения - лодка Маклая вошла в устье муарского притока Палона. Здесь тоже с лодки Маклай увидел на лесном берегу жалкие жилища людей леса, но они при виде лодки скрылись в густом лесу.

Так Маклай шел по стране Джохор от Малаккского пролива до берегов Китайского моря. На морском побережье, куда он вышел после тридцатидневного похода, светилось устье реки Индау. От Индау он двинулся на юг и через двадцать дней, пройдя Джохор с севера на юг, достиг болотистого берега узкого пролива между Малаккой и Сингапуром. Таким образом, «тамо-рус» не только сдержал свое слово, данное магарадже, - пересечь Джохор, - но пересек его дважды.

В феврале 1875 года он вновь сидел во дворце магараджи, рассказывая ему о днях, проведенных в джунглях страны Джохор. Его опять трясла проклятая лихорадка, и он, с

трудом пересиливая слабость в ногах, старался забыть о звоне в ушах и говорил о новом походе в самую глубину Малакки. Он сказал магарадже, что пойдет из Джохор-Бару сушей прямо в Сиам (Таи). Магараджа только головой покачал, услышав про такой план, но отговаривать гостя не стал.

Маклай снова в Сингапуре. Сэр Эндрью Кларк видит, насколько болен его северный гость. Он зовет чудесного русского в Бангкок – подышать чистым воздухом Сиамского залива, отдохнуть вместе с ним на корабле «Плутон», посмотреть сиамскую столицу. Губернатор Проливов и Сингапура не подозревал, что невольно ведет Маклая к порогу новых победных странствий. Во время сборов в Бангкок очарованный странник Маклай ходил у звонкой полосы океанского прибоя, сидел долго на берегу, а потом подымался на Губернаторский холм и начинал убеждать сэра Кларка, как члена старейшего в Азии Бомбейского географического общества, основать на сингапурском берегу морскую зоологическую станцию. На борту «Плутона» больной Маклай писал отчет о странствиях в земле Лесных Людей...

Маклаю шел тридцатый год. Густые кудри его выгорели на тропическом солнце, от вечных лихорадок лицо сделалось прозрачным, но огромные глаза не теряли того мечтательного сияния, которое они сохраняли всегда. По привычке подперев рукой левую щеку, слегка подняв узкое плечо, он писал о лесах и реках открытой им страны Джохор. Сэру Кларку стоило больших трудов выманить Маклая из каюты на целительный морской воздух.

За кормой «Плутона» бежали последние волны. Грохот якорной цепи заставил Маклая встрепенуться. Бангкок! Столица страны народа Таи! Книжка с картинками в детстве; Сиам, белые слоны сейчас оживут, и через мгновение он увидит все это наяву. Маклай выходит из каюты и бросает жадный взгляд на берег. По обе стороны серебряной реки, впадающей в бухту, стоит блистающий кровлями кумирен город, белый, как ларец из слоновой кости. Сэр Кларк объясняет Маклаю: вот далеко в зеленых кущах пагода Ват-Ченг, высокая зубчатая стена – граница внутреннего города. Капище с позолоченной крышей не храм, а приемная палата короля сиамского. А вот квартал иностранцев. Что это за огромное здание? Это загон для королевских белых слонов. Маклай смотрит на прибрежные свайные постройки Бангкока, плавающие дома на волнах реки Менам. В шлюпке они плывут вместе с сэром Кларком между шумными берегами, мимо мешков с перцем и кардамоном на джонках, мимо садов, харчевен, рынков. «Тамо-рус» осмотрел город Диких Плодов, но его влекло в столице Сиама другое.

Король сиамский – в то время двадцатидвухлетний Сомдетш Пра Параминдр Мага Чулалконгорн – владел доброй половиной Малайского полуострова; ему подчинялись бесчисленные вассалы – раджи, султаны и князьки Малакки. И Маклай, пользуясь дружбой сэра Кларка, стал стучаться в золоченые двери чертога короля.

Маклай добыл письмо владыки Сиама. Получил ли он это письмо прямо из рук короля под золотой кровлей палаты «Магансарат» или добыл грамоту через сэра Кларка, неизвестно. Важно то, что он добился доступа в такие области Малакки, какие не снились ни одному путешественнику. Скоро Маклай обогатит науку новыми открытиями.

Грамота короля сиамского предписывала князькам помогать Маклаю во всем. В Бангкоке он записывал в тетради все сведения, какие только мог добыть, о сиамской части Малакки: имена князей, названия деревень, рек и гор.

Прибрежные малайцы уверяли Маклая, что в глубине страны среди бродячих оранов живут страшные человеческие существа с хвостами. Люди эти носят с собой кувшины с деревянным маслом. Подкравшись к малайским селениям, ораны обмакивают копчики хвостов в масло и поджигают хижин, потом с факелами мечутся среди тростниковых хижин в зареве и черном дыму. У других оранов клыки как у зверей, и ступни длиною в две четверти. Страшные эти существа покрыты шерстью. Они ловят птиц руками и пожирают их с перьями и внутренностями.

Ничего точного и проверенного о дебрях страны не дало Маклаю чтение толстых томов «Малайского обозревателя и индокитайского летописца» – журнала, который уже пятьдесят лет выходил в Сингапуре. Мало помог и первый сборник об Индокитае из библиотеки сэра Кларка. Десять дней, проведенных Маклаем в Бангкоке, ушли на сбор материалов о Малакке и осмотр города. «Тамо-рус» бродил по берегам бесчисленных каналов, мчался на легкой лодке по Менаму.

Сын новгородских льняных полей видел огромное изваяние Будды в храме Ксетуфона, знаменитого золотого Будду, нефритового Будду и т. д. С легкой руки короля Чулалконгорна Маклаю дали здесь звание русского князя Маклая. «Дато-рус» Маклай!

Вернувшись в Сингапур, «дато Маклай» скоро снова гостил у магараджи Джохора. На этот раз магараджа молил Маклая отменить поход в страну Лесных Людей. Но Маклай стоял на своем. Тогда магараджа махнул рукой и дал «дато-русу» тридцать носильщиков и грамоту к владельцу Паханга, с которым, кстати сказать, джохорский магараджа не раз воевал. Но Маклаю было все равно, топтали ли боевые слоны Джохора землю Паханга или нет. Простившись с Джохор-Бахру, он 15 июня 1875 года двинулся в путь.

Его сопровождали уже знакомый нам папуасский мальчик Ахмат, воспитанник Маклая, хорошо говоривший по-русски, и чиновник джохорского владыки. Чиновник предназначался быть посредником между Маклаем и князьками.

Каравая Маклая вступил в Пекан, столицу большого государства Паханг. Город стоял у лимана реки, впадающей в Китайское море. Пеканский бандахара, вассал Сиам, ежегодно посылал королю Чулалконгорну золотой сосуд и розу из серебра. Грамота короля произвела большое впечатление. Бандахара ввел Маклая в свой дворец и дал ему людей для продолжения путешествия.

Маклай двинулся прямо к сердцу королевства Куантан, где до него не бывал еще никто из европейцев. К северу от реки Паханг он увидел величественные горы – самые высокие на всем Малайском полуострове – и открыл венчающую их вершину Гуну-Тахан. Караван брел между гранитных скал и глыб песчаника, в джунглях, где хрипели вепри и ревели тигры.

Малакка – страна без горизонтов. Они скрыты горами и лесами. Можно идти сутками, не видя края и конца зеленым джунглям. Лодка, утлый плот, спина слона, скрипучая повозка, а чаще всего собственные ноги несли Маклая к цели его странствий. Дикие слоны, топаясь на берегах рек, протягивали хоботы к лодкам путников. Они проходили пешком по сорок верст в день и снова, по грудь в воде, отступаясь и падая в обрывы, преодолевали затопленные пространства. Маклай встречал россыпи золотоносного песка на берегах рек, вспоминая Бэра, который именно в Малакке видел древнюю страну золота – Офир.

На верхнем течении Паханга, в горных ущельях, между странами Паханг, Трингау, Куантан, Маклай нашел жемчужину своего океанского ожерелья. Пробираясь сквозь горные леса, он спугнул первых встреченных им людей леса. Это были пугливые низкорослые смуглые существа, проводившие ночи на деревьях. Сердце великого друга обездоленных племен сжималось при виде этих людей, бедных, как птицы. У них не было никакого имущества, кроме тряпья на бедрах и ножа. Они скитались по лесам, добывая камфару.

Эти люди были самыми чистыми меланезийцами. Старики еще знали язык папуасов, и наречие Меланезии считалось здесь колдовским. Только знание языка предков помогало охотнику добыть зверя и найти богатые заросли камфарных деревьев. Иначе зверь убегал от ловца, а дерево исчезало с глаз, когда человек леса протягивал к нему руку. Так верили простые дети природы. И только благодаря вере в волшебство слова они сохранили древний язык.

Сомнений не было – ораны не были похожи на малайцев. Люди леса своим карликовым ростом напоминали скорее негритосов Филиппин, а в остальном были похожи на папуасов Новой Гвинеи. Курчавость волос, цвет кожи, строение тела, множество других признаков указывали на принадлежность оранов к меланезийцам.

Лесные кочевники не имеют постоянных жилищ. У них есть только лесные стойбища в местах промыслов. Люди леса умеют добывать сок каучукового дерева, слоновую кость, камфару. Малайцы дают им за это соль, ножи и табак. Но малайцы занимаются и другим промыслом: они подкрадываются к таборам лесных людей, хватают, как диких зверенышей, детей оранов, увозят и продают их в рабство. Насилия малайцев заставляют оранов держать всегда наготове свое страшное оружие – ствол бамбука. Маленький лесной человечек подносит к губам бамбуковый ствол на поларшина длинней своего роста и с силой дует в отверстие ствола. И малаец падает на землю в корчах; через десять минут он умирает от пропитанной ядом тонкой и легкой стрелы,

выпущенной из ствола. Маклай добыл и стрелы, и трубки из бамбука. Оказалось, что яд для стрел добывается оранами из сока дерева «упас», к нему добавляется еще яд змеи.

Лесные люди поровну делят между собой добычу, не обделяя своих жен и детей. У них существуют свадебные обычаи. Женщина орана может даже унаследовать власть вождя племени.

Маклай зарисовывал оранов, вел дневник, чертил карты похода, собирал утварь оранов – ножи, большие луки «лойдс» и бамбуковые трубки. Он переходил от одного стойбища к другому. Робкие карлики переставали бояться русского, и он узнал об их жизни все, что было в его силах.

Они действительно кочевники; лесные шалаши служат им лишь как убежища для отдыха во время блуждания по сырým лесам. Людей леса можно разделить на два племени. Оран-утан-дина – ручные лесные люди – не боятся малайцев и продают им дары леса. Но человек из племени оран-утан-лиар горд и независим. Он не хочет даже знаться с малайцами, ни за что не выйдет навстречу им из своей лесной труппы. Если жизнь заставляет оран-утан-лиара идти на торговые сношения с малайцами, он просит ручных людей выменивать товары у негоцианта. Лесные люди бродят в лиановых зарослях целыми ордами и считают себя счастливыми. В поселках более оседлых ручных людей наш путешественник бывал не раз. Там он засыпал под звуки больших бамбуковых флейт – эоловых арф, качавшихся на ветру. Ручные люди жевали бетель. Женщины продевали через нос иглу дикобраза. У них, как и у папуасов, были общественные хижины. Племенем управлял старшина – батин. Колдуны – блианы – молились духам Ханшу, били в барабаны, обтянутые змеиной кожей. Ручные люди любили пальмовое вино, пили его из бамбуковых кувшинов. Курчавые, подобно папуасам, ораны Малакки сохраняли меланезийский тип. Маклай решил, что на «малаккском языке», выпяченном далеко в море, когда-то обитали чистокровные меланезийцы и что они занимали все пространство Джохора.

Этнографов и медиков должен особым образом заинтересовать один случай из жизни Маклая на Малакке. Однажды он зашел в хижину оранов, где сидели женщины и дети. Одна из женщин припала к ногам пришельца, как бы умоляя не трогать ее. Маклай ласково сказал женщине по-малайски, чтобы она не боялась. Женщина, как эхо, повторила слова Маклая, в точности воспроизводя и тон, каким они были сказаны. Она не знала малайского языка. Тогда Маклай сказал эти слова по-английски и по-русски. Малаккская женщина в точности повторила их. Биографы Маклая Аренский и Водовозов дружно объясняют этот случай «удивительным примером действия страха». Но тут скрыто другое. Известно, что среди русских и туземных женщин Якутии издавна существует нервное заболевание: «меряченье» – так называют его. «Мерячки» не только повторяют с точностью фонографа чужую речь на совершенно незнакомом языке, но и подражают движениям человека, который чем-либо поразил их. Путешественник Дионео в своей книге «На крайнем северо-востоке Сибири» пишет о подобном случае так:

«...Возвращались мы из Нижнеколымска и остановились ночевать в юрте якутов. Когда мы разделись, вошел необыкновенно высокий, высохший, как мумия, старик якут с застывшими, как из бронзы вылитыми, чертами лица... Мне припомнился старик из поэмы Лонгфелло, и я прочел товарищу:

With hooked fingers
Iron – pointed hooked fingers
Went draur is nets at morning
Salmon trout
he fond a hundred...

Велико было мое удивление, когда я услышал в углу те же стихи. Это была мерячка. Здоровая якутка не повторит вам двух слов на каком-либо другом языке...»

«Меряченьем» болеют чаще всего женщины. Значит, Маклай просто встретил в дебрях Малакки женщину-орана, страдавшую той же болезнью, что и ее якутские сестры. Обычно думают, что «меряченье» наблюдается только в Якутии. Но Маклай на Малаккском полуострове нашел самую настоящую «мерячку», со всеми признаками этой странной нервной болезни.

Сто семьдесят шесть дней пробыл Маклай на Малакке. От оранов он прошел по владениям семи малайских князей и вступил в город Патани на восточном берегу полуострова. От Патани Маклай двинулся к северу и вскоре подошел к хижинам сиамского города Сонгоро. Он побывал в пяти малайских государствах, семи

княжествах, в пяти сиамских областях. Из Сонгоро Маклай проехал на слоне в страну Кедах на западном берегу полуострова.

В стране Кедах Маклай услышал, что в городе Малакке, прорезанном каналами, живут еще представители рода оранов. Но оказалось, что оран-мантра были смешаны с малайцами, говорили на их языке, носили малайскую одежду. Маклай осмотрел Малакку, его поразило величие гор, которые подходили к самому городу с северо-запада. В их цепи высилась мощная вершина Офир. В городе стояла полуразрушенная голландская крепость. Но самое ценное, что было в нем, – это великолепная библиотека «Англо-китайского коллегіума».

Два года жизни отдал Маклай на открытие страны оранов.

МЕЛАНЕЗИЙСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

На холме Бейтензорга Маклай снова принялся за литературную работу. Он написал три статьи – о джохорском походе, который скромно называл экскурсией, и о своих скитаниях среди оранов Малакки. В Батавии и Бейтензорге «тамо-рус» узнал новости из Европы. Его учитель Геккель уже два года тому назад выпустил свою «Антропогению» и не уставал бороться за пропаганду учения Дарвина. Фрегат «Челленджер» бродит в пространствах Океании, делает глубоководные промеры, съемку островов, люди «Челленджера» изучают природу и население Полинезии.

Маклаю кажутся тесными стены дворца в Бейтензорге. Он вспоминает слово, данное им папуасам Берега Маклая. Ведь они ждут его, глядят в просторы океана: не покажется ли над бирюзовым горизонтом дым русского корабля? «Тамо-рус» укладывает вещи и благодарит Джеймса Лаудона за любезный прием и гостеприимство. Разве может Маклай упустить возможность побывать сейчас и на Каролинах, и в Микронезии, и на Меланезийских островах? Он едет из Бейтензорга в яванский порт Черибон, где на рейде уже стоит легкая шхуна «Морская птица» с британским флагом на корме.

Шкипер шхуны, запасшись бисером и другими безделками, прочистив пушки корабля, приготовился к «торговле» с островитянами. Путь «Морской птицы» извилист. Она пойдет сейчас на юг Целебеса, а потом к Каролинскому архипелагу и к островам Адмиралтейства, и только оттуда Маклай поедет к заливу Астралейб.

Легкий попутный ветер понес «Морскую птицу» к Макасарскому полуострову, на Целебес. Здесь властвовал голландский губернатор области. Дворец туземного султана был украшен буйволовой головой. Город окружали рисовые поля. Целебесские бананы считались лучшими плодами Молуккских островов. На острове жили бугисы, странные люди, подверженные страшной болезни «амок». Впавший в безумие бугис с криком «амок», с малайским кривым кинжалом в руке мчался по улицам города, поражая на своем пути все живое... На него устраивали облаву и убивали, как дикого зверя.

В мае 1876 года Маклай уже исследовал Каролинские острова, бродя по коралловым рифам, у которых когда-то развеялся андреевский флаг корабля Федора Литке и пели русские песни матросы с корабля «Рюрик».

На картах Микронезии значились русские названия островов: Сенявин, Римский-Корсаков, Хромченко, Суворов, Беринг, Румянцев, Чичагов.

Среди земель Западных Каролин высится большой остров Япп, весь в зарослях хлебных деревьев и кокосовых пальм. Здесь Маклая встретили высокие, стройные люди, с белыми раковинами у запястья. Каролинцы смелые мореходы. Они умели складывать из песка, камней и раковин навигационные карты, знали названия тридцати трех звезд южного неба, указывающих мореплавателям путь в океане. Под сенью кокосовых пальм, в чистых и многолюдных деревнях, улицы которых вымощены камнем, у каролинцев были даже школы мореходов, где старые морские волки учили детей географии и астрономии, чертя карты на песке.

Маклай описал быт, одежду этих людей. «Тамо-руса» поражала способность каролинцев нырять на большую глубину в поисках съедобных раковин, которые островитяне ели сырыми. Они пронеслись на своих красных и черных челноках между рифами с удивительной быстротой и ловкостью.

Маклай видел, как жители делают свои «деньги». Для этого они ездят на острова Палау, где у каролинцев издревле облюбован остров Малакан, там находится их монетный двор. Из дикого камня они вытесывают и вытачивают круги разных размеров – от нашего пятака до огромных жерновов. Такие жернова обычно являются собственностью всего села и имеют такую цену, что во время междоусобиц за такую монету можно купить помощь соседнего острова. Но Маклаю все это известно – еще в дебрях Малакки он расплачивался с носильщиками фарфоровыми кружками, которые заменяли там металлическую монету.

Маклай был гостем деревни Киливит на острове Япен. Там он еще раз убедился в жестокости колонизаторов: каролинцы, взятые для ловли трепанга, мерли, как мухи.

Далее Микронезия предстала перед Маклаем базальтовыми скалами других островов архипелага Палау, где он пробыл довольно долго. Палау населяли темнокожие люди с курчавыми волосами, явно папуасского типа. Маклай узнал здесь много нового. В лесах Палау жила, например, птица псаматхия, которую нельзя было встретить в других местностях Океании. В водах Палау водился дюгонь – редкое животное из сирен. Позвонком дюгоня палауские владетели награждали, как орденом, своих подданных, и островитяне чванились этой наградой. Палаусцы верили в чародеев, которые назывались калитами, признавали равенство женщин. На стенах общественных зданий палаусцев красовались узоры. Маклай подметил у островитян обычай посылать друг другу «письма» – веревку с затейливыми узорами, каждый узор означал какое-либо определенное понятие.

Маклай бродил среди этих людей, тела которых были вымазаны густой желтой краской. И всюду он искал жемчужины своего разорванного ожерелья и находил их, пытливо проникая во все, казалось бы, мелочи жизни смуглых людей Микронезии.

«Морская птица» скользила между островками Адмиралтейского архипелага. Путешественники были теперь в самом сердце страны людоедов, где изысканным лакомством считался человеческий мозг, смешанный с кашей из саго и мякоти кокосового ореха. Воины Адмиралтейских островов носили ожерелье из зубов, пальцевых суставов, позвонков врагов и часто вешали на шею бедренную человеческую кость.

«Морская птица» летела в виду берегов главного острова архипелага Адмиралтейства – Тауи, как вдруг Маклай увидел пирогу, качавшуюся на волнах, поднятых шхуной. Пирога подошла к борту «Морской птицы», экипаж ее поднялся на палубу шхуны. Маклай пошел изучать пирогу и разглядел на ней странные вымпелы – это были человеческие волосы. Но Маклай не ужаснулся. Он спокойно разузнал, чьи это волосы – папуасские или полинезийские. Оказалось, что вымпелы были сделаны из волос жителей Япен, убитых в 1875 году у рифа острова Иезус-Мария. Экипаж пироги был украшен бусами из человеческих зубов, пальцевых суставов и мелких костей. Но для Маклая было важно не это, он вглядывался в лица людоедов, осматривал их утварь и оружие и радостно думал, что между этими людьми и папуасами Новой Гвинеи нет никакой разницы. Это были представители одной разновидности единого племени папуасов. Маклай не мог выпустить такой добычи из рук, благо к борту шхуны стремились другие пироги.

Маклай спросил, почему пирога со страшными вымпелами шла от острова Лоу, и узнал, что там добывается обсидиан для вытачивания каменных копий.

Маклай принялся зарисовывать предметы обихода людоедов: табиры – круглые деревянные чаши, покрытые искуснейшей резьбой, плетеные сосуды для воды, пропитанные смолами и древесными соками, крепкие сети, каменные копыя, образцы татуировки, пилообразные узкие кинжалы.

Вскоре Маклай был свидетелем позорного торга шкипера корабля с туземцами. Шкипер и его помощник с пистолетами на бедре за наперсток бисера и осколки пивных бутылок «покупали» у папуасов жемчужные раковины и черепашьи щиты. Шесть стрелков с острова Япен стояли около шкипера, взяв ружья наизготовку, а канонир держал в руках тлеющий пушечный фитиль... Кроме пушек и ружей, у шкипера было еще одно средство устрашения туземцев – огромный ньюфаундлендский пес. Папуасы при виде собаки в испуге кидались за борт, а шкипер, науськивая пса, хохотал на весь Тауи.

Маклай ходил в толпе папуасов, записывая свои наблюдения. Потом он сошел на берег и там, в деревнях Пуби и Лонеу, увидел те же барумы (барабаны), которые гремели в честь его на Берегу Маклая. Он зарисовал обитателей деревни и заметил при этом странную особенность зубов папуасов: они у них развивались неравномерно – один резец, скажем, вырастал длиннее, чем другой. Желая испытать все, «тамо-рус» попросил папуасов сделать ему татуировку, они с восторгом начали колоть руку Маклая бритвами из отщепов вулканического стекла. «Тамо-рус» делал вид, что не испытывает никакой боли. Этими же осколками они сбрили волосы с ноги Маклая.

Так Маклай странствовал по островам людоедов, и никто пальцем его не тронул. На островке Андра можно было наблюдать даже такую картину: Маклай лежал на подвесной койке под тенью огромного дерева, и один из папуасов в честь его играл на флейте из семи связанных вместе стволов бамбука.

Оставшемуся на островке Андра торговому приказчику О'Хара Маклай велел составлять словарь местных слов. Поездка Маклая по островам Меланезии оставила русские названия на картах океана - Отшельник и Шашечница. Шашечница - архипелаг пятидесяти мелких островов, группа Отшельника состоит из атоллов.

Маклай был счастлив. Он бродил по деревням, установил тождество племен островов Адмиралтейства с папуасами, проник в гущу народа и даже стал понимать его язык, тогда как люди из знаменитой экспедиции «Челленджера» не сходили на берег, и вся программа этиологических работ оказалась у них невыполненной.

«МАКЛАЙ ВЕРНУЛСЯ!»

В 1876 году изгнанный из Франции ученый, коммунар, друг Кропоткина Элизе Реклю начал собирать материал для своей знаменитой «Всеобщей географии».

В числе помощников Реклю был не только Кропоткин, но и Лев Мечников. Поклонник Бэра и Дарвина, ученый французский географ прославил себя в борьбе за свободу. Лев Мечников был в рядах знаменитой «тысячи» Гарибальди, которая взяла в 1860 году Сицилию, разбила врагов в нескольких сражениях и торжественным маршем прошла до Неаполя, опрокинув войска короля Франциска. Израненный в боях русский гарибальдиец по просьбе Элизе Реклю стал переводить ему статьи Миклухо-Маклая. И Реклю, и Мечникову Маклай был близок по духу. Если они оба были борцами за свободу, то Маклай сделал не меньший вклад в дело переустройства и познания человечества. В 1876 году Мечников принес Реклю первые переводы работ Маклая, и с тех пор ученый следил за трудами русского путешественника.

В том же году умер великий Карл Бэр. Он тоже следил за подвигами Маклая, выполнившего его заветы и обогатившего науку новыми замечательными открытиями.

Полуслепой, дряхлый Бэр угасал в Дерпте с мужеством воина науки. Он диктовал статьи о Дарвине, читал доклады, ухаживал в саду за цветами, говорил о заслугах Петра Великого перед русской наукой. Ему шел восемьдесят пятый год. Но вдруг подкралась простуда, и чудесный старик слег в постель и во вторник 16 ноября 1876 года навсегда заснул.

...Маклай в ноябре 1876 года не знал о смерти своего учителя и друга. «Тамо-рус» лежал в лихорадке в своей новой хижине на Берегу Маклая. Он не мог спать по ночам – настолько сильна была боль в израненных ногах. Уже пять месяцев он жил на Новой Гвинее.

27 июня Маклай сошел с «Морской птицы» на знакомый берег у Гореду. О, какую радостную тревогу забили папуасские барумы! Все старые знакомые, особенно близкие, были живы – Туй, его сын Бонем, Саул, Каин, сват Кады-Боро. Гремят барумы и в Горенду, и в Бонгу, и на острове Витязь, и на Кар-Каре, и в деревнях сумрачных горцев.

«Маклай вернулся!» – это стало живым чудом, сказкой папуасского народа!

«Людоеды» плакали от радости при встрече с Маклаем. Юноши, которые недавно были детьми, узнавали Маклая. Маленькие девочки выросли и теперь повыходили замуж. Маклай расспрашивал друзей, что делает Мария, как живет Дягусли в Теньгум-Мана, жив ли Далу из Венгу. Он всех помнил, обо всех расспрашивал этот новгородский волшебник, новогвинейский гость! Каждый просил «тамо-руса» поселиться в его деревне.

Плотник с корабля с помощью папуасов устанавливал новую хижину Маклая на мысе около Бонгу. Теперь это был уже настоящий дом, срубленный из захваченного в Сингапуре крепкого леса. Маклай праздновал новоселье в кругу своих друзей и трех спутников. На этот раз спутниками его были малаец-повар и двое слуг – микронезийцы с островов Палау.

Папуасы рассказывали новости. «Тамо-рус» не знал о том, что здесь без него было несколько землетрясений. Вершины Мана-Боро-Боро стали от этого голыми. А когда земля тряслась, многих папуасов изувечило падавшими кокосовыми орехами. В Гарагасси пальмы, посаженные Маклаем, уцелели, но не все. Хижину съели белые муравьи. Они же изгрызли дерево с медной доской.

В долгих беседах проходили первые вечера у костров, хорошо горел унан – сухая трава побережья. На радостях папуасы принесли Маклаю подарок – кенгуру, и «тамо-рус» устроил для животного клетку, чтобы держать его живым.

Он сразу же принялся за исследования. В шлюпке Маклай спустился к устью речки Морель, потом побрел пешком через холмы, поросшие унаном. С холмов он увидел четыре горные вершины Берега Маклая. Перепрыгивая через трещины и расщелины, образовавшиеся при землетрясении, он вышел на реку Каиран, спустился в овраги и достиг деревни Марагум-Мана. Следы землетрясения он нашел и возле села Рай.

Неутомимо шагая по Берегу Маклая, он достиг реки Гебенеу.

В августе он прошел к подножью пика Константина и взял его, рискуя жизнью. Когда Маклай возвращался домой, люди окрестных сел сбежались его провожать, и двести факелов освещали победный путь Маклая.

Он поплыл на остров Витязь – в гости к Каину, где папуасы выстроили для русского друга «дачу» на урочище Айра. Потом он ходил в горные села, приносил оттуда черепа, коллекции утвари и опять... лихорадку.

С волнением он осматривал место, где когда-то впервые поселился. От хижины остались только сваи, изъеденные жадными муравьями. Сваи рухнули от одного толчка ногой. Площадка около дома заросла унаном. А сколько здесь было прожито и пережито! Тело Боя давно съели акулы, долговязый трус Ульсен, наверное, в Швеции теперь хвастается мнимыми подвигами в Новой Гвинее.

Маклай посадил пальмы вокруг нового дома, а весь огород засеял новыми растениями. Начинаются будни – наблюдения за папуасами, зарисовки. Праздники для Маклая устраивают сами папуасы; они зовут его на «ай» в Бонгу, где он впервые видит, как в торжествах участвуют женщины. От Маклая уже ничего не скрывают: он свой, близкий человек.

Маклай в своем новом доме пишет заметку, мысленно адресуя ее Русскому географическому обществу. «...Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому, как я искал Оран-Сакая и Оран-Семанг в лесах Малайского полуострова. Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи – я был прав...»

Главная задача Маклая была изучение человека, изучение, свободное от всяких предвзятых мнений, от всяких мыслей о превосходстве одной расы над другой. Он жадно искал человеческое в каждом себе подобном существе – в затравленном негритосе Филиппин, в малайском оране, в микронезийце и папуасе Берега Маклая. Берег его имени останется навсегда в истории человеческой культуры.

Огромно и глубоко, как океан, светящийся у коралловых берегов, понятие бытия. Здесь, в неведомой стране, Маклай думал, что он близок к вечным тайнам природы. Мечта его сбылась, он может наблюдать законы зарождения человеческого общества, может видеть человека в его первобытном состоянии, со всеми человеческими радостями и горем. И Маклай пришел к этому человеку не с пушками, водкой и крестом, а с добрым и участливым словом. Когда на глубоком синем небе светился Южный Крест, шелестели пальмы и слышался шорох муравьев, Маклай читал Гете...

Великая дружба «тамо-руса» с папуасами облегчала Маклаю его научные работы. Он теперь свободно делал прогулки по всему Берегу Маклая, гостил подолгу в деревнях. Ему удалось собрать замечательные сведения о папуасских танцах, бытовых пантомимах, и Маклай видел, насколько эти зачатки искусства связаны с жизнью. Он убеждался в высокой нравственности папуасов, в отсутствии у них разврата, в любви к семье.

Он неустанно проводил свои антропологические наблюдения и исследовал сто пятьдесят папуасов. И все более Маклай убеждался, что форма черепа не может быть решающим признаком расы. Вся жизнь Маклая проходила в борьбе за то, чтобы человечество не знало деления на высшую и низшие расы.

Вот пришел Каин, человек с горбатым носом, с умным и пронизательным взором. Из мочки левого уха на плечо у него свешивается огромная серьга, а взбитые волосы украшены деревянным гребнем. Это старый друг Маклая. Сейчас они пойдут по зарослям банановых деревьев в дальнюю деревню, где до сих пор никто еще не видел белого чудесного человека. Они идут вдвоем, великий русский друг и безвестный папуас, по лиановым трещинам, слышат громкие крики казуаров, полет райских птиц.

Вот Сале мастерит для Маклая «булу-рибут» – пять огромных эловых арф из стволов тростника – и развешивает их на деревьях возле дома Маклая. И «тамо-рус» отныне засыпает под звуки поющего в бамбуке ветра.

Мукау, молодой парень из Горенду, шлет гонцов к Маклаю и зовет его на свадьбу: Мукау женится на Ло, девушке из Гумбу. «Тамо-рус» идет на свадьбу как лучший гость и потом в свою записную книжку заносит все подробности наивных свадебных обрядов.

Вместе с Каином они вновь идут к берегу, садятся в лодку и плывут к острову, который Каин называет Домом голубей. На голубином острове путники сядят кокосовые пальмы и идут дальше – к людям побережья, к мастерам пирог, учат мастеров, как лучше строить суда.

С Гассаном можно смело отправляться для исследования Архипелага Довольных Людей, побывать на островах Тамо Митебог, где хижины, как русские избы, украшены коньками, только вместо резного конька-горбунка над входом красуется огромная деревянная рыба. Обо всем этом нужно записать в дневник, зарисовать рыбу, сравнить ее с другими украшениями.

У Моте из Бонгу умирает жена. Ей надо помочь. Маклай идет в Бонгу к умирающей, и его встречают как всемогущего чародея. Но скоро звуки барума возвещают о смерти под кровлей Моте, и Маклай становится свидетелем и исследователем печальных погребальных обрядов.

Сват Кады-Боро из Богати как-то узнал, что два человека из Горимы, Малу и Абуи, задумали убить Маклая. Старик умолял русского друга не ходить в Гориму, но Маклай сделал по-другому. Безоружный, он отправился в Гориму, перешел по пояс реку Киер и разыскал своих будущих убийц. Возле костра Маклай произнес речь. Он говорил жителям Горимы, что не сделал никому в этой деревне зла, что он пришел к ним ночью через леса и реку, очень устал и хочет спать. Если Абуи и Малу хотят убить Маклая, пусть они поторопятся, иначе он ляжет спать. «Тамо-рус» действительно завернулся в одеяло и проспал до утра. Наутро пристыженный Абуи притащил и положил к ногам Маклая свинью, привел Малу, и они оба пошли провожать Маклая до дома. Оба «убийцы» шли рядом с удивительным белым человеком, готовые теперь защищать его до последней капли крови.

Кисем с острова Витязь, как и Каин, оказался хорошим мореходом и гидрографом. Он прекрасно знал очертания берегов, течения и направления ветров. Маклай решил привлечь Кисема к работе, и они вместе с Каином, Гассаном и Сале на двух судах совершили поход в деревню Телята. Маклай посетил несколько сел и всюду находил материал для своих наблюдений. Каин на правах первого помощника Маклая важничал и кричал на жителей села Сингор, обличая их в жадности: сам «тамо-рус» приехал к ним в гости, а они даже не догадались угостить его свиной и курицей!

В Теляте Маклай разыскал самого древнего на всем побережье старца, и папуасский патриарх после расспросов подтвердил, что до появления «тамо-руса» на Берегу Маклая никогда не видели белого человека. Маклай поднялся на гору Сируй-Мана, оглядел побережье, сделал зарисовки Теляты. И сколько раз безвестные папуасы помогали русскому путешественнику в его упорной повседневной работе!

В июле 1877 года Маклай употребил все старания, чтобы предотвратить угрозу надвигавшейся войны поселян Бонгу и Горенду с горными папуасами. Саул и тот рвался в бой, а старый Туй упрашивал Маклая напустить чародейство на горных жителей, чтобы они все погибли от землетрясения. Но Маклай твердо сказал, что войны не должно быть и не будет никогда, пока он живет здесь. Ретивые вояки поставили копыя обратно к стенам хижин.

Как-то на Саула нашли сомнения, и он стал мучительно раздумывать над вопросом: может ли Маклай вообще умереть? Маклай когда-то спас Саулу жизнь, вылечив его от ран после охоты на вепря. Саул пользовался у «тамо-руса» огромным доверием и даже правом сидеть на террасе Маклая, где вступал с хозяином в разговоры на разные, как пишет Маклай, «трансцендентальные сюжеты». Раз в Бонгу Саул прямо задал вопрос «тамо-русу» о его бессмертии.

Мы знаем, что Маклай дал себе слово – никогда и ни в чем не лгать перед папуасами.

Что сделал Маклай? Он в раздумье подошел к стене хижины, выбрал самое крепкое и острое копьё и передал его Саулу. Тот затрясся от ужаса и не нашел в себе сил, чтобы взять древко. А Маклай спокойно стоял и ждал. Саул не поднял копьё, чтобы убедиться в смертности белого человека. Маклай постоял еще и, делая вид, что не случилось ровным счетом ничего, подсел к Саулу.

Так жил Маклай. Все это время он болел, недомогал, – его мучили лихорадка и невралгия, – но никогда не оставлял начатых работ. Время шло, а шкипер «Морской птицы», обещавший прийти за Маклаем, не появлялся.

6 ноября 1877 года в залив Астралейб случайно зашла британская шхуна. Маклай решил отправиться на ней, и скоро вдоль Берега Маклая вновь разнесся грохот барумов. На проводы «тамо-руса» сошли толпы папуасов.

И Маклай произнес перед ними изумительную речь.

Он говорил, что вскоре, не сегодня, не завтра, но обязательно сюда должны будут прийти на кораблях люди, похожие на Маклая лицом, волосами и одеждой. Но они будут не такими, как он. Эти люди, выйдя на берег, начнут стрелять из ружей, грабить папуасов и похищать их в рабство. (Движение в толпе, крики: «Не покидай нас, тамо-рус!») Маклай еще вернется сюда. Но он должен предупредить своих друзей, что страшные белые люди бессердечны и злы. Они схватят Саула, Бонема, выберут самых крепких и здоровых людей и увезут их в плен. Что делать папуасам, когда придут злые люди? Надо посылать женщин и детей в горы, прятаться самим и всячески стараться избегать кровопролития, ибо белые сильнее папуасов и начнут стрелять в них из пушек и ружей. Если хотя бы один из белых будет поражен стрелой папуаса, пришельцы не пощадят никого. Поэтому Маклай сейчас расскажет, как надо отличать белого врага от друга, как предупредить бедствие и рабство. Если Маклай пришлет сюда своих друзей, они подадут знаки и скажут слово «Маклай». Такие белые друзья «тамо-руса» тоже могут когда-нибудь приплыть сюда... Может даже случиться так, что сюда приплывет много-много русских – друзей Маклая. Они не тронут папуасов, а будут им помогать, дружить с ними, как с братьями. И с этими людьми надо жить в мире. Сам «тамо-рус» Маклай еще вернется сюда...

Так говорил Маклай. Он уехал, провожаемый плачем, громом барумов, прощальными криками.

СОЛНЦЕ АВСТРАЛИИ

Сингапурские врачи, осмотрев Маклая, поразились душевной силе этого человека. Знаменитый русский был едва жив. От него остались одни ребра и торчащие ключицы – настолько он исхудал. Мог ли человек быть здоровым после всего пережитого в дальних и опасных походах? Как объяснить врачам все – и переходы по затопленным лесам Малакки, и шум в ушах от новогвинейской лихорадки, и голодовки, и постоянные опасности, и врожденную склонность к нервным заболеваниям?

Маклай в Сингапуре слег в постель, но его не покидала бодрость и веселость. Он отшучивался, когда врачи пророчили ему смерть, если он не начнет всерьез лечиться и отдыхать. Но легко врачам говорить о перемене климата, об отдыхе, спокойном образе жизни! Маклай нищий и бездомный человек. Вот уже некоторое письмо в Петербург остается без ответа. Географическое общество печатает его статьи, письма в своих «Известиях», но палец о палец не ударит для того, чтобы добыть Маклаю денег на продолжение работ. Он живет долгами, на долговые средства снаряжает свои походы. Но так долго не проживешь. Гонорар за статьи смехотворно мал. А доктора велют ехать для отдыха в Европу, Японию или Австралию. Что он будет там делать? Ведь нельзя всю жизнь пользоваться гостеприимством чужих людей, как это было в Бейтензорге у Джеймса Лаудона. Хорошо, Маклай поедет в Австралию и отдохнет там. Кстати, оттуда и до Новой Гвинеи недалеко, стоит только переплыть Торресов пролив. Лучше всего ехать в Сидней, под благоприятные лучи австралийского солнца. Там здоровый морской воздух, зелень, покой. И с жесткой госпитальной койки в Сингапуре «тамо-рус» отправляется на корабль.

Вряд ли Маклай знал о том, что произошло вскоре после его отъезда из Сингапура на маленьком острове Пенанг между Малаккой и Суматрой. В Пенанг пришел русский клипер «Всадник». Командир клипера Андрей Новосильский был немало изумлен неожиданным визитом послов султана Ачинского. Могущественный султан Суматры просил Новосильского принять в русское подданство сначала Ачинский султанат, а потом и всю Суматру. Новосильский растерянно осматривал послов и, не зная, что предпринять, решил прежде всего выиграть время.

После переговоров в капитанской каюте было решено, что султан Ачинский напишет новую бумагу о русском протекторате, соберет подписи князей Суматры и эту петицию перешлет в порт, где к тому времени будет находиться клипер «Всадник».

Слухом земля полнится. О пребывании Маклая на Яве и Малакке знали на Суматре. Титул «русского князя», данный Маклаю, мог сбить с толку султана Ачинского. Прибавьте сюда еще и шум вокруг имени Маклая, поднятый газетами Явы, и тогда совсем не трудно будет предположить, что причиной симпатий обитателей Суматры к далекой России мог быть не кто иной, как Миклухо-Маклай.

Любопытна судьба затеи султана Ачинского. Через год после необычайного свидания с послами Суматры клипер «Всадник» бросил якорь в Неаполитанском заливе. Каким-то путем вдогонку кораблю был доставлен в Неаполь объемистый пакет с Суматры. В нем лежала петиция островных владетелей во главе с Ачинским султаном, украшенная княжескими печатями. Новосильский составил подробный рапорт своему начальству, приложил донесение к петиции, и письмо владетелей Суматры пошло гулять по канцеляриям морского министерства и министерства иностранных дел.

В просьбе князьям и султану было отказано. Новосильскому ничего больше не оставалось, как отправить в Пенанг, к агенту султана Ачинского, телеграмму о состоявшемся в Петербурге решении.

В июле 1878 года Маклай любителю новым городом в новой для очарованного странника части света. Сидней раскинулся перед ним по большому полуострову между двумя заливами. Синие бухты, утесы, яркие кроны деревьев, ярчайший желтый песок на садовых дорожках, цветы и светлые здания оправдывают название, данное Сиднею, – «королева юга».

Чем-то встретит столица Нового Южного Уэльса русского путника? Имя Маклая уже известно всему миру, но он по-прежнему без крова, денег и имущества. Все его вещи оставлены на Берегу Маклая, под присмотром папуасов. С собою Маклай везет лишь

самое необходимое для жизни и свои драгоценные записи.

О, какой чистый, хрустальный ливень падает на кровли Сиднея! И как легко дышится в этой прозрачной прохладе... Надо устраивать здесь жизнь, набираться сил, ездить на морские купанья в Манли, чаще бывать на воздухе. И хорошо бы подняться на высокие луга Австралийских Альп.

Маклай почти на целый год поселился в Сиднее. Его приютил сначала русский вице-консул Паули, а потом директор замечательного музея в Сиднее Вильям Маклей. В доме вице-консула Маклай лежал на чистой, мягкой постели и глядел в окно на небо Сиднея, пересеченное ясными отвесными молниями летних ливней. Жена вице-консула заботливо ухаживала за знаменитым человеком.

Когда Маклай окреп и встал на ноги, он, конечно, не оставил без внимания ни одного уголка солнечного города. Весть о его приезде разнеслась по Сиднею, и прохожие разглядывали шагавшего по Джордж-стрит маленького бородатого человека в белой шляпе. Он осматривал и новый город Норт-Шор, и южные аллеи Вуломоу, и ботанический сад, и берега синих заливов.

Он присматривался к лицам темнокожих людей, стараясь найти и здесь одну из жемчужин Тихого океана. Здесь Маклай увидел торжество колониального разгула. Многие крепкие, ловкие и сильные туземцы были загнаны в бесплодные пустыни. Тасманийцы уничтожены целиком. Меланезийцев заставили пасти бесчисленные стада овец на австралийских плоскогорьях и истреблять местные племена, которые вымирают наравне с кенгуру... Но, в противовес колонизаторам, проповедовавшим расовое неравенство, раздавались и другие голоса. Епископ порта Виктории бенедиктинец Рюдесиндо Сальвадо в своих «Мемуарах» об Австралии становился на сторону австралийцев. Так, случаи людоедства он объяснял только крайним голодом. Сальвадо указывал на отличное природное здоровье «дикарей», опровергал версию об их вырождении в силу одних лишь якобы расовых причин.

Епископ Сальвадо был поражен способностями австралийских детей, которых он обучал грамоте и счету.

«Один из них, – писал епископ, – с первого же дня выучил в десять минут сорок букв, разделявшихся на большие и малые и притом разного шрифта: по восьми букв в каждом из пяти алфавитов. Пусть в самом большом европейском институте сделают такой же опыт с пятью различными шрифтами, и вы увидите, может ли ребенок девяти лет, как этот, в десять минут удержать в памяти сорок знаков, различать их и повторять их названия вразбивку. Другой через несколько уроков повторял наизусть слева направо и наоборот все разряды сложных чисел, от двух до девяти цифр, увеличиваемых последовательно, что его можно было принять за опытного счетчика... Другой, видя, как один капитан корабля определял меридиан секстантом, повторил этот опыт успешно. Тот же самый капитан уверял меня, что четверо молодых людей, его учеников, в три месяца научились производить эту операцию; что один австралиец моложе десяти лет понял дело с точностью с первого раза. Его заставляли потом повторить это несколько раз в присутствии разных лиц, чтобы убедиться, что это не было делом случая...»

«Дикарь, – говорил епископ Порт-Виктории, – никогда не прощает оскорбления, нанесенного стыдливости принадлежащих ему женщин. За это преступление платятся дорого, всего чаще смертью...»

Другой знаток Австралии и ее народа писал, что среди австралийцев встречаются люди с гладкими и даже совершенно русыми волосами. В книге исследования Митчела можно было прочесть такие строки о племени австралийцев:

«Их изображают как последнюю ступень человечества; однако тех, которые сопровождали меня, я нашел превосходившими в проницательности и суждениях белых, составлявших мою экспедицию. Мне вовсе не пристало бы унижать характер туземцев, когда один из субъектов именно этой несчастной расы был моим путеводителем, товарищем, советником и другом в самых критических случаях этого последнего путешествия с целью исследования страны. Иурани был мал и слаб на вид, но его мужество и решительность были самые положительные. Его ум и суждения сделали его столь необходимым для меня, что он всегда был со мною, и пешком, и верхом. Моя

доверчивость к нему ни разу не была обманута...»

...Сидней во всем блеске и великолепии родился из каторжного поселения. Как только Австралия была открыта для мира, ее поспешили превратить в место ссылки и заточения. Прекрасная страна, о которой в пословицах говорится, что в Австралии молодеют старики, была превращена в XVIII веке в край горя и слез.

В одном из глухих австралийских заливов во времена Маклая стояло на якоре старинное парусное судно «Успех» со статуей женщины на носу. Кого изображала она? Фемиду? Немезиду? Это была плавучая тюрьма. На старом корабле когда-то перевозили в Австралию первых каторжников, потом корабль странствовал по Тихому океану. Корабль поставили на якорь, но он продолжал оставаться тюрьмой. Каторжники жили на нем в тесных деревянных клетках. Потемневшая палуба была не раз залита кровью – там стояли орудия пытки, вплоть до знаменитой «железной девы».

Во времена Маклая в Австралии нашли золото, и десятки тысяч людей устремились сюда в поисках счастья. Поэтому и богатеет Сидней у этих синих берегов.

Маклай дышит ясным воздухом Сиднея, идет по нескончаемым плодовым садам пригорода Парамотты и подолгу просиживает на берегу бухты Уотсон-Бей, которая впоследствии будет считаться одним из памятников пребывания удивительного русского в Сиднее. Он думает об этой причудливой стране, где растут пальмы и эвкалипты наравне с цветами далекого севера. Как Маклау хочется увидеть самому голубые боровичские незабудки в горах возле Сиднея!

Здесь можно набираться сил и отдыхать. А потом надо будет посмотреть поближе папуасов Торрессова пролива, сравнить их с австралийцами. Ведь и Новая Гвинея, и Австралия, и Новая Зеландия – части одного материка, разобщенные какой-то геологической катастрофой. Надо также начать здесь изучение хрящевых рыб, вернее – продолжать старые исследования в этой области. Морская фауна Австралии богата; здесь водится рыба, дышащая и жабрами, и легкими, – рогозуб, лишь останки которой можно найти в отложениях Европы. Научное название этого двоякодышащего существа – церотодус. Здесь водятся черный лебедь и много сумчатых животных, кроме красного кенгуру; живут утконос и бескрылый страус.

В Сиднее Маклай вместе с Вильямом Маклеем пишет работу по систематике хрящевых рыб и издает первый ее выпуск. Вильям Маклей предоставил свой музей для занятий русского ученого. Маклай идет в сиднейские больницы и упрашивает докторов отдавать ему черепа и мозг меланезийских матросов, умирающих на больничных койках. Получив шесть черепов жителей Океании, Маклай занялся сравнительной анатомией мозга темнокожих. Фотографии и пятьдесят рисунков Маклая – иллюстрации к этой работе – легли в золотой фонд антропологии.

Затем Маклай принялся изучать мозг ехидны, анатомируя его в свежем состоянии, чего не делали прежние исследователи. Ему удалось внести много нового в прежние исследования.

Вскоре Австралийский музей пригласил Маклая для работ в свою лабораторию, и русский ученый перебрался из дома Маклая в Елизавет-Бей – в комнату под кровлей музея. Его вскоре избрали в члены «Линнеевского естественноисторического общества Нового Южного Уэльса». Маклая в Сиднее почему-то стали звать «бароном Маклаем». И везло же ему на титулы – он был и «человеком с Луны», и «русским князем», теперь он стал «бароном»! Вскоре Маклай выступил с предложением основать в Ватсон-Бее биологическую станцию. Она была впоследствии учреждена, причем сам Маклай делал чертежи и руководил постройкой.

Маклай был первым русским ученым, связавшим русскую науку с австралийской. В архивах Сиднея, несомненно, хранятся богатейшие материалы о научной работе и жизни Маклая в Австралии.

КАТОРГА КОММУНАРОВ

Биографы Маклая прошли мимо одного случая из его жизни, относящегося к 1879 году, когда Маклай был непосредственным свидетелем одного из страшных злодеяний прошлого века.

...На рассвете 29 марта 1879 года американская трехмачтовая шхуна «Сади Ф. Каллер» под командой шкипера Веббера покинула залив Порт-Джексон в Сиднее, и Маклай увидел картину солнечного восхода в океане. Веббер взял курс на Новую Каледонию: туда он вез товары для города Нумеа. Веббер рассчитывал из Новой Каледонии обойти ряд островов океана – для ловли трепанга.

С палубы шхуны Маклай увидел берега французской колонии Новая Каледония, окаймленные рифами, и узкий полуостров с голыми, дикими холмами Дюкос. Правее оконечности Дюкоса в море темнеет остров Ну, окруженный крепкими стенами. Он прикрывает вход в бухту, и с моря еще не видно самой Нумеа. Но вот шкипер Веббер отыскал узкий проход между рифами, и шхуна проскользнула в границы огромной гавани с белым, как мрамор, дном. Теперь Нумеа как на ладони. Издали она ничем не отличается от других островных городов Океании. Спрятавшись в заливе между Дюкосом и островом Ну, город приветливо белеет стенами правительственных зданий; из-за кокосовых пальм чуть виден губернаторский дворец. На главных улицах сады. Но путник здесь увидит страшные вещи, скрытые за всей этой показной нарядностью.

Маклай молча смотрит на могилу парижских коммунаров... Элизе Реклю, пленник версальцев, прошедший восемнадцать тюрем, скованный цепями, задыхавшийся в передвижных тюрьмах – вагонах, лишь благодаря заступничеству географов всего мира избежал ссылки на Дюкос.

3 мая 1872 года, в день, когда «тамо-рус» на Берегу Маклая ел вместе с Туем первые плоды, выведенные им в Горенду, от берегов Франции отошел корабль «Даная» с тремястами пленниками версальцев. Триста коммунаров, избитых и полужамученных, лежали в дубовых клетках возле корабельных батарей, стонали на дне вонючих трюмов, в лишенных света карцерах. Семь кораблей с пленниками следовали за первой плавучей тюрьмой, и на одном из них – «Виргинии» – везли в числе остальных коммунаров пламенную Луизу Мишель. На пути в Новую Каледонию океанские акулы шли за кораблями, ожидая добычи.

Скрипит корабль, надежды полный, И ветер треплет паруса... –

писала тогда Луиза Мишель в своей тетради.

Уцелевшие от расстрелов Галифе, избегшие казней у окровавленных столбов на холме Сатори, коммунары были согнаны с кораблей, как скот, на каменистый берег Новой Каледонии. И на мертвой земле Дюкоса, в соломенных хижинах Соснового острова, на каторжном острове Ну вот уже семь лет томятся благороднейшие люди земли... Некоторые из них погибли здесь – сошли с ума, утонули в море, пали под пулями стражи.

В начале 1879 года в Новой Каледонии оставалось еще более тысячи узников. На них пока не распространялась амнистия. Они по-прежнему жили на полуострове отчаяния и смерти, спали на нарах каторги Ну, скованные цепями с убийцами, ворами, фальшивомонетчиками. Коммунаров пытали: им надевали на пальцы пуссэт – острый железный перстень, дробящий кости и отрезающий суставы, били кнутом, расстреливали у высоких красных столбов. Сумасшедший дом на Сосновом острове был переполнен пленниками, самоубийцы бросались в море или вешались на сандаловых деревьях. На каторжан натравливали островное население – канаков. Канаки искали по лесам беглецов, убивали их стрелами или пращами и тех, кого брали живьем, приносили на жердях в Нумею связанными – так на Берегу Маклая носят живых свиней. Епископ Нумейский, губернатор, офицеры и солдаты, истребляя туземцев, заодно и развращали их, вербуя из канаков стражников и полицейских. Монахи-миссионеры заставляли канаков обрабатывать плантации, и Маклаю казалось, что на глинистой земле острова еще не высохла кровь тысяч канаков, пролитая ими во время восстания 1878 года.

На Сосновом острове в хижинах из соломы, у подножий черных деревьев, живут теперь

вместе с коммунарами Канарские инсургенты. А что творится там, на покрытой могилами глинистой земле Дюкоса, где нет воды, деревьев и трав, где часовые, опершись на ружья, еще стерегут пленников? Там в соломенной хижине живет «ссылная № 1» – неукротимая дочь народа. Год тому назад она подняла канаков Новой Каледонии против их общих врагов – имперских угнетателей. Канакский вождь Дауми, ее учитель туземного языка, шел в бой, опоясанный шарфом Коммуны. Соломенный навес, яма, вырытая в земле. Жарко нагретый очаг, на котором женщина приготовляет себе грубую арестантскую пищу и сжигает сухую траву и листья для того, чтобы хоть немного защитить себя от moskitov. Под кровлей соломенной хижины лежит бережно хранимая стопка тетрадей и книг. «Ссылная № 1» пишет стихи, изучает язык и предания канаков, собирает коллекции крылатых обитателей Новой Каледонии. Она открыла здесь новый вид белых бабочек. Имя этой женщины – Луиза Мишель. В степях своей хижины на Дюкосе она работала над планом будущей книги о некоем грозном мстителе. Этот мститель изобрел подводный корабль. Пройдет не так много лет, и Луиза Мишель, вернувшись на родину, из нужды продаст знаменитому Жюлю Верну сюжет романа об изобретателе корабля, приспособленного для плавания под водой океанов.

Губернатор Новой Каледонии был настолько любезен, что сам пригласил Маклая осмотреть главную каторжную тюрьму в Ну.

Здесь плачут даже деревья – по их стволам струится прозрачная благовонная смола. Если бы не грохот морского прибоя, не тропическая духота, можно было бы подумать, что находишься где-то в России, у подножья валдайских холмов, на кромке новгородских болот: на горах здесь растут березы... Но это только так кажется издали. Когда подойдешь к ним, видно, что это не березы, а очень похожие на них деревья белоствольника. Здесь нет певчих птиц, а из животных водятся только летучие собаки, нетопыри и крысы. Скорпион и болотная змея – вот здешние твари, достойные того, чтобы их изображения поместить в гербе Новой Каледонии.

Здесь истребляли все живое. В Нумеа как редкость в 1879 году показывали уцелевшую на всем острове птицу кагу, похожую на журавля. А когда-то стаями кагу было покрыто все морское побережье.

Комиссар Новой Каледонии господин Ольри страшно приветлив и предупредителен. Комиссар может похвастать перед Маклаем островной культурой: например, парижские голодранцы с монмартрских баррикад устроили в Нумеа водопровод; каторжники производят здесь мебель из черного дерева, рисуют картины, разводят овощи. Русский путешественник может осмотреть остров, но господин Ольри советует не ходить в дальние канакские деревни – здешние дикари еще не замиренены окончательно.

И пока шкипер Веббер разгружал свой корабль в Нумеа и Южной бухте, Маклай успел сделать поездки по этой земле слез и горя. Он изучал жизнь канаков – так называли французы здешние племена, очень близкие к меланезийцам. Они жили общинами, ловили рыбу, разводили кукурузу и саго. В одной деревне стояло священное изображение – ствол дерева, увешанный шкурками летучих собак.

Канаки вымирали от чахотки и спирта, привезенного французами, понемногу смешивались с каторжниками, отбывшими срок, и привозными рабами плантаций – неграми, индусами, меланезийцами.

Проклятие тяготело над этой землей – полупустыней с островками зелени, с плачущими белыми деревьями... Посещение Новой Каледонии в 1879 году должно было оставить глубокий след в сердце Маклая. В этот свой поход он собирал не только научные сведения: он был свидетелем и наблюдателем всех преступлений торговцев, миссионеров, плантаторов и чиновников в Океании.

Версальцы, устроившие на Новой Каледонии каторгу, не нашли ничего лучшего для названия островов Лоялти близ Новой Каледонии, как острова Законности! Самый большой из них – Лифу – был знаменит как военный пост. Для охраны коммунаров, видимо, мало было батарей на горе близ Нумеа. На Лифу и других островах архипелага миссионеры учредили школы черных монахов, вербуемых среди меланезийцев. Маклай, таким образом, мог видеть здесь во всей красе еще один из видов порабощения туземцев.

Новогбридские острова и архипелаг Санта-Крус, группа островов Банкс и Торрес стали предметом неистощимой любознательности Маклая. Все они образовывали единый

район в океане, и шхуна американца Веббера сновала между этими клочками вулканических и коралловых земель. Жители островов пользовались славой каннибалов, которые якобы выменивали у других племен трупы умерших, если не было возможности почему-либо добыть свежую двуногую дичь.

Здесь была как бы грань между полинезийскими племенами и людьми собственно Меланезии. Маклай зарисовывал типы островитян, собирал черепа, утварь, записывал слова океанских наречий. Он бродил под сенью араукарий и тропических кедров, в зарослях сандала, вдыхая запах живых белых смол па горячих от солнца стволах благовонных деревьев, слышал воркованье голубя - пожирателя муската. Под пальмовыми сводами новогейбридских хижин, вернее - под пальмовыми щитами, подпертыми жердями, он слышал жалобы «дикарей» на разбой.

Похищение темнокожих было здесь обычным делом. Их заманивали на корабли безделушками, табаком, а потом загоняли в трюм и везли на Новую Каледонию, в Квинсленд или на остров Фиджи.

Гнездо этого разбоя было на острове Вате - столице Новых Гебрид, где плантаторы разводили кофе и торговали, под прикрытием закона о «контрактах» с туземцами, «черным деревом», как здесь издавна называли рабов.

Шкипер Веббер опасался туземцев островов Санта-Крус и долго оставаться возле каннибальских берегов не хотел. Недавно здесь был убит похититель темнокожих детей, седовласый начальник Меланезийской миссии, епископ Джон Кольридж Паттесон. Его сразила отравленная стрела островитянина, у которого епископ хотел отобрать детей для своего рассадника христианства на океане. На одном из островов Санта-Крус услышал пень отравленной стрелы и британский коммодор Гудденоф, умерший через неделю после ранения. Именно здесь, у острова Ваникоро, на юге архипелага, погиб когда-то Лаперуз, и через сорок лет Дюмон Дюрвилль нашел вещи великого морехода в хижинах жителей Санта-Крус.

Маклай знал, что Санта-Крус не были исследованы этнологами и все сведения о племенах архипелага ограничивались записками Алоизо де Менданы и других испанских открывателей XVI-XVII веков.

Затем Маклай посетил острова Банкс и Торрес - к северу от Новых Гебрид. На острове Танна он видел редкое зрелище - порт Резолюшн, засыпанный землетрясением год тому назад. На острове Вануа-Лава весь берег моря был покрыт теплыми источниками, сверкающими в зареве действующих вулканов.

Так и вилась невидимая нить странствий Маклая - от острова к острову, от базальтовых скал до коралловых рифов. Скоро на горизонте открылись - в солнечных лучах и легком золотисто-синем тумане - острова Адмиралтейства, где когда-то Маклай видел пирогу с вымпелами из человеческих волос.

СТРАНА ЛЮДОЕДОВ

На островах Адмиралтейства наш путешественник хотел во что бы то ни стало отыскать матроса-малайца Ахмата, сбежавшего от линьков шкипера «Морской птицы», и двух торговых приказчиков – О'Хара и Пальди. Они были оставлены на островах с товаром для торговли три года тому назад.

Островитяне приветствовали «тамо-руса» возгласами: «Маклай! Уян кавас!» («Хороший друг Маклай!»)

Хранителем, спутником и посредником Маклая в этот раз оказался маленький, уже пожилой человек Кохем. Вскоре нашлись и другие друзья: подростки Качу и две девочки – Аса и Пинрас. Качу с восторгом кинулся к подвесной койке Маклая и привязал ее к ветвям громадного фикуса. «Тамо-рус», стоя у фикуса, слышал крики островитян, сбежавшихся к береговому рифу для торговли со шкипером Веббером.

Качу привел к Маклаю молодую полинезийскую женщину. Она была обижена и взволнована тем, что на ее долю не досталось бисера. Ее подруги были заняты нанизыванием голубых шариков на длинные нити, а несчастная женщина с завистью глядела на товарок.

Маклай вытащил из кармана горсть стеклянных бусин, и улыбка счастья осветила лицо темнокожей красавицы. «Тамо-рус» усадил ее около койки и стал рисовать портрет счастливой обладательницы бус.

Все тело новой знакомой было покрыто татуировкой. На спине и плечах красовались узоры – зигзаги, между лопаток виднелись два созвездия, составленные из треугольников; каждое из них объединяло по четыре треугольника, расположенных в виде креста. Далее, ниже спины и на ногах, красовались опять зигзаги, треугольники и углы.

Вдруг женщина встрепенулась и кинулась встречать мужа. Он привез ей подарки, возвращаясь из гостей. Маклай решил посмотреть поближе на меланезийскую идиллию. Красавица сидела возле своей хижины и держала в руках гостинец – бедренную человеческую кость. Поднося кость ко рту, женщина с видимым удовольствием жевала куски мяса, отрывая их зубами. Сестра красавицы и ее племянница стояли и глядели в рот счастливнице.

Маклай впервые собственными глазами наблюдал людоедство. Теперь уже не было никаких сомнений в том, что этот страшный обычай действительно существует на острове.

И все же великий гуманист нашел в людоедах много человеческого. Например, его мучили приступы головной боли, и он хватывал пальцами лоб, меланезийские женщины спешили помочь ему. Они поставили девочку Пинрас делать массаж, и девочка терла виски «тамо-руса» пальцами, вымазанными в кокосовом масле, сжимала русоволосую голову Маклая между ладонями, пока боль не стихала. Пинрас все время сидела около койки гостя, стараясь во всем помочь ему.

Маклай ходил по деревням людоедов. К ним вели узкие дорожки, среди зарослей пальм, хлебного дерева, благоухающих розовых кустов. В деревне Пургасси на Большом острове в хижине, среди всякого домашнего хлама, он нашел несколько прокопченных человеческих черепов.

Он спал под открытым небом на островке Андра, купался по утрам в море, стрелял голубей. Маклай разыскал то место, где когда-то жил здесь несколько дней, и вспомнил об ирландце О'Хара. Но место, где поселился ирландец, было сровнено с землей. О'Хара исчез... Где он? Не съели ли его?

Бедный искатель приключений О'Хара, флорентийский студент, учитель в Индии, чиновник в колонии каторжников, сотрудник английской газеты колонии Проливов! Вряд ли теперь ему еще придется когда-либо править свежие гранки...

Но и среди людоедов есть сердобольные люди. Вскоре Маклай разыскал на островке Андра престарелого людоеда Мана-Салайя, спасителя О'Хара.

Горестные приключения ирландца, как оказалось, начались вскоре после ухода «Морской птицы». О'Хара сначала храбрился, ходил по берегу как ни в чем не бывало. Но скоро он загрустил. Сравнивая свою недавнюю еще службу в колонии каторжников с теперешним одиночеством, он стал чаще прикладываться к красному вину и бренди. В пьяном бреду ему рисовались картины прошлой жизни. Он махнул рукой на торговлю, туземцы перестали его уважать и толклись целыми днями в хижине ирландца.

О'Хара погубила привычка к морским купаньям в нетрезвом виде. Как-то утром, опохмелившись стаканом бренди, хмурый ирландец залез в воду и только что начал в пене прибоя приходить в себя, как вспомнил, что хижина не заперта! Он не успел обсохнуть после купанья, как увидел картину разорения. Островитяне выносили товары из его хижины. Они разграбили все, вплоть до ожерелья с островов Палау и других редкостей, собранных ирландцем для Маклая.

Бедняга О'Хара разразился гневной речью... Но куда там! Островитяне попросту показали ему копыя, и О'Хара примирился со своей участью.

Ирландец перевязал чресла лохмотьями старого рисового мешка, нахлобучил продранную соломенную шляпу и пошел куда глаза глядят. Тут-то и нашелся добрый одинокий людоед Мана-Салайя. Старик взял к себе несчастного ирландца, отвел ему место в хижине, а потом даже отвез его на зашедший к рифу американский корабль.

Маклай щедро одарил спасителя О'Хара, и старик Мана-Салайя так растрогался, что прослезился.

Судьба второго белого, оставленного вместе с О'Хара, Пальди, была еще печальнее. Его не дождалась невеста, о которой Пальди, расчувствовавшись, как-то рассказывал Маклаю на борту «Морской птицы». Два с половиной года тому назад на хижину Пальди напали папуасы, отрезали ему голову и устроили совещание, в каком виде съесть тело Пальди. Но так как никто из отвращения не желал даже попробовать мясо белого, то труп приказчика изрезали на кусочки и выкинули в океан – на корм акулам. Не спас Пальди даже высокий забор, которым он окружил свою хижину.

Иначе сложилась судьба малайца Ахмата. Он томился в плену на холме Хуоу, на Большом острове. «Тамо-рус» без особых осложнений выкупил малайца у людоедов за шесть сажен дешевой ткани, три огромных ножа, спички, добрую шапку бисера и большой топор. Жители Суоу довольно тепло простились с малайцем. Ахмат рассказал Маклаю некоторые сведения, которые он накопил здесь за три года своего рабства.

Ахмат выучил наречие Суоу, а его рассказы о людоедстве могли быть темой для целого трактата. Жертву свежуют, режут на мелкие куски и варят в горшках. Особенно ценятся сердце, мозг и печень. Черепа жертв выставляются напоказ. Пленников часто подолгу держат в селениях и лишь потом подвергают убою. Если бы кожа Ахмата была чуть потемнее, то съели бы и его. Людоеды питают отвращение к мясу белого или светлокожего человека. Малаец с ужасом рассказывал Маклаю об охоте на женщин и детей из горных деревень, которых похищают жители берегов, чтобы съесть всей общиной.

Маклай бесстрашно продолжал посещать островные деревни. Пожиратели людей оказывали ему большую услугу. В деревне Суоу хранились пять человеческих черепов, прокопченных в дыму очагов. Жители сначала стеснялись Маклая, по застенчивость их прошла, как только он показал им куски железа. Выгодная для обеих сторон торговля состоялась, и Маклай получил целое сокровище. А ценность этих черепов увеличивалась тем, что людоеды дали совершенно точные справки. Они любезно объяснили, что череп № 1 был добыт в селе Ругуль, № 2 – в хижинах Рембат, череп № 3 – трофей из Терлау, а два последних номера – из села Терлут. Все пять человек, привезенные с другого берега Большого острова уже умерщвленными, были съедены именно в этой хижине.

За время пребывания Маклая на берегу людоедов осиротел мальчик Качу. Произошло это так. На островок Андра напали воины враждебного племени. Они убили отца Качу, по имени Грегги, и уволокли его труп вместе с другими шестью телами, чтобы съесть их в «камале» – общественной хижине своего села.

Маклай рассматривал свои богатства, добытые за это время. Пять прекрасных черепов, копыя, деревянные блюда, горшки для варки пищи, базальтовый топор, каменные

бритвы, диковинные лесные плоды апис, сок которых делает непромокаемой материю, корзины и охотничьи сети. В Сингапуре у Маклая хранились грузы ранее собранных им коллекций – они весили пять тонн. Теперь к старым коллекциям можно было прибавить новые.

Два месяца скитался Маклай по поселкам пожирателей человеческого мяса, но никто из самых свирепых каннибалов не тронул Маклая.

С островов Адмиралтейства Маклай попал к островам Луб, где островитяне рассказали ему, что их предки переселились сюда с архипелага Адмиралтейства, и даже показали остатки пироги первых переселенцев. Теперь с Луб на Ниниго – островки Шашечницы – ездят ловить и похищать рабов.

Маклай посещает острова Ниниго (Шашечница), Тробриан – совсем близкие к берегам Новой Гвинеи, нередко посещаемые торговцами. Маклай в эту поездку побывал и на Соломоновых островах.

Но вот начинаются острова Папуа у юго-восточного острого края Новой Гвинеи. Здесь, на архипелаге Луизиада, живут люди-волшебники. О них рассказывают небылицы: злые чародеи могут одним взглядом остановить сердце человека.

Плохой славой пользуются и жители ближних островов Д'Антраксто. Эти места были уже посещены командиром «Василиска» Морсби. Красивый светлый пролив, отделяющий эти острова от Новой Гвинеи, Морсби назвал Китайским. Водами этого пролива проходят корабли из Квинсленда и Сиднея в Китай. Корабельщики везут в Гонконг грузы трепанга, а из Китая в Австралию – оборванных кули.

На острове Вари в Китайском проливе Маклай сошел со шхуны. Шкипер Веббер тряс руку Маклаю, звал его в гости к себе в Сан-Франциско и в сотый раз благодарил русского. Веббер считал себя обязанным Маклаю за совет идти к острову Андра – брать трепанга и перламутр. Теперь шкипер разбогатеет от большой удачи – трюмы шхуны полны корзин с копченым трепангом.

Веббер обещал доставить в Сидней весь научный багаж Маклая. А «тамо-рус» остался здесь, на китайском перепутье.

Островок Вари вскоре посетило миссионерское судно «Элленгоуэн». Английские священники делали объезд берега Новой Гвинеи. Маклай двадцать два дня путешествовал вместе с миссионерами, посещал южные деревни папуасов и достиг Порт-Морсби. Гавань, открытая командиром «Василиска», населена знаменитыми папуасскими гончарами. Они выменивали посуду на саго у жителей отдаленных сел Новой Гвинеи.

Здесь Маклай услышал рассказы о «желтых людях» побережья и загорелся желанием разыскать их. Он увидел их в хижинах деревень Дула, Кало и Карепуна. Это были люди с более светлой, чем у папуасов, кожей, прямыми волосами, – очевидно, в их жилах была примесь полинезийской крови. Маклай решил, что когда-нибудь к берегам Новой Гвинеи бурями или волнами были занесены челны с жителями Полинезии и они поселились здесь, среди папуасов.

Странствия 1879-1880 годов заняли четыреста девять дней.

За это время он установил, что жители Новых Гебрид, архипелага Луизиады, Соломонова архипелага в большинстве имеют брахицефальную форму черепа. Это опровергало все мнения прежних антропологов. Маклай проследил переходы от полинезийского к папуасскому типу на бесчисленных островах Меланезии, раскрыл загадку «желтого племени» Новой Гвинеи. Маклай сделал драгоценные наблюдения над жизнью людей Меланезии, вникая во все мелочи быта темнокожих.

Так и прошел он по цепочке островов от Новой Каледонии до усеянного подводными камнями Торресова пролива, открывая то, чего никто не видел до него.

На острове Четверга Маклай уже не мог двигаться, настолько измучили его приступы страшной лихорадки. Он лежал в доме британского чиновника Честера в бреду и липком поту. Маклая терзали нервные боли, ныли пальцы, и казалось, что между ребер кто-то

протаскивает длинные пиловидные ножи.

Чиновник Честер совещался с женой: уж не приготовить ли для этого русского могилу в горячей земле острова Четверга? Но Маклай выжил. Худой, обросший темной курчавой бородой, он, улыбаясь, говорил о новой поездке на север Австралии.

ГОСПОДИН ОТТО ФИНШ

Как только представилась возможность, Маклай проник на северную оконечность материка, где мыс Йорк устремляется острым носом в Торресов пролив.

На севере Австралии «тамо-рус» изучал остатки племени австралийцев возле Соммерсета и, начиная от мыса Йорк до южного берега Австралии, всюду измерял и зарисовывал туземцев. Его ужасал вид жалких и забитых людей когда-то гордого племени. Теперь они, как негритосы Люсона, скитались вокруг больших городов, ели гусениц и вымирали наравне с кенгуру. Бумеранги их были в бездействии – в городах не на кого было охотиться. Туземцы восточного берега, который был наиболее изучен Маклаем, считались когда-то самыми сильными и красивыми. Теперь они были обречены на гибель. Маклай решал вопросы происхождения австралийцев и пришел к выводу, что Томас Гексли, пожалуй, прав, выделяя их в особую группу австралоидов.

Обойдя весь материк по восточному побережью, от мыса Йорк до юга Виктории, Маклай углублялся внутрь Австралии.

Он несколько месяцев провел в Квинсленде, в его столице Брисбене. Здесь Маклая встретили очень тепло, и австралийские англичане наперебой старались оказать «барону из России» как можно больше знаков внимания. Ему отвели для научных занятий, как и в Сиднее, местный музей, предоставили для фотографирования научных экспонатов лучшую фотолабораторию межевой службы. Зная о работах Маклая над анатомией мозга, обеспечили его материалом для экспериментов – мозгом меланезийца, малайца, австралийца и монгола.

«Хотя изучение собранного таким образом в Брисбене и Сиднее материала я далеко не считаю законченным, тем не менее могу указать на некоторые результаты по сравнительной анатомии мозга различных рас. Так, мною замечены существенные особенности в развитии corpus callosum pons Varolii и малого мозга, в относительном объеме нервов, группировки извилин большого мозга и т. п.» – писал Маклай о своей работе в Квинсленде.

Обитатели Брисбена приглашали Маклая пожить у них. Несколько таких приглашений он принял.

Еще в Европе он слышал, что в Австралии живет племя каких-то безволосых людей. И вот в Брисбене об этих людях не только говорят, но и указывают приблизительно район, где они обитают. Маклай пошел искать «безволосое племя» и нашел около городишка Сент-Джордж, на берегах реки Баллоны, нескольких безволосых людей. У людей реки Баллоны волосы на всем теле совершенно отсутствовали. Безволосые люди охотно рассказали путешественнику свою родословную. Их отцы и деды тоже не имели волос. Но все дело заключалось в том, что это было не племя, а одна семья, и Маклай убедился, что аномалия эта является результатом частной, а не племенной, наследственной безволосости. Верный своей привычке точных сравнений, он вспомнил, что бывают случаи обратных аномалий: чрезмерно волосатые люди встречались, например, в Бирме, но никаких волосатых племен там нет. Маклай написал обо всем этом знаменитому Вирхову.

В то время Вирхов был дарвинистом. Он страстно отстаивал равенство человеческих рас. Уже девять лет подряд Вирхов руководил Антропологическим обществом в Берлине. И он немало делал для того, чтобы разрушить сказку о близости «дикарей» к животным. Чего стоила одна легенда о «девочке-обезьяне» Крао! Полигенисты видели в ней знаменитое «missing link» – живое «недостающее звено» между человеком и обезьяной. Уверяли, что у восьмилетней Крао есть защечные мешки, как у обезьяны. Газеты писали, что Крао принадлежит к «племеню волосатых людей», найденных где-то в лесу. В Европу девочка была привезена будто бы норвежцем Карлом Боком, задавшимся целью отыскать «волосатую расу». Когда девочку привезли в Берлин, ее исследовал Вирхов вместе с антропологом Бартельсом, специалистом по изучению встречающихся на земном шаре хвостатых и волосатых людей. Оба ученых пришли к убеждению, что здесь всего-навсего «неясно выраженный случай общей и чрезмерной волосатости». Крао ничем не напоминала обезьяну. Все члены ее тела были нормально развиты. Никаких защечных мешков у Крао не оказалось, просто она любила держать за щекой монеты и другие мелкие подарки! Обман раскрылся скоро. Герцог Иоганн Альберт

Мекленбургский заявил Вирхову, что «обезьяночеловек» Крао не дикарка, а дочь чиновника короля сиамского. Родители ее жили в Бангкоке, были вполне нормально развиты физически. Крао купил предприимчивый Карл Бок для того, чтобы показывать ее за деньги в Европе.

«Человека-обезьяну» хотели также видеть и в Маргарите Беккер – попросту больном человеке, страдавшем микроцефалией. Вирхов доказал, что никакой аналогии между микроцефалом и обезьяной нет.

Вирхов работал в Берлине, окружив себя человеческими черепами, привезенными к нему из Новой Британии, с Филиппин и Сандвичевых островов. Он так же, как и Маклай, пытался открыть загадку происхождения народов Тихого океана. Но мы знаем, что Маклай разрушил привычную схему определения принадлежности к той или иной расе лишь по форме черепа. Вирхов и другие ученые считали, что папуасы, как правило, длинноголовые (долихоцефалы); Маклай, измеряя черепа папуасов, доказал, что среди них встречается много короткоголовых (брахицефалов). Рудольф Вирхов открыл, что череп одного чистокровного папуаса имел необыкновенную емкость. Это шло вразрез с утверждениями сторонников расовых «теорий», отрицавших у дикарей даже способность к мышлению. Вирхов любил работать с живым человеческим материалом. В описываемое время и несколько позднее знаменитый медик и антрополог терпеливо исследовал «дикарей», которых часто привозили в Европу то миссионеры, то капитаны кораблей, то просто предприниматели, подобные Боку. Русские «самоеды» и индейцы-оджибеи из американских прерий, рослые патагонцы, зулусы из Африки и австралийцы, лопари и целый «караван» нубийцев, бушмены, огнеземельцы и меланезийцы были предметом наблюдения Вирхова.

Маклай находился в переписке с Вирховым и не раз сообщал ему результаты своих научных работ в Океании. То, что удалось Вирхову, радовало и Маклая. А Вирхов доказывал ученому миру, что захудалость австралийцев или лопарей зависит прежде всего от страшных условий жизни, в частности – от плохого питания. «Дикари», получая в Европе вкусную и обильную пищу, прибавляли в весе, их мышцы приобретали упругость. К этим забитым и обреченным людям возвращалось здоровье. Ни о каком «вырождении», вызванном «порочностью расы», не могло быть и речи. Цвет кожи? Вирхов думал, что окраска кожи зависит прежде всего от природных условий. Он в течение нескольких лет изучал привезенную в Берлин папуасскую девушку Кандаце. Она жила в услужении в одном немецком семействе. Что же оказалось? С годами темно-шоколадная кожа папуаски стала светлеть. В этом сказалась разница между палящим солнцем Новой Гвинеи и северным климатом. Моральными качествами папуаски Вирхов остался доволен. Кандаце служила нянькой, родители детей во всем доверяли молодой папуаске. А кто мог бы отважиться поручить воспитание малышей «человеку-обезьяне»?

Папуасы не принадлежат к «самой низшей расе» – таков был вывод Вирхова.

После исследования безволосых людей Маклай воспользовался гостеприимством некоего Дональда Гуна. В его имении Пейкдель, около города Станторн, он анатомировал мозг сумчатых животных, которыми так богата фауна Австралии. Через некоторое время Маклай близ города Глен-Иннес с лопатой в руке стоял над найденными им остатками ископаемых животных. Это были кости дипротодонт австралис – существа, похожего на кенгуру, но величиной со слона. Маклай тут впервые выступил в роли палеонтолога – ему хотелось проникнуть в тайны эволюции животных Австралии.

Около Брисбена Маклай провел немало вечеров в беседах со знаменитым исследователем Австралии Грегори, который рассказывал русскому гостю о том, с каким трудом люди науки проникали до него в эвкалиптовые дебри, безводные пустыни, дикие горы, как погибали десятки ученых во имя открытия тайн страны кенгуру.

В Океанию по следам Маклая пришел Отто Финш (1839-1917). О господине Отто Финше стоит поговорить. Большого полета птица этот Отто Финш! Официально в прусской науке он числился орнитологом, специалистом по попугаям. Но вот в 1858 году Отто Финш зачем-то появляется на Балканах, хотя никаких попугаев там нет. По Балканским странам Финш шатался года два. Как раз в то время Дунай был объявлен международной рекой, была учреждена Европейская Дунайская комиссия, и алчная Пруссия начинала свою разведку на Балканах. Потом мы видим Финша в Лейдене, где он пристроился на

работу в музее при древнем университете. Вскоре Финш перекочевывает из Лейдена в Бремен, поближе к морским торговым домам. Там он узнает, что на островах Самоа заложены первые немецкие плантации. Это были дни, когда бременские, гамбургские, штеттинские купцы и пароходчики носились с идеей возрождения мощи Ганзы: «Черный орел германского флага раскинет крылья над морями и океанами всего мира!»

Граф Карл Вальбург-Цейль и Теодор Гейглин изучают полярные льды у Шпицбергена. Людвиг Агассис, ожесточенный враг дарвинизма, плывет для исследования на юг Атлантики и Тихого океана. С трибуны рейхстага раздается голос Генриха фон Круссера. Это один из первых колониальных деятелей Германии. Он был основателем имперской партии. Кто-то уже успел повергнуть к подножию рейхстага петицию о необходимости захвата островов Фиджи, но время для открытого колониального разбоя в те дни еще не наступило, и петиция осталась лежать без движения. Кто-то напоминал, что у Германии были некогда свои заморские конкистадоры, не менее свирепые, чем испанцы и португальцы. Николай Федерман в 1535 году завоевал Венесуэлу и передал ее во власть Аугсбургской компании и банкирского дома Вельзер. Когда Федерман спросили, как относиться туземцы Америки к принятию христианства, он с грубым смехом ответил, что ему нет никакого расчета тратить зря время на проповеди перед дикарями. Немецкий конкистадор предпочитал говорить с индейцами на языке огня и железа... Теперь федермановские дела вновь ожили в мечтах гамбургских купцов. В недрах торгового дома «Иоганн Цезарь Годафруа и сын» рождается план захвата цветущих земель в южных морях. В 1871 году барон Макс Гольц, знаток Тихого океана, Бразилии, Вест-Индии, назначается управляющим новым германским адмиралтейством. Огни гамбургского маяка провожают его корабль; барон свое первое плавание под флагом императорского флота приводит почему-то в южноамериканских водах. Корабли с переселенцами из Гамбурга бросают якоря у берегов Бразилии. На юге этой страны растет немецкая область Рио-Гранде-де-Сул. Около сорока шести тысяч немцев числилось уже в 1872 году в Бразилии. Гамбургские торгово-мореходные дома не ограничиваются мечтами, и в 1872 году фирмы Годафруа и Вермана основывают немецкие плантации – первая на Новой Британии, а вторая в Камеруне.

Учитывая веяния времени, Отто Финш посвящает свои научные исследования колониальным странам. Он гнет спину за столами книгохранилищ, и вскоре появляются – быстро, один за другим, – его труды о попугаях, о фауне Полинезии и книга «Новая Гвинея». Слух об Отто Финше доходит до Гамбурга, где торговый дом Годафруа занят столь далеким от коммерции делом, как этнографические исследования в Океании. Фирма эта издает книги и даже имеет свой музей. В 1872 году Годафруа основал поселения в самом сердце Меланезии.

Рука Германии уже тянулась к коралловым странам. Генрих фон Круссер в министерстве иностранных дел собирал все, что можно было собрать из материалов о Новой Гвинее, Того, Камеруне, Новой Британии. В Тихий океан из германских портов ушел корабль «Газель». На борту его были будущий правитель немецкой Новой Гвинеи барон Георг Шлейнитц, директор гамбургской морской обсерватории Неймайер. Финш с завистью смотрел вслед отходящему кораблю...

Отто Финш набирался сил и знаний. Он читал книги о колониальных народах, о естественном отборе у человека, о длинных и коротких черепах. Он знал труды Мейнеке, основателя Общества кофейных плантаций, – тот открыто требовал колоний для Германии. Финш бродил по липовым аллеям Штеллингена в Гамбурге, где помещался зоологический сад Карла Гагенбека. Здесь он увидел в 1875 году первых пленников Гагенбека – людей из далеких стран, привезенных сюда вместе со львами, тиграми и гиенами.

В то время, когда Маклай во второй раз поселился на Новой Гвинее, Германия сумела заключить «договор» в Новой Британии. Немцы проникли в бухты Миоко и Мекадо и повели с местными туземными владыками хитрую политику, построенную на лести, подкупе и прямом спаивании. Влиятельный вельможа Типулу был переименован ими в «короля Дика», Неракуа дали царственный титул «короля Вилли». Поскольку они оба получили неограниченную власть, с ними можно было разговаривать уже насчет скупки земель. Очумев от гамбургского киршвассера, «короли» в заведомом нетрезвом виде отдали всю бухту Мекадо немцам за двести шестьдесят один доллар. Бухта Миоко пошла всего за семьдесят долларов. Ученый торговый дом Годафруа немедленно устроил плантации на купленном берегу.

В это самое время Финш и познакомился впервые, пока еще заочно, с Маклаем, прочтя в антропологическом журнале французского ученого Брока статьи Маклая о жизни папуасов.

Финш три года скитается по Океании. Он был на палубе военного корабля «Ариадна», когда немцы захватывали на Самоа бухты Салуафата и Фаталила. Он был всюду, где в будущем кайзеровская Германия раскинет свои плантации, возведет поселения, выстроит тюрьмы. Это время близилось. Немцы ждали только знака из Берлина. Уже обещаны десять миллионов марок субсидии Германской ассоциации торговли и плантаций южных морей. Личный банкир Бисмарка и друг Ротшильда, известный финансист Герсон Блейхрейдер соглашается помогать деньгами собственного банка новым дерзаниям на Тихом океане. Денег у Германии хватит. А людей хватит для колоний и в Африке, и в Океании, и в Бразилии, и в Австралии. Он, Финш, горд миссией, которая выпала на его долю. Посетив во время своего путешествия по Океании Австралию, Отто Финш навещает Маклая в Сиднее и объявляет себя его другом. Финш стремится познакомиться с трудами Маклая, его богатым опытом изучения людей Океании. Он предлагает Маклаю всяческую помощь в его работах. У германского орнитолога прекрасные средства для научных работ. Финша поддерживают немецкие торговые дома и сам Бисмарк.

А Маклай по-прежнему испытывает нужду. Сингапурские и яванские банкиры уже не раз напоминали ему о долгах. Императорское русское географическое общество по-прежнему не поддерживает великого соотечественника. Правда, русские магнаты начинают раскошеляться: Нарышкин и Демидов Сан-Донато дали денег Маклаю на научные работы. Он отклоняет предложение Финша.

Но больше всего радуется Маклая открытие морской зоологической станции в Уотсон-Бей. Он считается почетным директором этого научного учреждения.

Премьер-министр Нового Южного Уэльса сэр Генри Паркер приглашает Маклая поселиться в небольшом коттедже на участке бывшей Сиднейской выставки. Здесь Маклай пишет работы о мозге австралийцев, о сумчатых животных, о туземцах Торрессова пролива.

Сюда к нему и заглядывает Отто Финша. Маклай замечает, что все эти господа – и Финш, и другие «друзья» – стараются выжать из него все его богатые знания об Океании для целей не имеющих ничего общего с наукой и человечностью. Они хотят установить свои порядки на Берегу Маклая. Не случайно в Сиднее появился некий Ромилли. Разыскав Маклая, он просит его дать сведения о Береге Маклая и разрешение называть себя папуасам братом «тамо-руса»! Бравый капитан «Василиска» Морсби, который занимался розысками Маклая, немало, выходит, содействовал тому, чтобы на открытые им берега Новой Гвинеи устремились торговцы и искатели золота. Что теперь делать Маклаю? Молчать он не может. И он пишет сэру Артуру Гордону, верховному комиссару Британии на западе Тихого океана.

«Считая истребление темных рас на островах Тихого океана не только несправедливую жестокостью, но и непростительным промахом в политико-экономическом отношении, я счел своим долгом изложить некоторые соображения...» – так начиналось это письмо.

Маклай писал об историческом праве туземцев на землю, которую они обрабатывают, о неизбежном зле от алкоголя, ружей, которые будут ввезены европейцами в новые колонии, о болезнях, которыми наградят белые папуасов. Маклай смело и гневно приводил примеры развращения и угнетения туземцев. А примеры эти бесчисленны. В Микронезии междоусобные войны вспыхивают сразу после того, как какой-нибудь шкипер продаст ружья туземцам и расхвалит свой товар. В Северной Австралии поселенцы устраивают настоящие охоты на австралийцев, убивая их сотнями. Капитаны кораблей делают карательные набеги на острова Океании. И всюду пришлые хищники приносят с собой смерть, голод, разорение.

«Не могу, однако же, удержаться от пессимистического замечания, что справедливость моих доводов, пожалуй, окажется важной причиной к тому, что мое письмо останется без желаемых последствий...» – заканчивал Маклай свое послание к сэру Гордону.

Тяжело жить на чужбине, сознавать, что все протесты против насилий над племенами островитян остаются гласом вопиющего в океане. Но Маклай не сдастся так просто и

скоро. Он и впредь будет подавать голос в защиту темнокожих людей. Маклай составляет новую записку и озаглавливает ее: «Похищение людей и рабство в пределах Западного Тихого океана».

Пусть ворчат ученые педанты о том, что Маклай снова вторгается в чуждую для него область, а Отто Финш упрекает Маклая в научном непостоянстве, метаниях от одной темы к другой, недостатке терпения при окончательной обработке материалов.

МАКЛАЙ ЕДЕТ НА РОДИНУ

Снова Сидней и снова неустанная работа, бессонница, хлопоты в бухте Уотсон-Бей, где открыта морская биологическая станция.

Опять новый удар судьбы: умер шкипер Веббер, который должен был привезти в Сидней научные грузы последней экспедиции Маклая. Шкипер умер в море. Тело его зашили в парусиновый мешок и опустили за борт. Шхуна пошла прямо в Сан-Франциско. Пропали труды целого года. Фирма «Дюммлер и Ко» шлет Маклаю с Явы письма об уплате долга. Денег нет, не на что жить и издавать описание путешествий, не на что перевезти коллекции из Сингапура.

Маклай ходит, сжимая виски, по комнате коттеджа. Августовская ночь смотрит в окно. Океанский город шумит, сверкая огнями. Шелестят плодовые сады Параматты, в аллеях слышится веселый смех.

Но никто не знает того, что сегодня в солнечном Сиднее замыслено убийство двух тысяч людей. Начальник военного флота Австралии коммодор Вильсон отдал приказ приготовить к выходу корвет «Вульверин». Вильсон под флагом королевы поведет корвет к берегу Новой Гвинеи. Там, в деревне Кало, папуасы убили миссионеров. Коммодор Вильсон хочет строго наказать чернокожих негодяев. Он предложит выдать убийц, а в случае, если не найдет виновных, сожжет всю деревню. Маклай был в Кало в 1879 году, он знает поселян как мирных людей. Очевидно, хороши были миссионеры, если люди Кало пошли на убийство не только священников, но и их семей... И Маклай собирается в путь. Он едет вместе с Вильсоном на корабле, на котором все – пушки, матросы – приготовлено к уничтожению людей.

В каюте Вильсона «тамо-рус» горячо убеждает диктатора океана не трогать всех жителей деревни. Вильсон дал слово солдата быть справедливым. По приезде оказалось, что жители Кало были ни при чем: убийство миссионеров было делом рук одного лишь начальника деревни Квайпо. Вильсон сдержал слово: казнен был один Квайпо, и деревня Кало осветилась только одним высоким костром – пылающей хижиной убийцы.

За время этой пятой по счету поездки Маклая в Новую Гвинею он посетил несколько южных деревень и вывез оттуда новые материалы. А самое главное – он спас жизнь двум тысячам темнокожих людей. После этой поездки Маклай записал в своей тетради:

«...за миссионерами непосредственно следуют торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодеяния цивилизации едва ли уравновешиваются уменьем читать, писать и петь псалмы...»

Наступал 1882 год. Неожиданно для Маклая в Австралию пришла русская эскадра. В Мельбурне развевались флаги кораблей «Вестник», «Пластун» и «Африка». Это был отряд контр-адмирала Асланбегова, завершающий двухлетний поход в океанах.

Одиннадцать лет не слышал русской речи Маклай. Корабли родины стоят в Гобсон-Бей напротив Мельбурна, русские матросы ходят по набережным столицы Виктории, в садах у реки Ярра-Ярра. На клипере «Вестник» Маклай – дорогой гость. Чем-то его встретит Россия? На «Вестнике» Маклай прибыл в Сингапур. Отсюда когда-то начинались пути его странствий по Малакке, здесь он лежал в лихорадке.

Переходя с одного корабля на другой – то на крейсер «Азия», то на броненосное судно «Петр Великий», – Маклай плыл к берегам России. В сентябре он увидел первый русский маяк.

Через месяц он выступил перед членами Русского географического общества с докладом о своих странствиях. В переполненном зале сидели бывалые люди, которых нельзя было, в сущности, ничем удивить. Во имя русской науки многие из них исходили пустыни, шли под пулями кокандцев по джунглям Сырдарьи, поднимались на заоблачные вершины, плыли в полярных льдах. Среда этих людей дала России Северцова, героя пустынь и азиатских вершин, Федченко, открывшего высочайшие вершины страны и погибшего в сверкающих обвалах вечного снега, Певцова, прошедшего по раскаленному щиту пустыни Гоби, Потанина, прославившегося походами в Центральную Азию, Пржевальского, совершавшего походы в Монголию и страну тангутов.

Председательствовавший на этом собрании общества П. П. Семенов был первым, кто проник в Небесные горы и стал за это позже Семеновым-Тянь-Шанским. Историческое заседание это происходило 1 октября 1882 года.

П. П. Семенов с ласковым одобрением смотрел на Маклая, который, как всегда, чувствовал себя неловко в большом обществе. Маклай начал тихим и неровным голосом рассказывать историю своих великих странствий. Просто и скромно, без всякой рисовки, он объяснял, почему так трудно было ему писать научные работы за все эти двенадцать лет.

Маклай приводил примеры. На Малакке он проходил пешком 176 дней, во время плавания по Меланезии он из 409 дней странствий 172 провел в море, а 237 дней – на берегах, среди людоедов. Все могут убедиться в том, что условия для научной, кабинетной работы были малоблагоприятными.

А болезни... Госпиталь в Амбоине, семь месяцев, проведенных в постели в Сингапуре, лихорадка на острове Четверга, новогвинейская малярия... В 1878 году болезнь так вымотала Маклая, что он потерял в весе 54 фунта и весил всего 93 фунта...

Маклай рассказывал мужам науки о всех своих двенадцатилетних походах, о днях, проведенных в хижине на Берегу Маклая, о папуасах, о людях Океании, сделавшихся жертвами рабства.

Все собрание с невольным уважением смотрело на героя русской науки, ученого без диплома, добровольца великой идеи. П. П. Семенов тут же заявил, что Географическое общество будет добиваться издания трудов Маклая. Но общество и на этот раз не дало никаких средств, хотя Маклай и просил о том, чтобы ему достали деньги на уплату долгов яванским банкирам.

Маклай поехал из Петербурга в тихую, занесенную снегами Москву. Там он, как и в Петербурге, выступал с лекциями о своих скитаниях. Общество любителей естествознания, антропологии и географии попросило его прочесть доклад и присудило Маклаю золотую медаль. Художник Маковский нарисовал прекрасный портрет «таморуса».

Так начиналась слава на родине, но лучше бы уж ее не было! Маклай ютился в темных номерах плохих гостиниц. Слушая стук бильярдных шаров, доносившийся из трактирных зал, он развертывал газеты. Журналисты строчили черт знает что – дешевые сенсации о людоедах, о папуасском короле Миклухо-Маклае, о том, что он нашел на Новой Гвинее золото и скрыл эту Колхиду, стараясь завладеть золотом один. На лекциях ему подавали записки – спрашивали, каково на вкус человеческое мясо.

Пусть об этом спрашивают лучше у комиссара Новой Каледонии!

Что делать теперь ему? Двенадцать лет жизни ушло на скитания в чужих краях, подорвавшие его здоровье. Что делать дальше? Ведь для того, чтобы разобрать сингапурские и сиднейские материалы, надо на два года отдать себя только одному этому делу. Географическое общество поддерживает издание его работ и даже настаивает на том, чтобы они были выпущены в 1885 году. Но вот выдержка из постановления Совета общества: «...К сожалению, Императорское русское географическое общество поставлено в полную невозможность оказать ему необходимую помощь как по недостатку собственных средств, так и потому, что предметы исследований М.-Маклая не входят непосредственно в круг деятельности Географического общества, точно определенный уставом и ограниченный лишь изучением отечества и стран сопредельных...»

Так кто же должен поддержать Маклая?

Наконец сам Александр III, склонив бычью выю, стал раздумывать о том, помочь или нет Маклаю. Самодержец милостиво пообещал обществу взять на свой личный, государев, счет издание работ Маклая. Но дальше обещания дело не двинулось.

Маклай был сильно озабочен судьбой своих друзей, оставленных им на Берегу Маклая. Он видел, как хорошо были снаряжены экспедиции Отто Финша. Германия видела всю выгоду от будущих владений в Океании и не жалела сил для осуществления своей

мечты. Нищий, предоставленный самому себе Маклай все же решил бороться до конца против колонизаторских планов прусских юнкеров и гамбургских торговых домов. Он хотел видеть Александра III лично, рассказать ему о всей сложности обстановки, которая сложилась на Тихом океане. Он обращался к князю Оболенскому, гофмаршалу царя, просил назначить срок аудиенции у самодержца, но гофмаршал отклонил просьбу Маклая. Тогда он написал письмо Победоносцеву, всесильному царедворцу, интересовавшемуся вопросами мореходства и жизнью океанских стран. Царь принял Маклая, но это свидание не уменьшило тревог ученого за судьбы папуасского народа.

Декабрь, синий лед на Неве, мороз, снег... Маклай не смог даже съездить к матери и брату под Киев. Старший брат, мировой судья, сам приехал к Маклаю в Петербург. После свидания с братом Миклухо вновь пустился в путь.

Он заехал к Рудольфу Вирхову в Берлин. Великий врачеватель приветливо встретил Маклая. Вирхову шел седьмой десяток, но он был бодр и крепок. Неумоимость Вирхова удивляла его близких – он мог работать по четверо суток без сна. Патолог, антрополог, гигиенист, Вирхов расспрашивал Маклая о его работах. Немецкий ученый был уже знаком с итогами исследований храброго русского на островах Меланезии; он пригласил Маклая сделать доклад о гончарной промышленности папуасов. От Вирхова Маклай услышал скорбную весть о смерти Дарвина и узнал, что Эрнст Геккель путешествует по джунглям Индии. В зале заседаний Антропологического общества Маклай столкнулся лицом к лицу с Отто Финшем! Отто Финш совсем не зря явился в бисмарковскую Германию после четырехлетнего пребывания в Океании.

Как человек проникательный, Маклай прекрасно понимал, что появление Финша в Берлине вызвано какими-то срочными обстоятельствами. Так оно и было. В Берлине орнитолог собирал экспедицию для захвата Меланезии и Новой Гвинеи. Богатый капиталист Ганземан щедро отпускал средства на экспедицию, и орнитолог был погружен в расчеты, сколько нанять людей, где достать экспедиционное судно, и прикидывал, какими именами назвать будущие земли.

Как душно в большом зале Берлинского антропологического общества! В научных обществах Берлина все чаще стали появляться неведомые до этого люди с громкими голосами, с отличной выправкой, которые носят сюртук, как военный мундир. Вот Густав Нахтигаль, президент Берлинского географического общества, врач и лучший знаток Африки, первое светило в созвездии Африканского общества Германии. Кто эти господа с наружностью обер-лейтенантов, хвастающие, что они служили в неведомой «готтентотской инфантерии»?

Отто Финш знает их всех. Все они как бы проходят перед Маклаем. Это доктор Карл Петерс – мечтатель и творец солнечного африканского мифа. А это филолог, поэт и последователь Ницше, тончайший мистик – Ф. Ланге. Только что вернулся из Австралии журналист Гуго Целлер (Маклай встречался с ним в научном обществе Сиднея). Мечта жителя Целлера – поднять германский флаг «Черного орла» над Африкой. Капитан Дальман открыл землю Вильгельма в Антарктике, сейчас торопится в Сибирь. Гейзелер – командир канонерской лодки «Гиена», рейдера в Тихом океане. Директор Океанской компании капитан Боденгаузен... Евангелический богослов и публицист Фридрих Фабри – поборник колониальной идеи.

Какой-то прилизанный пруссак со свинцовыми глазами жмет руку Маклаю и, представляясь, поясняет: он пишет большую монографию о каннибализме, ему нужно знать некоторые детали в технике свежевания трупов. Господин Маклай, вероятно, не откажет в просвещенном совете автору. Автор – новатор. Он создал теорию пожирания дикарями в первую очередь лишь представителей просвещенных племен.

Отто Финш говорит, что Маклая хочет видеть сам «железный канцлер». Не будем повторять дешевых анекдотов о том, как будто бы ответил Маклай на приглашение Бисмарка. Важно то, что такое приглашение действительно было. Наверное, это была попытка привлечь Маклая на свою сторону или выманить у него драгоценные сведения о Новой Гвинее, что уже и делал знаток попугаев Отто Финш. Но он-то во многом преуспел... объявляя себя чуть ли не учеником Маклая. Отто Финш для достижения своих низменных целей не постеснялся, выведав у Маклая все, что ему было нужно, воспользоваться чужим великим трудом, чужим гениальным опытом. А коллега Финша, ботаник Фердинанд Мюллер, просто присвоил одно из открытий Маклая.

Маклай привез из Океании плоды и листья найденного им растения апис. Туземцы рассказали нашему путешественнику, что если соком аписа покрывать стенки сосудов, то они несколько лет подряд совершенно не будут пропускать воды. Маклай решил сделать опыт. Он пропитал этим соком ботинки, и они сделались непромокаемыми. Фердинанд фон Мюллер, правительственный ботаник Виктории и директор ботанического музея в Мельбурне, ухватился за открытие Маклая. Мюллер взял себе образцы листьев и плодов аписа будто бы для анализа и вскоре заявил, что они по какой-то случайности затерялись. Мюллер пошел на неприкрытую кражу... Он понимал, какое военное значение имело открытие Маклая и что дом Годафруа хорошо оплатит открытие нового каучуконоса.

Из Берлина Маклай выехал в Париж.

В Париже он пришел к Тургеневу, в дом пятьдесят по Rue de Donai.

Маклай просил больного писателя достать через своих знакомых брошюры, написанные борцами Парижской коммуны об их страшной жизни в Новой Каледонии. В то время многие из коммунаров вернулись во Францию.

Сохранилось письмо Тургенева к Петру Лаврову с упоминанием об этом посещении Маклая. В 1882 году Лавров, изгнанный французским правительством из Парижа, тайно возвратился туда и жил под фамилией Кранца. По просьбе автора «Отцов и детей» Лавров раздобыл для Маклая летопись страданий узников полуострова Дюкос. Из Парижа наш странник проехал в Шотландию для свидания с каким-то своим старым другом. Кто был этот друг – осталось неизвестным...

В дальнейшем мы опять видим Маклая в Океании. Его ждали в Сиднее, куда он обещал вернуться в марте 1883 года. Но сиднейцы не дождались путешественника к этому сроку. Он был в других местах.

«МАКЛАЙ ВЕРНЕТСЯ!»

Когда Маклай на паровом корабле достиг Батавии, он в волнении ходил по палубе и смотрел на очертания стройного военного корабля, стоявшего на рейде. Было уже поздно. В Батавии зажигались огни. Огни засветились и на корабле, так привлекавшем внимание Маклая. Сомнений не было – это был русский корвет.

Маклай попросил у капитана почтового парохода шлюпку. По темным медленным волнам рейда он поплыл к борту корвета и скоро мог уже различить его название – «Скобелев».

Он поднялся по трапу и узнал у вахтенного офицера, что на борту корабля находится контр-адмирал Копытов. Корвет везет адмирала во Владивосток. Копытов уже собрался было лечь спать, но Маклай умел быть настойчивым и добиваться немедленного приема. Через несколько минут он сидел в каюте адмирала.

Наутро командир корвета получил приказ от адмирала зайти на Берег Маклая. «Тамо-рус» стал устраиваться на корабле. Его не смущало то, что на «Скобелеве» не было каюты. Боцман корабля раздобыл брезент, куски корабельной парусины, и матросы ловко и быстро соорудили из всего этого каюту на палубе. В брезентовое жильё принесли стол, поставили койку. Маклай был доволен новым жильём. Можно теперь дышать чистым морским воздухом, смотреть по ночам на звезды, видеть, как за правой вантой мерцает Южный Крест. Сидя в кресле, Маклай разбирал свои заметки, рисунки, работал под брезентовой кровлей, как он мог работать всегда и всюду. Прибавились и хозяйственные заботы: на Макасаре, на целебеских рынках и в торговом квартале Амбоина наш путник ходил с боцманом «Скобелева» за покупками.

Маклай упросил Копытова купить подарки папуасам. На корабль сносили свертки красной китайки, зеркальца, бусы, топоры, длинные малайские ножи. Маклай сам закупил мешочки с семенами полезных растений. Он любовно разбирал и рассматривал их в своей каюте. Надо сделать так, чтобы всюду – и в Горенду, у хижины Туя, и на острове Витязь, во владениях Каина, – росли не только тыквы, но и кофейное дерево, манго, новые виды хлебного дерева, апельсины и лимоны, ананасы. Хорошо бы научить папуасов обсаживать плантации яванским кустарником с багряной листвой – такого кустарника боятся дикие свиньи.

Маклай приучит папуасов к разведению скота. Матросы «Скобелева» уже гонят к кораблю целое стадо, закупленное в амбоинских деревнях, – горбатого бычка зебу с двумя коровами, бородатого козла и пугливых коз. Как-то приживутся они в Новой Гвинее?

В эту свою поездку Маклай был особенно задумчив, грустен и сосредоточен. 16 марта 1883 года, опершись на релинги палубы, Маклай смотрел на знакомые зеленые берега Новой Гвинеи. К зелени и лазури примешивались дым и желтоватое зарево, отражавшееся в воде: это остров Вулкан выбрасывал горячую лаву. А вот и пролив Изумруд, и остров Каркар, и цветущие берега Архипелага Довольных Людей, где странствовали они с Каином...

Через день «Скобелев» бросил якорь в порту Константин, но Маклай медлил с отправлением в Бонгу, переживая очередной приступ тропической лихорадки.

18 марта Маклай, Копытов и офицеры корабля пошли в Бонгу. Папуасы окружили Маклая. С бьющимся сердцем он обходил зеленые пустыри, заросшие густой травой. Что случилось с Бонгу? Цветущая когда-то деревня обращена в погост; многих хижин нет, на развалинах шелестит дикий кустарник. Не слышно смеха детей, пеня молодых женщин. В Бонгу остались одни старики. Вся молодежь ушла в леса, в глубину лесов уведены женщины и дети. Папуасы одеты в лохмотья, на них нет уже тех украшений, в которых они ходили раньше. Старый друг Саул идет плечо к плечу с «тамо-русом» и без умолку рассказывает новости этих лет. А новостей много. Не зря папуасы, по совету Маклая, поселили женщин и детей подальше от берега. Как только «тамо-рус» покинул в прошлый раз берег, его чернокожие друзья были встревожены появлением белых людей. Белые искали всюду золото и, объясняясь знаками с папуасами, допытывались, что делал здесь Маклай. Люди из Мельбурна были убеждены, что Маклай скрыл здесь золотые россыпи. Стуча прикладами ружей, они сидели на террасе дома Маклая и

поглядывали на висячий замок – нельзя ли его открыть? Но лишь только один из золотоискателей взялся за запор, папуасы кинулись к пришельцам и заставили их покинуть дом Маклая. И золотоискатели ушли, удивляясь верности дикарей и тому порядку, в котором они поддерживали цветущий сад у дома «человека с Луны». Злых людей папуасы вежливо заставили убраться – так будет со всеми, не знающими великого «Знака Маклая».

Саул без умолку говорил, оглядываясь на русских людей. А где же старый приятель, верный Туй? Саул ответил, что Туя уже нет в живых. Когда он умер, его труп посадили на корточки, оплели пальмовыми листьями и три недели жгли костер около этого пальмового саркофага. Могилы Туя нет. Может быть, в хижине сына Туя, красивого и стройного Бонема, по обычаю, сохранилась только нижняя челюсть старика – все, что осталось от Туя.

Из старых приятелей нашлись горбоносый и бородатый Каин, Марамай с кольцом в носу и кабаньими клыками на груди, Гассан, с которыми когда-то «тамо-рус» исследовал Архипелаг Довольных Людей.

В том месте, где когда-то звучали исполинские эоловы арфы и желтели дорожки плантаций возле дома из сингапурских бревен, теперь торчали только остатки свай. Зато в гуще дикого леса, обитатели черного какаду, виднелись верхушки кокосовых пальм, банановых и дынных деревьев, посаженных когда-то Маклаем. Он поразился такому буйному плодородию.

С корабля пришла ватага веселых матросов с заступами. С песнями и шутками сыны русских деревень расчищали площадку, заросшую густыми кустами. Папуасы помогали матросам выдергивать деревца, разрыхлять благодатную землю. Маклай, два матроса и амбоинец Ян, слуга Маклая, начали садить деревца, бросать в землю Новой Гвинеи семена из Амбоина. Папуасы носили воду в бамбуках, поливая плантацию. Кофейные зерна Маклай велел Саулу унести в горные деревни, где они могли взойти лучше.

В Бонгу стучали топоры – матросы возводили там загон для скота. Маклай в раздумье пошел по лесной тропе в Горенду, но жалкий вид двух пустых хижин, развалин, пустырей настолько расстроил его, что он, не оборачиваясь, вернулся на корабль. После полуденного завтрака он снова пришел в Бонгу. В дневнике своем Маклай в этот день записал, что он никогда раньше не чувствовал такой любви к этим местам, какая проснулась в нем сейчас. Он считал каждое дерево близким, каждого жителя Бонгу старым другом.

С расширенными глазами, с печальной улыбкой на бледном лице Маклай сидел у жалких хижин папуасов. Старики, припадая курчавыми головами к плечу своего друга, плакали и перечисляли людей Берега Маклая, умерших за годы разлуки с «тамо-русом». Они опять просили Маклая остаться здесь навсегда.

Остаток этого дня прошел в веселой возне матросов, привезших с корвета бычка, коров и коз. При виде бычка, мотавшего рогатой головой, бедные папуасы ринулись на деревья, некоторые стали искать спасения в море. Горбатый бычок бунтовал весь день, а к вечеру вырвался вместе с коровой из-за загородки и убежал в лес. Солнце уже село, когда Маклай прекратил вместе с матросами поиски рогатого беглеца, – бычок исчез в густых зарослях, уведя свою подружку... Расстроенный неудачей, Маклай ушел на корабль.

На рассвете «Скобелев» поднял якорь и пошел к острову Витязь пенным синим проливом. «Тамо-рус» помогал мореходам проводить корабль по коралловым глубинам. Каин, Марамай, Гассан сопровождали Маклая в качестве лоцманов и переводчиков. Правда, они боялись корвета, и Гассан даже кинулся в море с палубы. Но Каина и Марамая удалось удержать ласковым словом и подарками – табаком и гвоздями. Обогнув остров Витязь, корабль пошел к острову Сегу. Когда «Скобелев» был на траверзе острова Голубей, Марамай и Каин показали Маклаю стройные пальмы, отражавшиеся в воде пролива. Это были деревья, посаженные когда-то «лунным человеком». Показывая на пальмы, Марамай и Каин повторяли слова: «Остров Маклая», «Кокосы Маклая». Он задумчиво смотрел на остров, где некогда собирался построить себе хижину. Может быть, он еще будет жить здесь – в самом сердце Архипелага Довольных Людей.

Каин стал доказывать Маклаю, что к острову Сегу можно пройти прямо узким, но глубоким проливом у острова Григера. Но адмирал из осторожности не согласился с

Каином, и «Скобелев», дымя, медленно продвигался вдоль зеленой цепи архипелага.

Русские гидрографы сразу же начали делать промеры у западного берега Сегу. Перед ними был синий огромный залив порта Алексей, открытый Маклаем.

Между тем Каин и Марамай позорно сбежали с корабля и скрылись неизвестно куда. Без них съемка порта Алексей затруднялась. Тогда Маклай вызвал рулевого матроса и велел ему поймать одного из папуасов, проплывавших на пироге по заливу. Пленник отчаянно барахтался в руках дюжего матроса, но на корвете присмирел и успокоился при виде подарков Маклая. Простые русские матросы, добродушно посмеиваясь над «пленником», одаряли его, чем могли, и папуас из Сегу окончательно растаял.

Вернувшись на корабль, Маклай взял с собой «пленника» и вместе с ним побрел в деревню Сегу. Там он никого не застал. В одной из хижин Маклай нашел два щита, сосуды хорошей работы и скульптуру. И хоть соблазн был велик, Маклай не взял чужого.

«Пленник» стоял около шлюпки и зачарованно глядел на белых людей, которые никого не грабят и не убивают. Он высказал желание вернуться обратно в матросский кубрик, где с ним успели подружиться два приставленных к нему матроса.

На обратном пути команда катера увидела несколько пирог с папуасами. В пирогах, как оказалось, сидели беглецы с острова Сегу, покинувшие село при появлении белых людей. Маклай остановил беглецов, роздал им бусы, коленкор и табак и попросил к утру привезти ему на корвет кокосы. Папуасы понятливо закивали головами. Когда стемнело, Маклай с палубы корвета увидел, как в деревне Сегу вспыхнул одинокий, робкий огонек. Вслед за ним засветились второй и третий, и скоро вся деревня расцвела ночными огнями. Люди острова снова возвратились под свой кров. Маклай, улыбаясь, направился в парусиновую каюту.

Он крепко проспал до рассвета. Утреннее солнце застало «тамо-руса» уже в островной деревне. Люди Сегу вышли к нему навстречу. Впереди, смущенно теребя бороду, шагал сбежавший с корабля Каин. Он жал руку Маклаю и объяснял причины бегства: он боялся стука корабельной машины. Но теперь он не покинет Маклая. Этого только и надо было «тамо-русу». Сейчас они отправятся в дальнее село Бомбасси, где им не удалось побывать в прошлые годы.

Начался последний поход Маклая по его стране. Каин бросился к маленькой пироге, усадил в нее Маклая и Яна, взятого Маклаем в Амбоине. Втроем они поплыли по реке цветущих лиан Аю, между зарослей дикого бананника. Пирога проскользнула по светлomu притоку Маус в лесное озеро Аю-Тенгай. К озеру спускалась тропинка, путники пошли по ней и через полтора часа шествия по лесу, наполненному криками разноцветных орд попугаев, пришли в Бомбасси.

Маклай спросил, можно ли добыть в Бомбасси несколько черепов, но Каин разочаровал своего друга – каннибалы здешних мест обычно варят мозг с черепом, а потом выбрасывают череп в воду.

Туземцы сначала было бросились в бегство при виде белого человека и важно выступающего Каина, но, как всегда, не много надо было для дружбы простых сердец – гвозди, табак, полосы кумача. Гостей стали кормить вареным таро, поданным в больших табирах. «Тамо-рус» захотел выяснить: нет ли здесь обычая держать человеческое мясо в особых табирах. Маклая интересовал вопрос: не превращено ли здесь людоедство в культ? Но хозяева хижины любезно объяснили, что человечина, если она есть, подается в самых обычных посудилах и варится в тех же горшках для таро... Распрощавшись с папуасскими хлебосолами, гости двинулись в обратный путь. Солидный Каин и молодой амбоинец Ян тащили большой лук, резные стрелы и копьё. Ими Маклай пополнял коллекцию папуасского оружия.

Погруженный в свои мысли о будущей жизни здесь, Маклай на обратном пути с особым вниманием рассматривал цветущие плантации папуасов, восхищаясь плодородием новогвинейской почвы.

Едва Маклай поднялся по трапу «Скобелева», как на море надвинулась огромная туча. Сильный ливень пролился на благодатную землю, и до корабля долетело благоуханье вздохнувших лесов. Маклай зашел в каюту к адмиралу. Стали говорить о затянувшейся

съемке. Маклай настаивал – надо завершить съемку всего порта, сделать промеры всюду. Копытов говорил, что сделанных съемок хватит, достаточно того, что нашли великолепную якорную стоянку возле Сегу. «Тамо-рус» пожал плечами и ушел в свою брезентовую каюту. Стремительные струи ливня стекали по холщовым стенам. Шум дождя не смолкал до полуночи. Маклай долго сидел, загородив от ветра и влетающих в каюту прохладных капель свечу.

Маклай достал из походного баула свои бумаги и вынул из них длинный листок, исписанный крупным и высоким почерком без нажимов. Это было письмо Льва Толстого. Великий человек лукаво и мудро искушал Маклая. Он, Лев Толстой, прекрасно понял гениальную хитрость простого русского человека. Яснополянский отшельник думал, что Маклай всю научную деятельность на Новой Гвинее избрал лишь предлогом для своего изумительного подвига.

«Мне Ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том, и насилующие и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей, не только между людоедами и нехристианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений) является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый, отживший humbug – вид, от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумом. Вот это-то меня в Вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю Вас видеть и войти в общение с Вами.

Мне хочется Вам сказать следующее: если Ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции Ваши и все научные наблюдения ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое Вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом... Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой Вы служите, составят Ваши коллекции и открытия, но Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, – в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На Вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений к людям...»

Маклай в раздумье отложил письмо. Великий человек ошибается. Маклай посвятил жизнь науке и во имя ее сделал многое. Наука – его оружие. Этим оружием он борется и за то, чтобы мир признал папуасов равными всем другим людям. Он никогда не оставит, не бросит этих людей на произвол судьбы, и ради них он пойдет на все. Он разведет на Берегу Маклая благоуханные сады, приучит папуасов к плугу, книге... Он изучит, как никто, эту страну – людей, растения, животных, птиц – и расскажет в больших книгах о рождении счастливой страны в лазоревом океане.

...Маклай проснулся до восхода солнца, умылся и поднялся на капитанский мостик. Свежий утренний ветер шелестел листьями альбома – «тамо-рус» зарисовывал синие горы Мана-Боро-Боро и звенья Архипелага Довольных Людей.

...22 марта 1883 года вместе с Каином Маклай пошел к жителям Сегу. Здесь Каин перевел речь «лунного человека» островитянам.

Великий друг чернокожих спрашивал папуасов: дадут ли они ему остров Мегаспена, зеленый клочок земли в заливе, для постройки хижины? Люди Сегу не только согласились отдать остров Маклаю, но и обрадовались тому, что «тамо-рус» будет жить с ними.

Через день «Скобелев» выбрал якорь и, оставляя высокую волну в кильватере, пошел проливом Изумруд от берегов Новой Гвинеи...

ЛАЗУРНАЯ СТРАНА

В пору светлых летних ливней Маклай возвратился в Сидней. И снова Маклай стоит у пепелища... Коттедж в парке выставки сгорел. В огне погибла часть многолетних трудов Маклая, в том числе и препарированный мозг темнокожих людей. Хорошо, что еще не все коллекции хранились в коттедже: все наиболее ценное лежало на правительственном складе.

Вернувшись в Австралию, орнитолог Отто Финш не упускал случая посетить биологическую станцию, где работал Маклай. Немец часто заглядывал сюда, он знал все о работах великого русского странствователя, вплоть до подробного содержания его коллекций.

Орнитолог писал, что Маклай поселился в Уотсон-Бей одиноко и очень неустроенно. Жил в деревянном доме, где никого, кроме него, не было. Здесь даже нельзя было приготовить завтрак, вскипятить чай. Комната Маклая была заполнена банками со спиртом, в сосудах лежали человеческий мозг, мелкие животные, разные другие препараты. Попастъ сюда из Сиднея можно было только утром, с пригородным паромом, а уехать вечером.

Отшельник Уотсон-Бей имел под боком у себя соседей. На берегу бухты, в поместье Клобелли, жил государственный деятель Нового Южного Уэльса – сэр Робертсон с пятью дочерьми. Одна из них, Маргарита, молодая вдова, сделалась впоследствии избранницей Маклая.

В своем убежище на берегу Уотсон-Бей «тамо-рус» тревожился за судьбу своих чернокожих друзей. Еще в апреле 1883 года Честер, тот самый английский администратор с острова Четверга, в доме которого русский путешественник лежал чуть не при смерти, получил срочный пакет от премьер-министра Квинсленда. Пробежав бумагу из Брисбена, Честер немедленно помчался в Порт-Морсби и поднял флаг королевы над землей Южной Новой Гвинеи.

В то же приблизительно время Отто Финш в Берлине снаряжал свою экспедицию за счет Ганземана. Финш купил в Сиднее небольшой корабль «София Анн». Сиднейские маляры спешно замазывали бортовую и кормовую надписи на судне и выводили новое слово: «Самоа» – в честь уже занятых Германией островов в Океании. Носились слухи о какой-то будущей германской торговой «Компании Астралейб». Это уже непосредственно угрожало покою Каина, Саула и других многочисленных друзей Маклая.

Китобойный капитан Эдуард Дальман, исследователь Антарктики, пропадал целыми днями в порту и корабельных мастерских. Пятнадцать немецких моряков ходили за ним сзади, заломив набок шляпы и дымя сигарами. Прибыл из Берлина и Отто Финш. В воздухе пахло грозой.

Мечта о новой стране на коралловом берегу вспыхнула в мозгу Маклая с новой силой. Ни женитьба на Маргарите Робертсон, ни рождение первенца не отвлекли Маклая от его замыслов. На тридцать восьмом году жизни, полной лишений и опасностей, жизни бездомной и бесприютной, у него есть наконец близкие люди, семья, свой кров. Всем этим он крепко дорожит, но долг семьянина не мешает ему достигнуть цели, к которой шел он всю жизнь.

Голубую прекрасную страну, которую он открыл, надо заселить людьми, которым дороги его дело и мысли. «Знак Маклая» нельзя доверить людям, которые не стоят этого. Но как это сделать? Ни Квинсленд, ни Новый Южный Уэльс, ни господин губернатор Нидерландской Индии, ни «железный канцлер» в Берлине не позволят Маклаю заселить его берег. А русское правительство? Еще не известно, как посмотрит оно на своевольство Маклая.

Осунувшийся, постаревший Маклай пишет доклад великому князю Алексею Александровичу. Он просит о том, чтобы Россия признала независимость Берега Маклая и право папуасов на самостоятельную жизнь.

Но напрасно Маклай писал о выгодах устройства станции русских кораблей в прекрасном порту Алексей близ Архипелага Довольных Людей, об удобстве порта

Константин напротив Бонгу – сановники царской России ответили молчанием.

Напрасно Маклай писал о том, как Германия и другие страны кидаются на новые земли в Океании. Осенью 1884 года Отто Финш, переделав и переокрасив купленный кораблик, вместе с китобоем Дальманом вышел из Сиднея в Меланезию. Заранее все знавший, Отто Финш стал ждать приказа из Берлина, куда ему идти. Приказ был краток и выразителен – отыскивать гавани на острове Новой Британии и северном берегу Новой Гвинеи, «приобретать» как можно больше земель у туземцев. Скоро германский крейсер показался близ Архипелага Довольных Людей. Немецкие лейтенанты бродили по открытому Маклаем порту и давали свои названия мысам и бухтам, по которым всего каких-нибудь полгода назад ходили «тамо-рус», Каин и русские моряки!

Финш побывал в Бонгу, видел посаженные Маклаем растения, узнал, что бычок зебу вместе с коровой живы и невредимы и папуасы уже привыкли к страшной «рогатой свинье». Финш слышал здесь великое имя Маклая всюду. Папуасы, показывая топор, говорили по-русски: «Топор Маклай». Арбузы, тыквы, другие плоды они обозначали русскими словами, прибавляя к ним имя русского друга.

Папуасы твердо верили в то, что Маклай вернется. Они пытались объяснить это этим двум десяткам чужих, незнакомых людей, пришедших сюда без «Знака Маклая». Ганноверские моряки громко хохотали над этой великой верой чернокожих людей. Осенью 1884 года Отто Финш поднял германский флаг над Берегом Маклая. Немецкие гидрографы наносили на карты свои названия. Финш дал захваченной папуасской области имя Земли императора Вильгельма. В немецкой географии на месте островов Меланезии появились вдруг архипелаг Бисмарка, Новый Мекленбург, Новая Померания. Всюду, где бродил Маклай, безоружный, смелый и простой, собирая свои жемчужины, – прошел Отто Финш с отрядом немцев, под прикрытием пушек германского крейсера. Финш выполнял часть общей программы кайзеровской Германии.

Был ли известен Отто Финшу «Знак Маклая»? При всем своем величии Маклай часто бывал простодушен, как ребенок. Он никогда не лгал, ничего не скрывал и охотно раздавал всем сокровища своей работы. Поэтому-то и росли записи Отто Финша, собирателя чужих жемчужин. Финш знал, что нищий, больной Маклай богат, как никто. И Финш бесстыдно пользовался плодами великого труда друга папуасов. У Маклая не было ни средств, ни времени для издания своих исследований. А Фитин торопился. Он знал, что останется безнаказанным, и выпустил одну за другой пухлые, прилизанные монографии. На Берег Маклая он шел как в свою гамбургскую квартиру. В одной из своих книг Отто Финш сознался, что он выдавал себя перед папуасами за «брата Маклая».

Он выпытал у Маклая все, что мог, зная, что тот не может равнодушно говорить о науке.

И вот... Нет Берега Маклая, нет Архипелага Довольных Людей. Есть один Невольничий берег, есть гавань принца Генриха, есть залив Гатцфельдтафен – место будущего поселения Новогвинейской компании, названное так в честь Гатцфельдта, прожженного имперского дипломата и гессенского графа.

На Берегу Маклая есть пролив Дальмана. Торжествующий Финш набрасывал план постройки первой станции Компании Повой Гвинеи. Нанеся на карту черный кружок, он не постеснялся вывести рядом с ним название: «Порт Финш».

В тот же год немцы вошли в Африку, заняв устье Нигера. В декабре 1884 года Бисмарк заявил Англии, что такая-то часть Новой Гвинеи находится под протекторатом Германии, и британцы согласились на определение границы на Новой Гвинее. Весть о немецком флаге на лазурном берегу убила Маклая.

«Тамо-рус» в последние годы сиднейской жизни работал над новыми видами млекопитающих, разбирал материалы прежних поездок. Но одна мысль неустанно угнетала его. Он часто повторял индийскую поговорку: «Всего вернее на свете слово честного человека...» Маклай, верный друг папуасов, чувствовал себя виноватым перед ними. Он обещал вернуться к ним, а между тем в последнюю поездку на Берег Маклая «тамо-рус» не выполнил долга перед жителями Горенду. Куда выселились они из деревни в страхе перед приходом белых людей? Он так и не разыскал беглецов. А они так верили в возвращение своего друга! Страшно подумать, что папуасы сочтут его за предателя.

Пожелтевший, согбенный, с инеем первой седины на висках, Маклай начал лихорадочные сборы. Он упаковывал в ящики утварь, оружие, украшения открытых им народов, записи, дневники, брошюры уже изданных трудов. Он решил оставить пока семью в Сиднее и ехать в Россию.

Между тем Отто Финш уже успел вернуться в Берлин. Германия торжествовала: на Новой Гвинее было семь гаваней для имперских кораблей, устья судоходных рек, плодородные земли. В Берлине, когда речь заходила о Маклае, Отто Финш пытался выставить себя защитником своего русского друга, но ученые немцы повторяли его слова, когда говорили о «непостоянстве» Маклая, о том, что он ничего не сделал для науки, и т. п.

Особенно доктору Финшу не нравилась дружба Маклая с папуасами. В Берлине, в кругу своих ученых друзей, Финш искренне сожалел о талантливом русском чуде. «Специалистам-ученым, – говорил он, – такое раздвоение личности наблюдателя на человека науки и филантропа представляется достойным сожаления, так как оно раздробляло силы и отвлекало в сторону от намеченной цели!»

Царские чиновники встретили Маклая равнодушно. И хотя народ толпился на выставке коллекций путешественника в зале Академии наук, а молодежь преклонялась перед подвигами Маклая, неумолимая чиновничья машина медленно вращала свои ржавые шестерни. Зубцы этой машины рвали на клочья полотно той чудесной картины, которую золотом и лазурью рисовал Маклай в своем воображении. Он стучался в двери дворцов, министерств, палат. Настойчивость Маклая не знала предела. Он послал Александру III доклад об устройстве лазурной страны. Теперь, когда Берег Маклая был отнят у великого гражданина Океании, он выдвигал новый проект. Лазурную страну он устраивал на другом острове Тихого океана, куда еще не проник Отто Финш.

Зубцы машины управления Российской империи заработали вновь, и от проекта Маклая только клочья летели. Сам Александр III повелел задать океанскому мечтателю несколько вопросов. Чиновники выясняли у Маклая: на каком именно острове он хочет устроить колонию, как он добудет земли для колонистов, где он рассчитывает добыть средства на устройство страны? Такие вопросы не предвещали ничего хорошего. Доводы Маклая чиновников не убеждали.

Шел 1886 год. Империалисты соперничали из-за новых земель, французы подняли флаг Третьей республики на Мадагаскаре, итальянские солдаты шагали по выжженной солнцем Эритрее, Германия готовила окончательный захват Самоа... Французские агенты шныряли по Полинезии, чтобы быстрее поработить смуглых и стройных людей океанских островов.

Маклай понимал, что Фиши, Годафруа, Ганзман, Блейхрейдер, банкиры и негоцианты не ограничатся только одним протекторатом над Новой Гвинеей. Вслед за Финшем туда двинулись миссионеры и торговцы. Скоро к Архипелагу Довольных Людей придут на кораблях померанские стрелки, гамбургские и штеттинские морские отряды, чиновники и полицейские.

«Тамо-рус» метался по Петербургу, просиживал в приемных департаментов.

Он по-прежнему ютился в номерах. В Москве антрополог Анучин разыскал Маклая в сумрачной комнате Лоскутной гостиницы. Анучин был поражен видом героя Новой Гвинее. Осунувшийся, бледный и худой, Маклай был рассеянным, грустным и задумчивым. Анучин расспрашивал его о планах издания ученых трудов, о коллекциях. Тихим голосом «лунный человек» рассказывал о неудачах. Императорское географическое общество медлит с печатанием его трудов, обещание издать их на личный счет царя осталось на бумаге. А он мог бы сейчас подготовить сразу два тома: первый – о жизни и странствиях в Новой Гвинее, второй – о Малакке и островах Океании. Для первого тома составлено уже оглавление, отданы в переписку отдельные части книги. Врачи признали его инвалидом, Берег Маклая отнят у него, сиднейские дела пришли в расстройство, надо перевозить в Петербург семью, скудное имущество и коллекции. И Анучин тоже стал выговаривать Маклаю: нельзя Николаю Николаевичу разбрасываться, талантливый человек раскидывает жемчужины своего дарования всюду, но эта щедрость только вредит науке. Посудите сами – анатомия, антропология, этнография, филантропическая деятельность... Нельзя так увлекаться! Ведь другой на его месте после таких путешествий по Океании написал бы несколько книг. Уважаемый

коллега занялся не своим делом – планами колонии в Океании.

После скитаний по министерствам Маклай махнул рукой на сановников. Он начал помещать в газетах призыв ко всем, кто пожелает ехать с ним вместе в лазурную страну. Каждого желающего Маклай вызывал к себе лично. За Маклаем окончательно упрочилась слава чудака. Ученые педанты пожимали плечами и передавали друг другу сплетни и слухи о «субботах» Маклая, когда его новая квартира на Тележной, 18 осаждалась кандидатами в граждане океанской республики. Передавали, что на призыв покровителя папуасов откликнулось две тысячи русских людей. Но все они не имели ни гроша за душой, а на жалкие добровольные средства надеяться было нельзя.

Лазурная мечта Маклая рассеялась в октябре 1886 года. Русский царь устроил торжественные похороны проектов великого мечтателя. Проект хоронили «по первому разряду»: факельщиками и могильщиками были дипломаты, жандармы, офицеры штабов, адмиралы, сановники министерства финансов. Составленный из этих людей комитет после совещания решил отказать Маклаю во всякой поддержке. Вскоре царь прочел всеподданнейший отчет этого комитета и начертал собственноручно: «Считать это дело окончательно конченным; Миклухо-Маклаю отказать».

«Тамо-рус» мужественно перенес и этот удар. Австралийская весна застала его уже в Сиднее. Простившись навсегда со страной кенгуру, он возвратился в Петербург сразу после того, как по Неве прошел прозрачный ладожский лед.

Теперь надо готовить для печати свои труды. Груды бумаг, планы, карты, рисунки, фотографические снимки, дневники... Шестнадцать карманных записных книжек, шесть толстых тетрадей, уже перебеленных переписчиками, дневники первого тома, отдельные оттиски статей... В печати уже опубликован не один десяток работ. Теперь все это надо связать воедино, систематизировать. Некоторые рисунки не подписаны, кое-какие записи не завершены.

Но еще в Сиднее, прощаясь с Австралией, Маклай чувствовал себя плохо. От ревматизма и невралгии ныло все тело, мысли путались и обрывались. На борту корабля «Неккар» он часто не мог встать с койки.

Всякая работа отныне запрещена ему врачами. Он должен лечь в постель, отдыхать, ни о чем не думать. Всякие разговоры, особенно о Новой Гвинее, вредны для больного. Маклай не может, не привык переносить такой странной тишины, где мерный ход часов кажется ему грохотом разрушающихся миров. Закрыть бы вот глаза и услышать звон синего прилива и шелест пальмовых листьев. Взглянуть ночью в окно и вместо Большой Медведицы увидеть ровное и слабое мерцание Южного Креста. Но Маклай на несколько месяцев уложен в постель, врачи сидят у изголовья и не дают ни книг, ни газет, ни карандаша.

И в бессонных мечтах в зеленой невской ночи, похожей на рассветные часы. Маклай, закрыв глаза, видит картины своих странствий. Вот в джунглях Малакки; за цветущим кустом сидит малаец, караулящий орана. Вот слышится вой запертых в трюм чернокожих рабов. На юте большого корабля в дубовых клетках гремят цепями скованные попарно пленники. Среди них почему-то сам Маклай. Отто Финш подзывает его к себе и, улыбаясь, говорит, что князь Бисмарк жалуется барона Маклая перстнем. Финш сам берет тонкий и длинный палец Маклая и насильно надевает на него дар «железного канцлера». Страшная боль пронзает все тело, острые края кольца дробят кость. Ведь это пуссэт – каторжный перстень Новой Каледонии!..

Но этот страшный сон сменяется другим – радостным. На зеленом берегу стоит стройный матово-чернокожий человек с багряными цветами на взбитых волосах. Рядом с ним женщина с черным младенцем на руках. Они, улыбаясь, смотрят на море. На волнах качается шлюпка, и он, Маклай, плывет к зеленому берегу, и благоуханный ветер доносит до него радостный возглас: «Маклай вернулся!» Гремят барумы, яркие лучи солнца сверкают на перламутровых бортах пирога... Маклай бредит. Черные тени блуждают по его лицу. Так проходит осень, наступает зима, и к окну тихой комнаты подкрадывается трескучий январь 1888 года. Маклай чувствует себя немного лучше. Но кто недоглядел и дал в исхудалые руки Маклая газетный лист? В газете напечатано, что Германия объявила о присоединении Новой Гвинее к империи – конец «протекторату»... На этот раз Маклаю дадут в руки перо и бумагу, он напишет только несколько строк, чтобы выполнить до конца свой долг. И чуть ли не со смертного одра Маклай посылает

телеграмму Отто Бисмарку - гневный крик благородного и смелого сердца:

«Туземцы Берега Маклая протестуют против присоединения их к Германии».

Незадолго до смерти Маклай отправил письмо Льву Толстому. К письму он приложил свою брошюру о путешествии на острова Адмиралтейства.

А дальше - светлая, собравшая лучи апрельского солнца палата в клинике Виллие при Военно-медицинской академии и шесть недель страшных страданий и мужества, изумившего военных врачей, выдавших тысячи смертей. Отважный сын России умирал, как солдат на поле битвы.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай умер 2 (14) апреля 1888 года на больничной койке, простившись с женой и братом-геологом. Апрельская капель падала на крышу простого гроба. На Волково кладбище везли вместе с гробом деревянный крест с простой надписью. За гробом шли немногие друзья и родные. Комья русской земли, еще блиставшие зимней изморозью, полетели в разверстую могилу...

Прошло много лет. Великие труды Маклая лежали в научных архивах. И только мы, благодарные потомки и граждане великой Советской страны, предали гласности творения Николая Маклая. Но далеко не все его записки изданы, далеко еще не все известно нам о его мужественной и скромной жизни.

Маклай! Это имя - воплощение величайшей простоты и дружбы северной страны с народами океанских стран, счастьем которых «тамо-рус» посвятил так много лет своей короткой, но величайшей жизни.

1937-1938

Примечания

1

Чулалконгорн был одним из восьмидесяти сыновей сиамского короля Монгута. Отец Чулалконгорна, европейски образованный человек, читал в подлинниках Тацита, Горация и Виргилия, в подписи его стояло: «Rex Siamensium». Он выписал физические приборы и завел в Сиаме лабораторию. Чулалконгорн вступил на престол Сиам в 1868 году. Уже после смерти Маклая король совершил поездку в Россию. Он устроил в Сиаме телеграф и железные дороги, а сына отдал учиться в Петербург. Можно думать, что именно Маклай пробудил в короле сиамском интерес к России.